

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2024 Том 29 № 4

ВОЛШЕБНОЕ И СТРАШНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Приглашенный редактор *О.С. Наумчик*

DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-4

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЖА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дže., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Низматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиальной коммуникации, Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Джэ., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *О.В. Салова*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Каплявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2024. Выход в свет 30.12.2024. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 19,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1729. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2024 VOLUME 29 NUMBER 4

MAGICAL AND HORRIBLE IN LITERATURE

Guest Editor *Olga S. Naumchik*

DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-4

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *O.V. Salova*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Наумчик О.С. Фэнтези: состояние и перспективы изучения.....	649
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВОЛШЕБНОЕ И СТРАШНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Наумчик О.С. Игровые принципы организации художественного пространства романа Д.У. Джонс «Зачарованный лес»	655
Красовицкая Ю.В. Волшебство как ключ к освоению окружающего мира литературным героем: «Трилогия о господине Розочке» З. Ламбек.....	664
Metla S., Sudha Devi Yu.V. Meaningful miracles: unraveling eucatastrophe in the select fantasy fiction of J.K. Rowling (Значимые чудеса: раскрытие эвкатастрофы в фэнтезийной саге Джоан Роулинг).....	673
Афанасьев В.А. Ритмизованная проза в романе Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец».....	685
Апурата Т.Р., Anderleen D.L. Post-humanist food pedagogy in Margaret Atwood's speculative fiction: The MaddAddam Trilogy (Постгуманистическая пищевая педагогика в спекулятивной фантастике Маргарет Этвуд: «Трилогия о Безумном Аддаме»)	693
Сафрон Е.А. Тема Севера в современном отечественном фолк-хорроре.....	703

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кубасов А.В. Стилизация истории в творчестве Н.В. Кукольника.....	711
Мытарева А.В. Насмешка как особый тип смеха в прозе Леонида Андреева	726
Дубаков Л.В. Экфрасисы петербургского буддийского храма в поэзии Елены Шварц	738

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Samoylova A.V., Spachil O.V. Artistic time principles in D. Keyes' novel Flowers for Algernon (Художественное время в романе Д. Киза «Цветы для Элджернона»).....	747
---	-----

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ

Якова Т.С. Международные конфликты в зеркале конструктивной журналистики: медиа-географические исследования	757
---	-----

МЕДИАПОЛИТИКА

Каминченко Д.И., Петухов А.Ю. Анализ особенностей репрезентации кандидатов на выборах в президенты США 2024 года в приложении генеративного искусственного интеллекта ChatGPT	772
---	-----

НЕЙРОСЕТИ И МЕДИА

Мухина О.С., Олешко В.Ф. Нейросети для генерации иллюстраций: к проблеме адаптационных практик	788
--	-----

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Ефанов А.А. Структурирование метавселенной сквозь инфо-ноосферную оптику.....	799
Cele Z.P., Shilina M.G., Tshikovhi N. Social media driven mediatization of youth in BRICS (Социальные медиа как фактор медиатизации молодежи в странах БРИКС)	810
Ismail A.I., Bulgarova B.A., Ashour H.Y.J., Tabatabaei S., Rastorgueva N.E. Translation of King Abdullah's speeches in the context of his media image (Перевод речей короля Абдаллы II в контексте его медиаобраза).....	822

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Проскурнова Е.Л. Преподавание журналистских дисциплин в эпоху панмедиатизации: интервью с профессором Владимиром Тулуповым	835
--	-----

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Nie W., Siaw L.C., Dayng S., Nur A. Readers' acceptance of Ian McEwan novels in Mainland China: a systematic review (Читательское восприятие романов Иэна Макьюэна в материковом Китае: систематический обзор).....	840
Коваленко А.Г., Чаурова В.А. Постколониальная, постимперская, полидомная, русскоязычная. Рецензия на книгу: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешифиудинов Ш.К.. Транскультурная литература XXI века: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024	858

CONTENTS

EDITORIAL COLUMN

- Naumchik O.S.** Fantasy literature: status and prospects of study 649

LITERARY STUDIES

MAGICAL AND HORRIBLE IN LITERATURE

- Naumchik O.S.** Game principles of the art space's organization in D.W. Jones's novel *Hexwood* 655
- Krasovickaya Yu.V.** Magic as a tool to build rapport with new environment: *Herr Röslein trilogy* by Silke Lambeck 664
- Metla S., Sudha Devi Yu.V.** Meaningful miracles: unraveling eucatastrophe in the select fantasy fiction of J.K. Rowling..... 673
- Afanasev V.A.** Rhythmic prose in *The Lord of the Rings* by J.R.R. Tolkien..... 685
- Anupama T.P., Anderleen D.L.** Post-humanist food pedagogy in Margaret Atwood's speculative fiction: The MaddAddam Trilogy..... 693
- Safron E.A.** The theme of the North in modern Russian folk-horror..... 703

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Kubasov A.V.** Stylization of history in the works of N.V. Kulolnik..... 711
- Mytareva A.V.** Mockery as a special type of laughter in the prose of Leonid Andreev..... 726
- Dubakov L.V.** Ecphrasies of the Petersburg Buddhist temple in the poetry of Elena Schwartz 738

FOREIGN LITERATURE

- Samoylova A.V., Spachil O.V.** Artistic time principles in D. Keyes' novel *Flowers for Algernon* 747

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Yakova T.S.** International conflicts in the mirror of constructive journalism: media geographical research..... 757

MEDIA POLICY

- Kaminchenko D.I., Petukhov A.Y.** Analysis of the features of representation of candidates in the 2024 US presidential elections in the application of generative artificial intelligence 772

NEURAL NETWORK AND MEDIA

- Mukhina O.S., Oleshko V.F.** Neural networks for illustration generation: towards the issue of adaptation practices 788

AXIOLOGY OF MEDIA

- Yefanov A.A.** The structuring of the metaverse through the info-noospheric optics 799
- Cele Z.P., Shilina M.G., Tshikovhi N.** Social media driven mediatization of youth in BRICS..... 810
- Ismail A.I., Bulgarova B.A., Ashour H.Y.J., Tabatabaei S., Rastorgueva N.E.** Translation of King Abdullah's speeches in the context of his media image..... 822

INTERVIEW

- Proskurnova E.L.** Teaching journalism in the age of panmediatisation: an interview with Professor Vladimir Tulupov..... 835

REVIEWS

- Nie W., Siaw L.C., Dayng S., Nur A.** Readers' acceptance of Ian McEwan novels in Mainland China: a systematic review 840
- Kovalenko A.G., Chaurova V.A.** Postcolonial, post-imperial, polydome, Russian-speaking. Book review: Shafranskaya, E.F., Garipova, G.T., & Keshfidinov, Sh.K. (2024). Transcultural literature of the XXI century. Moscow: Yurait Publ. 858

ОТ РЕДАКЦИИ
EDITORIAL COLUMN

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-649-654
EDN: PWOHJI

Редакционная статья / Editorial

**Фэнтези в литературе:
состояние и перспективы изучения**

О.С. Наумчик

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*
✉ naumchik@flf.unn.ru

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: Наумчик О.С. Фэнтези в литературе: состояние и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 649–654. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-649-654>

**Fantasy literature:
status and prospects of study**

Olga S. Naumchik

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
✉ naumchik@flf.unn.ru

Article history: submitted August 5, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Naumchik, O.S. (2024). Fantasy literature: status and prospects of study. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 649–654. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-649-654>

© Наумчик О.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Современную литературу сложно представить без фэнтези. Этот жанр неизменно находит своего читателя, нередко оттесняя на второй план не только реалистические произведения, но и научно-фантастические, что отражает устремления человека во второй половине XX – начале XXI столетия. Несмотря на распространенность и востребованность фэнтезийных сюжетов в литературе, привычный современному читателю облик фэнтези обретает лишь к середине XX столетия под влиянием Дж.Р.Р. Толкина и группы Инклингов, задавших ориентиры для развития этого жанра на последующие десятилетия. К 1950-м годам в фэнтези в общих чертах сложились определенный канон и некоторые жанровые разновидности, обозначен круг тем и художественных особенностей, но к концу XX – началу XXI столетия фэнтези впитывает постмодернистские приемы и порождает множество субжанров, активно проникает в кинематограф, живопись, музыку, а позднее и в сферу компьютерных игр, что заставляет переосмыслить природу феномена.

Фэнтези – относительно молодое явление, в развитие и теоретическое осмысление которого немалый вклад внес Дж.Р.Р. Толкин. Его эссе «О волшебных историях» стало одной из первых попыток определить характерные черты фэнтези, пусть автор и не использует этот термин. Размышляя о специфике так называемых волшебных историй, волшебных сказок, литературы о феях и Фантазии, писатель выделяет несколько основных функций: восстановление душевного равновесия, бегство от действительности, счастливый финал.

Восстановление душевного равновесия помогает человеку избавиться от стереотипов привычного мышления и увидеть вещи вокруг такими, какие они есть. Следующее за ним бегство от действительности освобождает от пут механической цивилизации, в которой нет места естественности, поэзии и сказке. Счастливым концом Толкин называет способность вызывать просветление человеческой души, ее очищение в процессе соприкосновения с чудесным, соучастие в фантазии.

Несмотря на то что история фэнтези насчитывает почти столетие, единого научного подхода к его изучению не существует. Исследователи не смогли прийти к единому мнению о сущности фэнтези, называя его то направлением (С. Логинов, Д. Лопухов, С.В. Шамякина), то жанром (Дж. Тиммерман, А.М. Приходько, И.А. Столярова, И.Д. Винтерле), то просто разновидностью литературы (В.А. Ревич, В. Л. Гопман), а в последние годы все более распространенным становится стремление определить сходные и различные черты фэнтези и литературной сказки (М.В. Соломонова, С.В. Гусарова, Е.Н. Левко, А.В. Жучкова, К.Г. Артамонова и др.). Намечаются пути к определению фэнтези как метажанра (Т.И. Хоруженко, О.С. Наумчик).

Фэнтези – явление динамично развивающееся и очень гибкое с точки зрения жанровых вариаций, так как одно произведение может обладать признаками нескольких субжанров, а порою включает в себя и элементы

научной фантастики, что соответствует общей современной тенденции к размыванию границ между жанрами. Однако при всем многообразии фэнтези, можно обозначить ряд структурно-семантических признаков, которые обнаруживаются в подавляющем большинстве произведений:

- опора на сказочно-мифологическую и литературную традицию;
- включение элементов чудесного, магического или сверхъестественного, которые не объясняются с точки зрения научных законов;
- создание внутренне непротиворечивого и убедительного вторичного мира, обладающего альтернативной историей, географией, религиозно-мифологической и общественно-политическими системами;
- борьба оппозиционных начал (Добра и Зла, Порядка и Хаоса), которая различно осмысливается в эпическом, героическом и юмористическом фэнтези;
- незавершенность и серийность, обусловленная, с одной стороны, коммерческой направленностью массовой литературы, а с другой — феноменом сотворчества, позволяющим включиться в процесс создания фэнтезийной вселенной большому количеству участников;
- квестовое построение сюжета;
- формульность и шаблонность;
- игровая природа;
- мультимедийность и тяготение к синтетическим, гибридным формам.

Поскольку фэнтези имеет немало вариантов в рамках единого жанра, общепринятой типологии его разновидностей до сих пор не существует в силу того, что в качестве основания для выделения субжанров предлагаются разные принципы. В зависимости от особенностей построения вторичного мира фэнтези нередко делят на так называемое «высокое» и противопоставленное ему «низкое». В высоком фэнтези вторичный мир существует как самодостаточная и независимая реальность, развивающаяся по своим законам, никак не связанная с привычной. В низком фэнтези вторичный мир — это либо вариация обычного мира, либо система мультивселенной, осмысляемая как параллельное измерение, тем или иным образом взаимодействующее с реальным миром.

Принципы построения сюжета, обрисовки образов и специфики конфликта позволяют создать более развернутую классификацию и выделить эпическое, героическое, историческое, мифологическое, городское, темное, интеллектуальное, юмористическое, боевое, детективное, авантюрное и научное фэнтези (технофэнтези), однако нередкой является ситуация, когда в одном произведении сочетаются признаки разных субжанров, что затрудняет их классификацию.

Еще один принцип типологии предполагает выявление национальных моделей, так как фэнтези, зародившись в британской литературе, существенно трансформировалось на американской почве даже в рамках

одного жанра. Именно англоязычная литература сформировала канон фэнтези. Несмотря на то что в литературах других стран фэнтези, как правило, развивается по англоязычным образцам, некоторые тексты обладают значительной самобытностью и оригинальностью. Как правило, это связано с их опорой на национальный фольклор или национальную литературную традицию. Одно из наиболее ярких проявлений неанглоязычной литературы – славянское фэнтези, для которого характерно использование национального антуража, обращение к славянской мифологии и фольклору. Интересно с точки зрения самобытности и японское фэнтези, которое наиболее показательно проявляется в манге и аниме. В последние годы европейский читатель получил возможность познакомиться с образцами корейского и китайского фэнтези.

Таким образом фэнтези, сохраняя узнаваемый облик за счет наличия ряда характерных особенностей, имеет множество вариаций и продолжает динамично развиваться, подстраиваясь под меняющийся литературный процесс, а популярность и востребованность жанра в современной культуре делает его важным и интересным объектом для исследования.

It is difficult to imagine modern literature without fantasy, because it invariably finds its readers, often pushing aside not only realistic works, but also science fiction, which is an important indicator in the change of human aspirations in the second half of the twentieth and early twenty-first century. Despite the prevalence and demand for fantasy plots in literature, fantasy only took on the shape familiar to modern readers by the middle of the twentieth century under the influence of J.R.R. Tolkien and the Inklings, who set the benchmarks for the development of the genre in the following decades. By the 1950s, a certain canon and some genre varieties had been established in fantasy, as well as a range of themes and artistic features, but by the end of the twentieth and beginning of the twenty-first century, fantasy absorbed postmodernist techniques and gave rise to even more subgenres, as well as actively penetrated into cinema, painting, music, and later into the sphere of computer games, which forced us to rethink the very nature of the fantasy phenomenon.

Fantasy is a relatively young phenomenon, and J.R.R. Tolkien made a significant contribution to its development and theoretical understanding. His essay 'On Fairy-Stories' was one of the first attempts to define the characteristic features of fantasy, even though J. R. R. Tolkien does not use this term. Reflecting on the specificity of the so-called fairy-stories, fairy tales, Fairy literature and Fantasy, the writer identifies several main functions inherent in fairy stories – restoration of mental balance, escape from reality and happy ending. Restoration of mental balance helps a person to get rid of stereotypes of habitual thinking and to see things around him as they are, the following escape from reality gives liberation from the fetters of mechanical civilization, in which there is no place for naturalness, poetry and fairy tale, and Tolkien calls the happy ending the

ability to cause enlightenment of the human soul, its purification in the process of contact with the fairy tale and complicity in fantasy.

Despite the fact that the history of fantasy is almost a century old, there is no single scientific approach to its study. Researchers have not been able to reach a consensus on the essence of fantasy, calling it a direction (S. Loginov, D. Lopukhov, S.V. Shamyakina), a genre (J. Timmerman, A.M. Prikhodko, I.A. Stolyarova, I.D. Winterle), or simply a type of literature (V.A. Revich, V.L. Gopman), and in recent years it is becoming more and more common to try to define similar and different features of fantasy and literary fairy tale (M.V. Solomonova, S.V. Gusarova, E.N. Levko, A.V. Zhuchkova, K.G. Artamonova, etc.). There are also ways to define fantasy as a meta-genre (T.I. Khoruzhenko, O.S. Naumchik).

Fantasy is a dynamically developing phenomenon and very flexible in terms of genre variations, as one work can have the characteristics of several subgenres, and sometimes includes elements of science fiction, which corresponds to the general modern tendency to blur the boundaries between genres. However, for all the diversity of fantasy, we can identify a number of structural and semantic features that are found in the vast majority of works:

- reliance on fairy-tale, mythological and literary traditions;
- incorporating elements of the miraculous, magical or supernatural that are not explained in terms of scientific laws;
- creation of an internally consistent and convincing secondary world with an alternative history, geography, religious, mythological and socio-political systems;
- the struggle of oppositional principles (Good and Evil, Order and Chaos), which is differently comprehended in epic, heroic and humorous fantasy;
- incompleteness and seriality due, on the one hand, to the commercial orientation of mass literature and, on the other hand, to the phenomenon of co-creation, which allows a large number of participants to get involved in the process of creating a fantasy universe;
- the quest construction of the plot;
- formulaicity and template;
- game base;
- multimedia and a tendency towards synthetic, hybrid forms.

Since fantasy has many variants within a single genre, there is still no universally accepted typology of its varieties, because different principles are proposed as the basis for distinguishing subgenres. Depending on the peculiarities of the construction of the secondary world, fantasy is often divided into the so-called 'high' and the 'low' opposed to it. In high fantasy, the secondary world exists as a self-sufficient and independent reality, developing according to its own laws and in no way connected with the world familiar to the reader. In low fantasy, the secondary world is either a variation of the ordinary world, or it is included in the Multiverse system and comprehended as a parallel dimension that interacts with the real world in one way or another.

The principles of plot construction, characterization and specificity of the conflict allow for a more detailed classification and distinguish epic, heroic, historical, mythological, urban, dark, intellectual, humorous, combat, detective, adventure and scientific fantasy (technofantasy), but it is not uncommon for one work to combine features of different subgenres, which makes classification difficult.

Another principle of typology involves the identification of national models, since fantasy, having originated in British literature, was then significantly transformed on American soil, even within the same genre. It was English-language literature that formed the canon of fantasy, but although fantasy in other countries' literatures tends to develop along English-language lines, some texts have considerable originality and originality. As a rule, this is due to their reliance on national folklore or national literary tradition. One of the most striking manifestations of non-English fantasy literature is Slavic fantasy, which is characterized by the use of Slavic settings and reference to Slavic mythology and folklore. Interesting from the point of view of originality is Japanese fantasy, which is most evident not so much in literature as in manga and anime, and in recent years European readers have had the opportunity to get acquainted with samples of Korean and Chinese fantasy.

Thus fantasy, while retaining a recognisable image due to the presence of a number of characteristic features, has many variations and continues to develop dynamically, adjusting to the changing literary process, and the popularity and demand for fantasy in modern culture makes it an important and interesting object of study.

Сведения об авторе:

Наумчик Ольга Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. ORCID: 0009-0009-3121-9420. E-mail: naumchik@flf.unn.ru

Bio note:

Olga S. Naumchik, PhD. in Philology, Professor at the Department of Foreign Literature, Lobachevsky State University, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation. ORCID: 0009-0009-3121-9420. E-mail: naumchik@flf.unn.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ВОЛШЕБНОЕ И СТРАШНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ
LITERARY STUDIES
MAGICAL AND HORRIBLE IN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-655-663

EDN: PZRMGK

УДК 821.111

Научная статья / Research article

**Игровые принципы организации художественного
пространства романа Д.У. Джонс
«Зачарованный лес»**

О.С. Наумчик

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

✉ naumchik@flf.unn.ru

Аннотация. Рассматриваются игровые принципы организации художественного пространства романа Д.У. Джонс «Зачарованный лес» с целью выявления игровых аспектов указанного произведения в контексте жанровых особенностей фэнтези во второй половине XX века. Ставится задача сформулировать игровые принципы жанра и проследить их реализацию в романе Д.У. Джонс «Зачарованный лес». Выдвигается общий тезис о том, что в соответствии с традицией игровой культуры феномен игры актуализировался в литературе и искусстве на структурно-композиционном и тематическом уровнях. Особенно показательно игровые особенности проявились в жанре фэнтези, что позволяет говорить о трех аспектах заявленной проблемы: игровых принципах моделирования вторичного мира; проблемно-тематическом поле; интертекстуальной игре с претекстами. Делается вывод, что в романе Д.У. Джонс «Зачарованный лес» пространство и время представляются нелинейными, обнаруживаются несколько уровней ассоциаций и аллюзий на артуровский цикл сказаний. Важным является и то, что все персонажи участвуют в игре киборга Баннуса по мотивам артурианы, но помимо узнаваемых ролей (Артур, Мерлин, Амфортас и др.) почти каждый из героев заявлен и в других амплуа, не осознаваемых таковыми.

Ключевые слова: фэнтези, игра, Д.У. Джонс, «Зачарованный лес», хронотоп, артуриана, жанр, миромоделирование

© Наумчик О.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: *Наумчик О.С.* Игровые принципы организации художественного пространства романа Д.У. Джонс «Зачарованный лес» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 655–663. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-655-663>

Game principles of the art space's organization in D.W. Jones's novel *Hexwood*

Olga S. Naumchik

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ naumchik@flf.unn.ru

Abstract. The game principles of the art space's organization in D.W. Jones's novel *Hexwood* are considered. The aim of the study is to identify *Hexwood*'s game aspects in the context of fantasy's genre features in the XXth century's second half. Objectives of the study are to formulate the game principles of the fantasy genre and to trace their realization in the novel. The general thesis is that the game's phenomenon has been actualized in literature and art at the compositional and thematic levels, which corresponds to the game culture's tradition. In fantasy, game features are particularly revealed, which allows us to distinguish three aspects of their consideration: game principles of secondary world creating, problem-themed field, intertextual play with pretexts. All of this points to great gaming potential of the fantasy. It is concluded that the space and the time in D.W. Jones's novel *Hexwood* become more complex and non-linear. It's also revealed several levels of associations and allusions to the Arthurian cycle. All personages are involved in the cyborg Bannus's game, based on the Arthurian tales, but in addition to their recognizable roles (Arthur, Merlin, Amfortas, etc.), almost all of the characters play other roles, not realized by them.

Keywords: fantasy, game, D.W. Jones, chronotope, arturiana, genre, world modeling

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Naumchik, O.S. (2024). Game principles of the art space's organization in D.W. Jones's novel *Hexwood*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 655–663. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-655-663>

Введение

Игра как философско-эстетическая категория интересовала исследователей начиная с Античности, а с XVIII–XIX веков она стала предметом рассмотрения немалого числа философов (И. Кант, Ф. Шиллер, Ф. Ницше,

Й. Хейзинга, Х.-Г. Гадамер, О. Финк и др.). Различные аспекты игровой деятельности затрагивались не только в эстетических теориях, но и в биологических, биопсихологических, социологических, культурологических и синтетических концепциях. Со второй половины XX века мировоззрение человека кардинально изменилось, что привело к постмодернистскому переосмыслению феномена игры, которая приобрела глобальный и всеобъемлющий характер.

При всем разнообразии подходов к эстетической категории игры ее реализация в литературе, как правило, сводится к трем аспектам: автор создает текст как игровое поле для читателя; читатель декодирует текст или играет в него, если художественное произведение построено как текстовый квест; персонажи могут быть представлены играющими в разнообразные игры – детские, психологические, социальные, по правилам, заданным высшими силами (Наумчик, 2020, с. 80).

Игровой характер фэнтези

В контексте развития игровой культуры со второй половины XX века закономерно, что игра особенно актуализировалась в литературе и искусстве на структурно-композиционном и тематическом уровнях. Особенно показательно игровые особенности проявились в фэнтези, ведь этот жанр изначально был обозначен как игровая фантастика.

Игровые особенности фэнтези отмечались исследователями с конца XX века – еще У.Р. Ирвин в работе *The Game of the Impossible: A Rhetoric of Fantasy* подчеркивал, что фэнтези порождает стремление к удивительному, которое проявляет себя в игре ума (Irwin, 1976, p. 3). Т.А. Чернышева, следуя за его размышлениями, отмечала, что основная задача фэнтези – это интеллектуальная игра (Чернышева, 1984, с. 52).

О.С. Мончаковская в статье «Фэнтези как разновидность игровой литературы», опираясь на теории Й. Хейзинга, Х. Ортеги-и-Гассета и Х.-Г. Гадамера, пришла к выводу, что присутствующее в фэнтези агональное начало, выраженное в битвах, поединках и глобальных конфликтах, рождает напряжение – одно из условий получения чувственного и эстетического удовольствия, которое читатель и ищет (Мончаковская, 2007, с. 232). Важно, что отмеченную агональность можно рассматривать в контексте постмодернистской эстетики и говорить о наличии агонального диалога читателя с текстом (автором), который следует понимать не только как ожидание победы над партнером, но и как игру на образованности (Мончаковская, 2007, с. 233). Третий аспект игрового начала, который отмечает О.С. Мончаковская, связан с тщательно проработанным вторичным миром, так как осуществление игры требует некой игровой зоны, времени и пространства, в границах которой осуществляется игровое действие (Мончаковская, 2007, с. 233).

Подобным образом размышляет также И.Д. Винтерле в своей диссертации «Феномен незавершенности в раннем творчестве Дж.Р.Р. Толкина и проблема становления концепции фэнтези». Автор подчеркивает, что игровое начало как одна из основ жанра фэнтези реализуется на нескольких уровнях: как игра писателя в построение возможного мира; как игра читателя в побег от реальности, своеобразная форма эскапизма; как выход игрового принципа за пределы текста – «ролевая игра» с воссозданием мира того или иного произведения (Винтерле, 2013, с. 14–15).

Следуя логике указанных исследователей, мы, в свою очередь, исходим из тезисов, что в жанре фэнтези игровое начало проявляется на трех уровнях: игровых принципах моделирования вторичного мира, который выстраивается согласно определенной системе правил; проблемно-тематическом поле, где усматриваются темы играющих богов и/или людей; интертекстуальная игра с претекстами, что позволяет говорить об огромном игровом потенциале фэнтези.

Игровые особенности романа Д.У. Джонс «Зачарованный лес»

В качестве наглядного примера фэнтези, характеризующегося ярко выраженными игровыми принципами, возьмем роман Д.У. Джонс *Hexwood* (1993), название которого на русский язык переводят как «Зачарованный лес» (А. Шульгат) или «Колдолесье» (А. Курлаева).

Диана Уинн Джонс (Diana Wynne Jones, 1934–2011) – известная британская писательница, работавшая в жанре фэнтези и писавшая преимущественно для детей и подростков, во многом определила пути развития фантастической английской литературы. Ее стремление к синтезу жанров соответствовало постмодернистской эстетике, а игровые особенности творчества прекрасно иллюстрируют общие тенденции литературной игры. Языковая игра, игра с пространством и временем, интертекстуальная игра с текстами предшествующей литературы, а также тема детских игр – все это соответствует сложившимся к концу XX века традициям фэнтези и подтверждает игровой характер ее творчества.

«Зачарованный лес», к которому мы обращаемся, написан на стыке жанров фэнтези и научной фантастики, что соответствует эстетическим принципам писателя, однако в силу того, что композиция романа усложнена, а события развиваются непоследовательно, создается впечатление, что в первой части произведения автор осознанно вводит читателя в заблуждение, убеждает его в том, что перед ним – не более чем подростковое фэнтези о приключениях девочки Энн, оказавшейся в заколдованном лесу.

Образ леса, в котором по сюжету искажается восприятие пространства и течение времени, соответствует сказочно-мифологической модели, где лес – это загадочное, чудесное и зачастую опасное пространство, противопоставленное привычному миру людей. Однако по ходу развития

событий становится понятно, что волшебные свойства леса обусловлены неким паратипическим (*paratypical*) полем, сотворенным киборгом Баннусом. В конце произведения выясняется, что существует и некое тэта-пространство (*theta-space*) Великого леса, объединяющего все зеленые массивы планеты. К слову, в саентологии, на которую могла опираться Д.У. Джонс, тэта-вселенная понимается как пространство мысли и время мысли, скомбинированные в самостоятельную вселенную, аналогичную материальной.

Можно предположить, что замысел «Зачарованного леса» сложился под влиянием «Леса Мифаго» Р. Холдстока (*Mythago Wood*, 1984), так как этот лес, населенный фольклорно-мифологическими персоналиями, является частью изначального леса, когда-то покрывавшего всю территорию Англии. В нем, как и на зачарованных островах в кельтской мифологии, время течет с иной скоростью, а пространство может расширяться практически до бесконечности, ведь небольшой на первый взгляд лес становится местом перехода в другой мир. Лес Мифаго в романе Р. Холдстока – это многомерное пространство и время, в нем независимо друг от друга обитают как охотники неолита, так и кельты, норманны, саксы, прибывшие с континента рыцари, а также Урскумуг – герой древних мифов, представляющий собой архетип, от которого и произошли все остальные образы.

«Лес Мифаго», безусловно, оказал огромное влияние на развитие фэнтези в последующие десятилетия, однако, если сравнивать принципы воплощения хронотопа в указанных романах, мы увидим, что британская писательница, хоть и играет с читателем более половины повествования, в итоге все же дает логичное научное объяснение происходящим событиям. Баннус, от которого зависит организация пространства и времени, да и сам разыгрываемый сюжет, является тем, что земляне назвали бы киборгом (Джонс, 2016, с. 385).

Назначение Баннуса, сконструированного четыре тысячи лет назад, – испытывать кандидатов в правители вселенной, помещая их в тэта-пространство и разыгрывая сценарии, основанные на конкретных жизненных ситуациях. Однако сюжеты, участником которых становится главная героиня, разыгрываются непоследовательно, что вводит ее в смятение, потому что Энн, периодически посещая лес, попадает в разные временные потоки и видит другого важного героя – Чела (*Hume*), созданного из ее крови, – то маленьким мальчиком, то подростком, то юношей, а из его поведения становится понятно, что некоторые события, которые уже произошли с ним, с Энн еще не случились. Более того, ближе к финалу граница между чудесным лесом и городом, где живет Энн, истончается и размывается – из леса приходят люди в средневековых доспехах, чтобы ограбить продуктовые магазины. Позднее это событие объясняется тем, что в замке, находящемся в тэта-пространстве, закончились припасы.

Усложняя не только хронотоп, но и организацию сюжета, Д.У. Джонс вводит вторую сюжетную линию о правителях, которые пытались преодолеть кризис, возникший из-за действий Баннуса во вселенной, состоящей из неисчислимого множества населенных планет. Один за другим пять властителей отправились на Землю, но все они оказались в паратипическом поле Баннуса, из-за чего вынуждены играть по его правилам и по его сценарию, не отдавая себе в этом отчета, причем сам сценарий имеет множество отсылок к артуровскому циклу сказаний.

Являясь участником разворачивающихся в зачарованном лесу событий, Энн не единожды начинает сомневаться в истинности происходящего, однако Мордион, который встретился ей в лесу и помог создать Чела, убеждает, что тэта-пространство обладает истинным бытием, даже если никто точно не знает, что оно из себя представляет (Джонс, 2016, с. 114). Когда замысел Баннуса становится понятен, а принципы его игры проясняются, персонажи и читатели осознают, что даже то, что казалось реальным, например город, где живет Энн, является лишь частью сценария и включен в тэта-пространство. Более того, сама Энн — вовсе не девочка-подросток, которой она казалась добрую половину сюжета, а девушка по имени Вайеррэн, прибывшая на Землю с Властителем Первым и Властительницей Второй.

Таким образом в романе Д.У. Джонс «Зачарованный лес» при его кажущейся простоте и сказочности можно выявить три уровня пространства-времени.

1. Вселенная, которая состоит из множества планет и управляется Властителями. В этой сюжетной линии Мордион и Вайеррэн являются одновременно и слугами правителей, и носителями их генов. Именно этот мир истинный, и ради избрания новых Властителей Баннус и затевает свою игру.

2. Мир, в котором разворачиваются события в начале романа, построен на сказочно-мифологической оппозиции Лес — Город, где Город кажется реальным и обыденным пространством, а Лес — нереальным и зачарованным. В этой линии центральные персонажи — девочка Энн, старик Мордион и его воспитанник Чел.

3. Мир Леса, построенный в соответствии со сценарием Баннуса, основан на артуровском цикле сказаний. В данной сюжетной линии Вайеррэн — одна из придворных дам при дворе короля Амбитаса, а Мордион — сначала волшебник, а потом — дракон.

Такое усложнение вторичного мира, где реальность и ирреальность переплетаются так тесно, что разграничить их практически невозможно, нехарактерно для творчества Д.У. Джонс. Несмотря на это роман соответствует постмодернистскому принципу неопределенности, в подобном подходе к организации хронотопа мы можем увидеть влияние Нила Геймана, с которым писательница была дружна и которому посвятила роман.

Не менее интересным и репрезентательным с точки зрения воплощения игровых принципов фэнтези видится сюжет, связанный со сценариями Баннуса, разыгрываемыми в произвольном порядке и связанными с артуровским циклом.

Процесс игры, вокруг которого строится сюжет, был запущен неким Харрисоуном, зрителем Баннуса, пожелавшим поучаствовать в ролевой игре, где были бы хоббиты и святой Грааль. Как мы уже говорили, повествование «Зачарованного леса» является усложненным, нелинейным и игровым, а потому вкрапления образов из артуровского цикла сказаний не всегда очевидны, зачастую хаотичны, несмотря на то что уже в начале романа упоминается таинственный король, который болен неизлечимой раной (Джонс, 2016, с. 71), сэр Борс, что много молится, честный и суровый сэр Бедивер, сэр Харрисоун, которого все искренне ненавидят.

Очевидно, что Борс и Бедивер отсылают читателя к образам рыцарей Круглого стола, как и неизлечимо больной король, под которым подразумевается легендарный король-рыбак Амфортас, имя и личность которого писательница проясняет позднее, – Амбитас (*Ambitas*), и является Властителем Вторым, одним из пяти правителей, против которых ведет свою игру Баннус. Однако среди образов, отсылающих к артуриане, оказывается и Харрисоун, имя которого не претерпевает никаких изменений, как не достается ему и никакая значимая роль в игре – он остается самим собой, пусть и перенесенным в декорации легендарной средневековой Британии.

Центральные персонажи, в свою очередь, играют вполне узнаваемые роли: Властитель Второй – Амбитас/Амфортас; Властительница Третья – Моргана ла Трей (в артуровской традиции *Morgan Le Fay*); Властитель Четвертый – Зеленый рыцарь; Чел, сотворенный, подобно гомункулу, из крови Мордиона и Энн, не кто иной, как волшебник Мерлин, хотя в одном из эпизодов в лесу он играет роль короля Артура, так как извлекает из камня меч Экскалибур. Позднее в роли Артура выступает Артегал, которого Энн/Вайеррэн, обнаруживая в себе способность мысленно общаться с будущими правителями, называет Королем.

Важным представляется то, что протагонисты (Энн, Мордион и Чел) одновременно играют несколько ролей, но далеко не всегда осознают эти личины как роли. Например, Энн, девочка-подросток, оказавшаяся в Зачарованном лесу, на самом деле является взрослой девушкой Вайеррэн, служащей Властителям против своей воли. При дворе короля Амбитаса она становится придворной дамой и, если данное амплуа осознает, как роль, то ипостась Энн для нее ролью не является.

Мордион, который так же служит Властителям, в сознании Энн/Вайеррэн назван Рабом, что указывает на то, что он является игрушкой Властителей, тщательно возвращенной и воспитанной для того, чтобы

подчиняться и выполнять их жестокие приказы, но именно Мордион, получив свободу в сценарии Баннуса, играет роль создателя и наставника для Чела, а в финале, превратившись в дракона, бросает вызов Властителю Первому и побеждает его.

Наиболее сложным представляется образ Чела. Вначале он, созданный искусственно, напоминает несмышленого ребенка, но позднее примеряет на себя роль короля Артура, извлекая меч из камня, а в главах, посвященных истории Вайерррен, обозначается Узником. В финале романа он назван не только Мерлином (что вполне увязывается с ролью Узника, потому что и Мерлин был заточен в пещере), но также дядей Волком и Мартеллианом, что выводит нас за рамки аллюзий на артуриану.

В соответствии с сюжетом Мартеллиан — не кто иной, как древний правитель, который некогда ввел принципы евгеники и так называемые программы воспитания, первая из которых, как отмечает Д.У. Джонс в примечаниях, имела место, когда он бродил по Северной Европе и называл себя Волком. Под этой личиной его позже спутали с богом Вотаном. Как Волк, он вывел целую расу героев, наиболее известный из которых — Зигфрид (Джонс, 2016, с. 454). Вторая программа воспитания Мартеллиана привела к рождению легендарного короля Артура, род которого восходил к нему, как и род Фителы к Беовульф. В сознании Вайеррэн Фитела — это Мальчик, в первой половине романа играющий роль Мартина, младшего брата Энн, и ставший четвертым властителем. Последний же из пяти будущих правителей, отобранных Баннусом, — Артегал, которого Вайеррэн называет в своем сознании Королем.

Заключение

Итак, в романе Д.У. Джонс «Зачарованный лес» мы видим не только усложненную организацию пространства и времени, но и несколько уровней ассоциаций и аллюзий, так как будущие правители обозначены условными именами: Король, Раб, Узник, Мальчик. Все они участвуют в игре Баннуса по сценарию артуровского цикла сказаний. Но, помимо игровых ролей, наиболее очевидными из которых являются Мерлин/Узник, Артур/Король, почти каждый из героев заявлен и в других ролях, не осознаваемых таковыми.

Список литературы

- Винтерле И.Д.* Феномен незавершенности в раннем творчестве Дж.Р.Р. Толкина и проблема становления концепции фэнтези: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2013. 22 с.
- Джонс Д.У.* Зачарованный лес. М.: Азбука-Аттикус, Азбука, 2016. 544 с.

Мончаковская О.С. Фэнтези как разновидность игровой литературы // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 231–237.

Наумчик О.С. Миромоделирующие функции игры в художественной системе английского фэнтези: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 322 с.

Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 331 с.

Irwin W.R. The Game of the Impossible a Rhetoric of Fantasy. Urbana – Chicago – London: University of Illinois Press, 1976. 215 p.

Сведения об авторе:

Наумчик Ольга Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. ORCID: 0009-0009-3121-9420. E-mail: naumchik@ff.unn.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-664-672
EDN: QCHUDY
УДК 821.112.2

Научная статья / Research article

Волшебство как ключ к освоению окружающего мира литературным героем: «Трилогия о господине Розочке» З. Ламбек

Ю.В. Красовицкая

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ info@mgpu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема адаптации литературного героя в новом для себя пространстве и окружении в дебютной трилогии немецкой писательницы Зильке Ламбек «Господин Розочка», «Господин Розочка возвращается», «Куда пропал господин Розочка?» (*Herr Röslein*, 2007; *Herr Röslein kommt zurück*, 2008; *Wo bleibt Herr Röslein?* 2010). Цель – анализ взаимодействия литературного героя-ребенка с окружающим миром при помощи волшебства и при содействии волшебника. Задача – выделить характерные черты образов волшебника и его юного «подопечного». Доказывается общий тезис о том, что волшебство помогает решать конфликты и «осваивать» чужое неизведанное пространство и общество. На примере анализируемого материала формулируется следующее наблюдение: подмены реальной действительности не происходит, герой-волшебник лишь помогает другим персонажам поверить в собственные силы. Отдельное внимание уделяется рассмотрению процесса трансформации магических способностей чародея (господина Леопольда Розочки). В третьей книге, например, обязанности волшебника разрешать конфликты передаются герою-ребенку (Морицу). Этому сопутствует видоизменение магических сил: отныне они могут рассматриваться как доброта и храбрость спасателя или мудрость психолога. Герой-ребенок расценивает волшебство как удивительный и одновременно пугающий элемент. Оно не становится основным ориентиром в окружающем мире, но выполняет второстепенную вспомогательную функцию.

Ключевые слова: жанр, миромоделирование, волшебник, герой-ребенок, социализация, свой – иной – чужой, художественный конфликт

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

© Красовицкая Ю.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Красовицкая Ю.В. Волшебство как ключ к освоению окружающего мира литературным героем: «Трилогия о господине Розочке» З. Ламбек // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 664–672. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-664-672>

Magic as a tool to build rapport with new environment: Herr Röslein trilogy by Silke Lambeck

Yuliya V. Krasovickaya

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

✉ info@mgpu.ru

Abstract. Investigates how a literary character adapts to a new context in the debut trilogy of the German writer Silke Lambeck (*Herr Röslein*, 2007; *Herr Röslein kommt zurück*, 2008; *Wo bleibt Herr Röslein?* 2010). The aim is to look into the ways the child-character establishes rapport with the new environment backed by a wizard and his magical power and to define the distinctive features of the wizard and his young pupil. The analysis acknowledges that magic plays a crucial role in resolving conflicts and helps characters navigate and adapt to new foreign spaces and societies. Real life in the novels is not displaced by a fantasy world; the magician character just empowers others to become more confident in their own strength. A special focus is made on the process of Mr. Leopold Rosette's magic powers transformation. In the third book the wizard's responsibility to settle conflicts is passed on the child character Moritz. This makes magical powers modification: from now on magic is found in kind and courageous acts of the rescuer or wise decisions of the psychologist. Magic itself as seen by the child appears as an amazing and at the same time frightening thing. Yet, magic does not serve as the main reference point in the surrounding world but rather performs a supporting function.

Keywords: genre, world modeling, wizard, child-character, social adjustment, one's own – other – alien, building rapport, artistic conflict

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Krasovickaya, Yu.V. (2024). Magic as a key to build rapport with new environment: *Herr Röslein trilogy* by Silke Lambeck. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 664–672. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-664-672>

Введение

Появление дебютной трилогии Зильке Ламбек (род. 1964) – «Господин Розочка», «Господин Розочка возвращается», «Куда пропал господин Розочка?» (*Herr Röslein*, 2007; *Herr Röslein kommt zurück*, 2008; *Wo bleibt Herr Röslein?* 2010) – стало ярким событием в мире детской немецкоязычной прозы. Писательница синтезирует магическое и обыденное, сочетая чудесное с тонким психологизмом.

За полтора десятка лет книги Ламбек были переведены на разные языки и удостоены премии Prix Chronos. Несмотря на неугасающую популярность, до сих пор подробных литературоведческих исследований ее произведения нет.

Волшебство в книгах для детей делает истории увлекательными. Однако этим его функции не ограничиваются. Вера в магию актуализируется в стрессовых ситуациях в связи с необходимостью адаптации к ним, <...> она функционирует в психическом поле человека как защитный механизм (Байрамова, Ениколопов, 2021, с. 5). Интерес и занятия магией вызваны нежеланием или неумением [героя] решить собственные проблемы обычными средствами (Лобова, Титкова, 2015, с. 199). При этом семантика слов «магический», «волшебный» имеет положительную мотивирующую направленность (Зинкевич-Евстигнеева, 1998, с. 13).

Вопросы о том, в какой мере волшебство способствует решению конфликтов, «освоению» чужого, насколько оно помогает герою найти собственное место в жизни, заслуживают отдельного внимания.

Ребенок нередко болезненно воспринимает процесс адаптации к окружающей действительности. Такова одна из проблем главного героя — восьмилетнего Морица. Поиск и осознание себя приводят к столкновению с незнакомыми людьми и спорными ситуациями. Возникают внутри- и межличностные, скрытые и открытые конфликты, наблюдается противопоставление категорий «свой» и «чужой». Промежуточным звеном в этом конфликте может служить «иное/другое». Четко отделить эти сферы друг от друга бывает непросто. Однако в работах З. Ламбек демонстрируется, как при небольшом вмешательстве волшебства (хотя не всегда, и это принципиально важно!) наблюдается любопытное сближение категорий, переход от враждебности к примирению, приятию чужого и возможности ассимиляции (Красовицкая, 2022, с. 6).

Чтобы прояснить ситуацию, необходимо кратко остановиться на определении основных понятий. Процесс самоидентификации «Я» осуществляется через осознание Другого, реального человека (Неверович, 2016, с. 35). Другой не несет, в отличие от Чужого, <...> угрозу существованию Своих (Дубоссарская, 2008, с. 170). Разнообразие поведенческих моделей свидетельствует о множестве вариантов и форм сближения своего и иного, при этом в детской литературе допустимым нередко становится отказ от последнего элемента в триаде «свой — другой/иной — чужой» (Красовицкая, 2024, с. 54). Для трилогии З. Ламбек характерен не «отказ», а быстрый (волшебный) переход в категорию иных в процессе разрешения конфликтов.

Результаты и обсуждение

Характеристика образа волшебника в трилогии Зильке Ламбек

Помощником и наставником Морица, а также многих других, порой лишь мельком упомянутых героев, в трилогии Зильке Ламбек становится

Леопольд Розочка. В его образе (как и в названии частей книги) прослеживается ряд аналогий с другой еще более известной историей для детей: «Мэри Поппинс», «Мэри Поппинс возвращается», «Мэри Поппинс открывает дверь» (*Mary Poppins*, 1934; *Mary Poppins Comes Back*, 1935; *Mary Poppins Opens the Door*, 1943) Памелы Линдон Трэверс (1899–1996).

Перечислим некоторые из них:

- экстраординарные способности — умение летать, читать мысли, понимание языка животных;
- схожие атрибуты — зонтики, элегантная одежда;
- удивительное жилище — дом в чемодане и шатры пустыни в квартире;
- нежелание раскрывать свои способности перед «непосвященными» взрослыми;
- реализация детских фантазий — полет, необыкновенные сладости, беседа с животными.

Современный литературный дискурс изобилует отсылками к культуре (Afanasjeva, 2020, p. 1098). Проводить детальное сравнение двух образов не входит в задачи данной статьи, однако намеченные сходства делают образ мага Зильке Ламбек еще более глубоким и емким.

Господин Розочка выполняет непростую миссию. Он совершает длительные путешествия, получая таинственные задания. «Я своего рода решатель проблем <...> Я помогаю людям, которые нуждаются в помощи», — говорит он о себе. При этом даже волшебник далеко не всегда чувствует себя уютно в совершенно незнакомом мире. Однако оказывается, что люди далеко не такие разные (Ламбек, 2017а, с. 155). Они лишь в большей или меньшей степени наделены положительными чертами. Дистанция преодолевается поиском индивидуального подхода к каждому. И в этом заключается один из секретов волшебства.

Герой не называет неприятных людей врагами, чужими. В книге одно из основных правил — не желать никому зла. «Моя соль не устраняет плохие свойства характера, — объясняет господин Розочка. — Она может только увеличивать хорошие, чтобы для плохих просто не оставалось места» (Ламбек, 2017, с. 52).

Еще одним «ограничением» для волшебства, как ни парадоксально, становится искренность. Маг не может заставить людей чувствовать. «Знаешь, иногда удается подтолкнуть людей к лучшему. <...> Но я никого не могу заставить любить другого» (Ламбек, 2018, с. 127). Это демонстрируется на примере родителей Лили в последней книге. Глубокие знания психологии человека и сильное желание помочь подсказывают Леопольду Розочке верное решение. В жизни Лили это имеет огромное значение, помогает девочке не замкнуться, справиться со своими внутренними переживаниями.

Интересной чертой образа чародея становится постепенное нивелирование волшебных сил. Господин Розочка в третьей книге уже заметно

реже демонстрирует свои способности. Он возвращается из путешествия в Мали, где хотел помочь детям из бедных семей, совершенно больным и разбитым. А вскоре становится членом семьи Морица, взяв в жены его бабушку – Лило. В разговоре с мальчиком он заявляет: «Мне кажется, у тебя тоже есть к этому [волшебству] способности» (Ламбек, 2018, с. 252).

Перечисленные факты как будто свидетельствуют о передаче силы от старого мага к молодому. Тем не менее стоит обратить внимание на ряд противоречий.

Господин Розочка не пытается удивить юного друга волшебством. Он обращается к нему лишь в случае острой необходимости и старается объяснить происходящее умением разглядеть в человеке хорошее, понять суть проблемы. Чудеса, которых в первой книге заметно больше (парковый тигр и заметка в газете, полет в Африку и разговоры с животными, мороженое Пиппы Корнелиус и «усмирение» начальника Хюбериха), вызывают у Морица удивление, восторг, но одновременно утомляют и даже пугают его. «У Морица накопилось множество вопросов к господину Розочке. В голове его беспорядочно теснились мысли. Но он слишком устал, чтобы вести в этот день еще и долгие разговоры» (Ламбек, 2017а, с. 102).

Магия будто исчерпывает создаваемую атмосферу доверия: «Он [господин Розочка] быстрым шагом удалялся к автобусу, а мама и Мориц смотрели ему вслед. – Есть в нем что-то пугающее, мне даже немного не по себе, – сказала мама. – Да ну, это пройдет, когда ты узнаешь его поближе, – сказал Мориц. Но втайне он и сам был рад, что этот день остался позади» (Ламбек, 2017а, с.142).

Налицо парадоксальное явление: волшебство призвано помочь ребенку решать окружающие его проблемы, однако оно вызывает трепет, поскольку принадлежит к сфере тайного, неосвоенного.

И здесь возникает вопрос, действительно ли в волшебстве скрывается основной потенциал для решения конфликтов.

Анализ конфликтных ситуаций

Образы героев в трилогии Зильке Ламбек приобретают яркость и отчетливость в процессе разворачивания конфликта. С позиции литературоведения конфликт можно обозначить как отражение противоречий действительности, приводящее к созданию собственной уникальной схемы противостояния, в центре которой находится борьба героя с внешними обстоятельствами или преодоление внутренних диссонансов (Нагапетова, 2008, с. 16). При этом переживание конфликтных ситуаций способствует социализации индивида (Аникина, 2014, с. 3), т. е. усвоению им образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих успешно функционировать в обществе (Гавров, Никандров, 2008, с. 22).

Волшебник господин Розочка появляется в трилогии для разрешения конфликтных ситуаций. В.В. Зеньковский в труде «Психология детства» подчеркивает, что преодоление конфликта – важная ступень в социализации ребенка. По мнению ученого, одним из основных факторов, помогающих преодолению социального конфликта, является осознание идеала (Зеньковский, 1995, с. 53). Таким идеалом для Морица и становится сосед-волшебник.

В художественном тексте конфликт зачастую отражает глубинное противостояние, специфику эпохи, ее идейное содержание, обобщенные типы характеров. Так, если для первых образцов детских произведений о волшебстве в XIX в. были типичны истории об опытных колдунах, в конце 1990-х годов XX века – начале XXI века стала быстро набирать популярность мысль о том, как стать волшебником (Лобова, 2015, с. 199). Реализацию этой идеи в книгах З. Ламбек можно наблюдать в измененном, более реалистичном виде.

Трудности, имеющие социальный подтекст, в трилогии условно делятся на две части: конфликты в обществе взрослых, затрагивающие детей; конфликты в детском коллективе.

К первой группе относится конфликт мамы Морица и ее шефа господина Хюбериха (Черт-поберих). Это изматывает госпожу Фройденрайх, создает чрезмерное напряжение в семье, приводит к ссорам родителей. Мориц чувствует угрозу распада семьи, но не знает, как изменить ситуацию. «Мама с папой и до этого часто ссорились, но в последнее время ссор стало еще больше. ... Мориц испытал облегчение, только когда захлопнул за собой дверь и побежал в школу» (Ламбек, 2017а, с. 43–44).

На помощь приходит господин Розочка, который посыпает неприветливого начальника порошком из волшебной солонки, и тот резко отказывается от прошлых решений, хоть как-то ущемляющих права работников. Хюберих меняется слишком быстро. Такие трансформации кажутся недолгосрочными, однако герои напрасно опасаются возвращения тирании начальника.

К взрослым проблемам, затрагивающим детей, можно также отнести безработицу (отец мальчика Сильвио срывает зло на семье), карьеризм (родители Штефана Рабентраута почти не обращают на сына внимания, тем самым лишь обостряя его агрессию), распад семьи (развод родителей Лили). Господин Розочка участвует в разрешении конфликтов, и Мориц каждый раз помогает ему. Постепенно возможности последнего увеличиваются.

Еще одной «взрослой» проблемой становится Серое Предместье – неблагополучный район в городе. Все здесь свидетельствует об упадке: нищие больные люди, полуразрушенные дома, тусклый редкий свет фонарей, даже ветер обходит это место стороной, и солнце сюда заглядывает редко (Ламбек, 2017а, с. 112). Нечто зловещее и нереальное чувствуется в атмосфере.

Эта тема является сюжетообразующей во второй книге. Герои всякий раз попадают в Предместье на загадочном автобусе небесно-голубого цвета с широкой серебряной полосой на боку [ч. 1, с. 109]. За рулем неизменно сидит вечно спешащий неприветливый Тимот в весьма странной экипировке. Автобус кажется призрачным мостиком между двумя частями города. Появляется почти мифологический мотив. Тем не менее проблема очень реальна.

Для Морица путешествия в эту часть города всякий раз превращаются в испытание. В первый момент он ощущает страх: «Что-то мне не по себе, – прошептал Мориц» (Ламбек, 2017а, с. 112). Далее пугающее чужое пространство начинает постепенно осваиваться героем. Его побуждает неведомая магическая сила, путь указывает подзорная труба, подаренная господином Розочкой.

В третьей части мальчик оказывается в Предместье уже без своего наставника. Надеяться можно только на себя. Городской район встречает гостей хмурым дождливым днем, однако теперь он выглядит как место, где вполне можно жить (Ламбек, 2018, с. 188). Основная причина изменений – денежные вложения: преступник-богач Карл Дитер Зонненхут с легкой руки господина Розочки назначается спонсором и благодетелем Предместья.

Благородство и самопожертвование приобретают особое значение. Эти качества, в первую очередь, и отличают «волшебников». Господин Розочка отправляется в различные точки света, чтобы выручить кого-то из беды. Пиппа Корнелиус намеренно переезжает в Серое Предместье, чтобы помогать обиженным. В третьей книге Тимот-перевозчик и Пиппа создают семью. Они ждут ребенка, и это новое начало символизирует преодоление отчужденности целого района города, семья рассматривается как важнейший смысл жизни (Churгуна, 2022, р. 122).

Конфликты, с которыми Мориц сталкивается в детском коллективе, возникают при общении с некоторыми одноклассниками и учительницей. Стоит обратить внимание на то, что юный герой – новичок в своем городе и школе. Незнакомое пространство еще больше осложняет ситуацию. Госпожа Майер перед всеми укоряет мальчика за своевольное проявление фантазии при написании сочинения. Штефан Рабентраут в компании с Мартином Ховилером, а затем с Мирко Шульце частенько его высмеивает и обижает. На помощь снова приходит волшебство. И все как будто устраивается само собой, не вызывая недоумения или испуга: госпожа Майер находит подтверждение существованию крошечного паркового тигра (о котором Мориц писал сочинение) в газете, Штефана Рабентраута исключают из футбольной команды.

В первых двух книгах господин Розочка активно вмешивается в решение проблем. В третьей части Мориц получает удивительный подарок – голубой шарик, который катится туда, где кому-то нужна помощь. И теперь сам мальчик становится спасателем. Он идет за шариком как за

подсказкой, однако герой сполна наделен умом и добротой для того, чтобы самостоятельно справиться с возникающими трудностями. Господин Розочка также подчеркивает важность такого мастерства, желательно, чтобы природа отношений была максимально благоприятной для обоих участников коммуникации (Tareva, 2018, p. 1701). В этом заключается весомая часть его собственного чародейства, нередко заменяемого глубоким знанием человеческой психологии. Эти знания помогают превратить недругов если не в друзей, то хотя бы в безобидных (иных, нейтральных) персонажей. Первый успех Морица в этом направлении – мир со Штефаном.

Заключение

Большинство неприветливых героев или объектов в трилогии Зильке Ламбек по ходу повествования раскрываются с другой, более позитивной и приятной стороны. Возникает вопрос, являются ли они чужими, несущими потенциальную угрозу. Проведенный анализ позволяет сделать вывод: волшебство, сопровождаемое добротой и мудростью главных героев, помогает увидеть суть проблемы, разглядеть причины конфликта и даже оправдать его зачинщиков. Господин Хюберих, Штефан Рабентраут и отец Сильвио резко меняются в лучшую сторону, Серое Предместье облагораживается, Карл Дитер Зонненхут исчезает из поля зрения и одновременно (хоть и не по своей воле) выступает благотворителем. После произошедших перемен персонажи воспринимаются уже не как явные или потенциальные враги, но как «иные» субъекты, транслирующие нейтральное или более доброжелательное отношение к главным героям.

Для Морица знакомство с Леопольдом Розочкой приобретает особое значение. В самый тяжелый момент – неурядицы в семье и школе, освоение нового неуютного пространства – помощь приходит как по волшебству. Оно нужно ребенку, чтобы усилить его веру в собственные силы и возможности. Голубой шарик, ведущий за собой, выступает в третьей книге глубокой метафорой. Главный герой учится прислушиваться к собственному внутреннему голосу. В результате он становится не волшебником, но добрым помощником, спасателем. В свою очередь, сила волшебства постепенно ослабевает, уступая место героизму и мудрости, простому человеческому взаимопониманию.

Список литературы

- Аникина Ю.А. Специфика конфликта в художественном мире В.П. Крапивина: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2014. 26 с.
- Байрамова Э.Э., Ениколопов С.Н. Магическое мышление и вера в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14. № 4. С. 5–13.

- Гавров С.Н., Никандров Н.Д. Образование в процессе социализации личности // Вестник УРАО. 2008. № 5. С. 21–29.
- Дубоссарская М.Л. Свой-чужой-другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 54. С. 167–174.
- Зеньковский В.В. Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995. 353 с.
- Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Путь к волшебству. Теория и практика к сказкотерапии. СПб.: Златоуст, 1998. 352 с.
- Красовицкая Ю.В. Межкультурный практикум по немецкой литературе: (на материале книги В. Каминера *Meine russischen Nachbarn*). М.: МГПУ, 2022. 64 с.
- Красовицкая Ю.В. Свой – другой: стратегии и тактики сближения («Двенадцать человек не дюжина» В. Ферра-Микура, «Все о Манюне» Н. Абгарян) // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 1(53). С. 51–67. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.04
- Ламбек З. Господин Розочка. М.: КомпасГид, 2017а. 160 с.
- Ламбек З. Господин Розочка возвращается. М.: КомпасГид, 2017. 192 с.
- Ламбек З. Куда пропал господин Розочка? М.: КомпасГид, 2018. 264 с.
- Лобова О.Л., Титкова Н.Е. Развитие темы волшебства в современной литературе для детей и подростков // Молодой ученый. 2015. № 22.1(102.1). С. 199–201. URL: <https://moluch.ru/archive/102/23203/> (дата обращения: 22.08.2024).
- Наганетова А.Г. К вопросу о теории художественного конфликта // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 15–17.
- Неверович Г.А. Архетипическая мифологема «свой/чужой/другой» в художественном мире детства деревенской прозы (В.П. Астафьев «Далекая и близкая сказка») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Ч. 2. № 4(58). С. 33–35.
- Afanasjeva O.V., Baranova K.M., Chupryna O.G. Precedent Phenomena as Symbols of Cultural Identity in YA Fiction // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings, Moscow, 23–25 of April 2020*. Vol. 95. London: European Publisher, 2020. P. 1098–1106. DOI 10.15405/epsbs.2020.11.03.116
- Chupryna O.G., Baranova K.M. Social and Cultural Values in American Web-Based Discourse // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2022. No. 4. P. 122–130. DOI 10.18384/2310-712X-2022-4-122-130
- Tareva E.G., Tarev B.V. Cases on Intercultural Communication: New Approach to Design // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 11. No. 10. P. 1699–1710. DOI 10.17516/1997-1370-0329

Сведения об авторе:

Красовицкая Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и лингводидактики, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1. ORCID: 0000-0002-6765-7424. E-mail: info@mgpu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-673-684

EDN: QDUIKJ

UDC 821.111

Research article / Научная статья

Meaningful miracles: unraveling eucatastrophe in the select fantasy fiction of J.K. Rowling

Swathi Metla^{id}✉, Yu.V. Sudha Devi^{id}

VNR Vignana Jyothi Institute of Engineering and Technology, Hyderabad, India

✉swathi_m@vnrvjiet.in

Abstract. The Harry Potter series is the story of Harry, an orphan-hero, who is on the quest of self-discovery; it unfolds through a series of adventures he goes on with his friends at Hogwarts. The series falls into a fuzzy set – a blend of genres – Bildungsroman, fantasy tale, mystery thriller, crossover tale, children’s literature, gothic tale, and quest romance. Harry’s journey of growing up is narrated with thrilling rigour and crafted with care by J.K. Rowling; the novels are imbued with warmth, inclusivity and fun. This led to her fame, recognition and success. These novels culminate in good triumphing over evil which is a trademark of high fantasy. This phenomenon is called “poetic justice” – a term coined by Thomas Rhymer. The paper attempts to locate and analyse the Eucatastrophe which is defined by JRR Tolkien as “the sudden joyous “turn” ...a sudden and miraculous grace: never to be counted on to recur”. Several instances of Eucatastrophes from the seven novels are chosen and decoded to be studied in line with how they facilitate making certain events believable or how the story evolves; they add hope, tension and often edge to the narrative. Textual and thematic analyses are used in the study to articulate the observations and underpinnings.

Keywords: fantasy, genre, narration, poetic justice, identity, Bildungsroman, Fairy tale

Author's contribution. *Swathi Metla* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Yu.V Sudha Devi* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Metla, S., & Sudha Devi, Yu.V. (2024). Meaningful miracles: Unraveling eucatastrophe in the select fantasy fiction of J.K. Rowling. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 673–684. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-673-684>

© Metla S., Sudha Devi Yu.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Значимые чудеса: разгадка эвкатастрофы в фэнтезийной саге Джоан Роулинг

С. Метла , Ю.В. Судха Деви

Инженерно-технологический институт имени Вигнаны Джиоти, Хайдарабад, Индия
✉swathi_m@vnrvjiet.in

Аннотация. Сага о Гарри Поттере – это история Гарри, героя-сироты, который находится в поисках самопознания. Повествование разворачивается как череда приключений, которые случаются с ним и его друзьями в школе Хогвартс. Сага представляет собой сложный набор жанров: Bildungsroman, фантастическая сказка, детективный триллер, кроссовер, детская литература, готическая сказка и романтический квест. Путь взросления Гарри рассказан с захватывающими подробностями и мастерством; романы пропитаны теплотой, инклюзивностью и весельем, что и стало причиной успеха писательницы и читательского признания. Кульминация романов – победа добра над злом, что является визитной карточкой высокого фэнтези. Данная особенность произведения была определена как «поэтическая справедливость» – термин Томаса Раймера. Цель исследования – попытка обнаружить и проанализировать эвкатастрофу, которую Дж.Р.Р. Толкиен определяет как внезапный радостный «поворот», неожиданную и чудесную благодать, на повторение которой нельзя рассчитывать никогда. Несколько примеров эвкатастроф из семи романов выбраны и расшифрованы для изучения в соответствии с тем, как они помогают сделать определенные события правдоподобными, как развивается история; они добавляют надежду, напряжение и часто остроту повествованию. В исследовании используется текстовый и тематический анализ, чтобы сформулировать наблюдения и обоснования.

Ключевые слова: фэнтези, жанр, нарратив, поэтическая справедливость, личность, Bildungsroman, сказка

Вклад авторов. С. Метла – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. Ю.В. Судха Деви – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: Metla S., Sudha Devi Yu.V. Meaningful miracles: unraveling eucatastrophe in the select fantasy fiction of J.K. Rowling // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 673–684. doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-673-684

Introduction

J.K. Rowling authored the *Harry Potter* septology, which has altered the course of Fantasy literature around the world, reinstating Fantasy on a pedestal. Her predecessor J.R.R. Tolkien brought in an epoch where Fantasy literature was loved and celebrated. Like the *Lord of the Rings* and *The Hobbit*, the *Harry*

Potter has gained a cult status. Though considered Children's literature, the series does not stick to a single category; it is crossover – a “fuzzy set” – which Brian Attebery uses to define the fantastic genre (Edward James and Farah Mendlesohn, ed., 2012, p. 2). The *Harry Potter* Series is also a Bildungsroman and therefore, mapping the trajectory of Harry's journey from a child to an adult. The Eucatastrophe is a sudden and positive or lucky occurrence that happens in a fairy tale or fantasy in order to ensure a happy outcome. T.E. Apter talks about fantasy and realism discussing the possibilities of a character's motives, actions and circumstance; he reflects on how the author adds views on the real world through the vehicle of fantasy. “The fantastic circumstances can be viewed as an economical and effective means of revealing characters' interests and emotions which would be disguised or modified in surroundings well ordered by comfort or custom...” (Apter, 1989, p. 1).

Background and objective

The objective of this work is to study the Eucatastrophic occurrences in the works of J.K. Rowling and understand them against the larger context of the workings of Fantasy per se. The Eucatastrophe is defined by Tolkien as “the mark of a good fairy-story, of the higher or more complete kind, that however wild its events, however fantastic or terrible the adventures, it can give to child or man that hears it, when the “turn” comes, a catch of the breath, a beat and lifting of the heart, near to (or indeed accompanied by) tears, as keen as that given by any form of literary art, and having a peculiar quality” (Tolkien, 1984, p. 14).

The Eucatastrophe is the sudden joyous “turn” ... a sudden and miraculous grace: never to be counted on to recur (Tolkien, 1984, p. 14). Hence, it occurs in a Fantastic or Fairy-tale setting and enriches the genre as such with its graciousness. It cannot be anticipated, in the sense that one cannot expect it to occur, especially without putting in one's efforts. Tolkien says it is not an “escapist” event, but helps strengthen the story to achieve a sense of sublimity due to its magnificence. GRR Martin decries happy endings despite employing eucatastrophes in his *A Song of Ice and Fire*, he installs multiple dyscatastrophes; this changes the course of the Fantasy tale forging similarities with dystopian fiction (Johnston, 2012, p. 136).

Aim of the paper

The phenomenon of poetic justice, i.e., punishing the evildoers and rewarding the good as coined by Thomas Rhymer plays out beautifully in fairy tales. Justice can be served in this genre through various means like using the *deus ex machina*, but the Eucatastrophes feel more realistic and probable. The *deus ex machina* worked for ancient drama or miracle tales where God intervened, and may not be relied upon for the modern audience, hence Tolkien chooses the

Eucatastrophe which is used as a scaffold to bestow grace and deliverance. In a secondary (magical) world, the Eucatastrophe fits right in. The current work proposes to observe instances of Eucatastrophic occurrences throughout the seven parts *Harry Potter* series. These events are singled out and looked at closely to make observations. Instances from each of the seven books are picked and studied to get an impactful understanding of the concept.

Materials

The *Harry Potter* series is a crossover genre enjoyed by youngsters and adults. The series revolves around Harry who travels from the real world to a supernatural secondary world with magical creatures and learns to perform magic on learning he is a wizard. The seven books cover his journey and growth. For ease, the books' titles are shorted and cited in the in-text references as follows: *Harry Potter and the Philosopher's Stone* is shortened to PS, *Harry Potter and the Chamber of Secrets* to CS, *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban* to PA, *Harry Potter and the Goblet of Fire* to GF, *Harry Potter and the Order of the Phoenix* to OP, *Harry Potter and the Half-blood Prince* to HBP, and *Harry Potter and the Deathly Hallows* to DH.

Methodology

An introduction is provided to grapple at the idea of Eucatastrophe. It is imperative to obtain a clear comprehension of the character of Harry Potter as he is central to the narrative and is also a major catalyst that helps understand the phenomenon. The story of Rowling's septology is woven around him; and the Eucatastrophic occurrences take place in his presence or due to him. J.K. Rowling, the creator of the Potterverse, gives readers a healthy helping of Harry's thoughts to strengthen their empathetic understanding of his acts. His is the only perspective that is justified throughout the series. The series darts between the omniscient narrator and the headspace of Harry, the protagonist: this is crucial because when one sees his perspective, one comprehends that he does the best with resources available to him. Most of the examples are drawn from the first and the last installments of the septology due to their relevance to the materialisation of the Eucatastrophe and its import. The paper uses textual analysis focusing on contextual understanding of the Eucatastrophe.

Analysis and discussion

Harry Potter, the protagonist of the series, is introduced to readers in the *Harry Potter and the Sorcerer's Stone* as the young orphan boy taken into the Dursley household, but the Dursleys dislike him. The Dursleys care highly about making impressions and tag people with magical abilities as 'freaks', and are fearful of him inheriting magic. They hide Harry in a cupboard and pretend he does not exist, because he is not 'normal'. He is bullied by their only son –

Dudley. Harry is excluded at school owing to the fear generated by Dudley and his toadies: “At school, Harry had no one. Everybody knew that Dudley’s gang hated that odd Harry Potter ... nobody liked to disagree with Dudley’s gang” (Rowling, 1997, PS, p. 30).

Harry does make weird things happen, by mistake and not by will, or when he needs to escape. “The problem was, strange things often happened around Harry and it was just no good telling the Dursleys he didn’t make them happen” (Rowling, 1997, PS, p. 23). He is not troublesome; he is hardly allowed to express his views. He is starved for love and is ignored. He gets scared of a good or normal day because he is sure there is an impending punishment. He is usually punished for complaints of Dudley, who is conditioned to dislike him.

When they go to the Reptile Section in the zoo, he feels bad for the snake in a glass enclosure as the Dursleys bang on its wall to get its attention. He sympathises with the snake: “He wouldn’t have been surprised if it had died of boredom itself — no company except stupid people drumming their fingers on the glass trying to disturb it ... worse than having a cupboard as a bedroom...” (Rowling, 1997, PS, p. 25). He does not complain. He magically sets it free without trying to; and gets into trouble for it afterward. Later, when Piers points out that Harry was talking to it, “Go — cupboard — stay — no meals” (Rowling, 1997, PS, p. 26), says Uncle Vernon to end the conversation, and locks him without food as punishment. His good day turns out disastrous as he thought it would. This is only a hunch which turns into reality for him. During his first year at Hogwarts, he feels awkward and fears that he may be sent back to live with the Dursleys.

When the admission letters (from Hogwarts) start coming for Harry, Harry wants to know who wrote to him and what about; because he knows no one. Harry is curious because they know where he stays, the address on the letter mentioned: “Cupboard under the Stairs”. The Dursleys move out of Privet Drive, despite the storm, just to escape the letters. Right about when Harry was giving up on his birthday, just at the stroke of midnight, Hagrid enters their hideout on the island and wishes him “a very happy birthday to yeh” with a homemade cake. He remarks about his looks “Yeh look a lot like yer dad, but yeh’ve got yer mom’s eyes” (Rowling, 1997, PS, p. 47), and makes his day with the surprising announcement “Harry — yer a wizard” (Rowling, 1997, PS, p. 50). He even feeds Harry some sausages, and is shocked that Harry does not know of his parentage, magical abilities and answers all his questions. The Dursleys hate his questions which were difficult and his dreams which were strange due to his magical affiliation. The Dursleys try to stop Harry from asking questions (or learning from Hagrid) about his family, but they fail.

Hagrid comes with the Hogwarts admission letter proving to Harry that something wonderful is indeed about to happen to him. He goes on to enlighten Harry about the wizarding world and Hogwarts where magic is taught. He informs him about the murder of his parents at the hands of Voldemort, the darkest wizard of all times. And that he survived, as an infant, and was sent to be

looked after by the Dursleys. Harry is astonished but happy with this twist, and he is brought home to the Magical world at the most unexpected moment imaginable. This cobbles his path for his adulthood, strengthening his character and eventually, and leads to his redemption. The teachers and the mysterious yet challenging environment of the school propel him forward to this goal. This is a Eucatastrophe where Harry wallows in his miseries on his birthday: expecting nothing good out of life; but Hagrid gets him a ticket to his freedom and self-discovery. Though the Eucatastrophe recurs throughout the series, there is no promise as to when it may occur; it is unexpected grace, a moment of sheer magic that cannot “be counted on”.

The loneliness that Harry experiences teach him empathy without turning him bitter, this sets him apart from those people who go through tough times only to turn bitter themselves – like Voldemort. Voldemort is a loner at the orphanage where he grows up, but he turns on fellow kids and hurts them, turning into a psychopath.

Harry takes help from Mrs. Weasley to get on to Platform nine and three-quarters. Ron joins him in the compartment during their ride on the Hogwarts Express, after which they talk about their respective families and worlds (Muggle and Magical). The moment Malfoy seeks out Harry for his fame and sneers at Ron’s family for their poverty, Harry takes Ron’s side. Subsequently, Malfoy insults Harry’s parents and warns him: “Unless you’re a bit politer you’ll go the same way as your parents. They didn’t know what was good for them, either” (Rowling, 1997, PS, p. 81). He also berates Ron’s parents and Hagrid calling them “riffraff. Harry and Ron fight back; they not only stand up for each other but forge a life-long friendship at this juncture.

Harry tries to retrieve a Remembrall from Malfoy and gets caught by Prof. McGonagall while speeding up into the air before taking a sharp dive and catching it (Rowling, 1997, PS, p. 110–111). Harry assumes that he is going to be expelled which is typical for his insecurity. Surprisingly, instead of a detention or expulsion he gets included into the Quidditch team of Gryffindor, as Prof. McGonagall’s pick as she sees his innate flair for flying. Dumbledore, his headmaster and mentor, gives him his “invisibility cloak” anonymously as a gift for Christmas, the night he finds the Mirror of the Erised. He is told that it was his father’s, and it becomes instrumental in many of his future wanderings or adventures (Rowling, 1997, PS, p. 148). Harry confides in his friends that Dumbledore would give them a chance to try their hand at undertakings which are dangerous or ‘beyond their limits’.

In *Harry Potter and the Chamber of Secrets*, Harry is rescued in the eponymous Chamber by the Phoenix, (Fawkes, the phoenix that gave the wand core for both his and Voldemort’s wands) the moment he is attacked by the Basilisk after it plunges a poisonous fang in his arm. Nobody invites Fawkes; it comes of its own accord when Harry shows undying loyalty to her master and friend Dumbledore. The phoenix blinds the Basilisk and gets the Sorting hat. Harry is told by Dumbledore that “help will always be given at Hogwarts to those who ask for it”

(Rowling, 1998, CS, p. 264). When he is about to be attacked by the Basilisk, Harry cries out for aid and does get it. ““Help me, help me,” Harry muttered wildly, “someone — anyone —” The snake’s tail whipped across the floor again... The basilisk had swept the Sorting Hat into Harry’s arms. Harry seized it” (Rowling, 1998, CS, p. 319). So, the moment Harry asked for help, he receives it, from an unlikely source perchance. He draws the Sword of Gryffindor from the Sorting hat, which Tom deems as useless. Dumbledore always equips Harry and his friends to fight their own battles (Rowling, 1998, CS, p. 235). As Tom Riddle complains about Harry, saying that he is “Dumbledore’s man through and through”. Also the phoenix comes uninvited to the Chamber (perhaps at Dumbledore’s bidding) with the Sorting hat and saves Harry through its tears. He is poisoned by the rare basilisk’s venom, and luckily for Harry, phoenix’s tears are the only antidote.

Help arrives in the form of a time turner in *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*, where Hermione helps Harry save his Godfather by using her Time turner. The trio is depressed that Buckbeak is going to be executed for no solid reason except due to Malfoy’s tantrums. They go and give company to Hagrid, and soon after detect that Dumbledore hinted them to save Buckbeak along with Sirius. This is a Godsend because no one expected it to occur. Only Dumbledore, who could see the world with a very unique or quirky perspective, and would give second chances, is capable of inventing a plan to help both the victims who are framed as culprits (Sirius and Buckbeak — the hippogriff) to escape. As Dumbledore explains to Harry, Peter escaping that night is a blessing which helps Harry much later, as “When one wizard saves another wizard’s life, it creates a certain bond between them ... and I’m much mistaken if Voldemort wants his servant in the debt of Harry Potter” (Rowling, 1999, PA, p. 427); this act attains new-found meaning in the last part of the series where Peter helps Harry. Harry would be in a situation where he is literally at the mercy of Peter.

Furthermore, in *Harry Potter and the Goblet of Fire*, Harry is given many opportunities to get things right in the last instant, though they were orchestrated by fake Moody (Crouch Jr.). At the Graveyard, Harry gets to flee for safety, only because the ghosts from Voldemort’s wand return to keep him at bay for some time. These ghosts or shadows of the people, who were murdered by Voldemort before, return to dumbfound him and give a breathing space to Harry for making an escape from the scene. Though Voldemort is a powerful wizard, he is scared of the people he has killed: “...Harry looked at Voldemort ... his wide red eyes were still shocked ... he had no more expected this than Harry had...” (Rowling, 2000, GF, p. 666). The moment of astonishment or shock and being unaware of the mysterious occurrence is of course an unexpected turn of events. It works, thankfully, in Harry’s favour. But Harry uses that opportunity to save his neck and return Cedric’s body to his father which is a risk. Cedric’s ghost requests Harry to take his body to his parents before breaking down completely. This attitude is what saves him many a time, coupled with his perseverance. The love of his dead parents also, especially his mother’s, guards him (not just in this

specific instance) by enabling him untouchable by Voldemort. Voldemort makes the potion using Harry's blood for making a body, and is able to touch Harry. This act deepens their bond, and turns to Harry's favour much later.

In *Harry Potter and the Order of Phoenix*, Harry realises his strengths and faces Voldemort with help from many a friend or supporter. He loses his Godfather in the finale's battle, but learns many lessons. He matures into an adult and makes his own decisions. Throughout this period, Voldemort tries to take over his mind later, he gives up completely because it is a physically painful process to possess Harry: Voldemort cannot feel emotions that Harry feels, and that takes a toll. Their connected minds give Harry a window into Voldemort's moods, which helps him in his future missions. Harry teaches Defense Against the Dark Arts to a set of friends who form a group, and they swear secrecy, and name their group "Defense Association" or "Dumbledore's Army", with DA for short (Rowling, 2003, OP, p. 347). The name "Dumbledore's Army" saves them when they are about to be punished violently by Prof. Umbridge, Dumbledore takes blame for the notoriety, but escapes from Hogwarts using his phoenix, Fawkes. Dumbledore explains to Harry the nature and extent of the sacrifice done by Lily for his sake. Lily does magic which is of the oldest kind by giving away her life for a loved one. The deep-rooted love lives on even after his mother is killed during that fateful night.

In *Harry Potter and the Half Blood Prince* Harry and Voldemort do not meet. Dumbledore teaches Harry all he knows about Tom Riddle before he became Voldemort: to give him intimations into his thinking and habits. These classes map a psychoanalytical understanding of young Voldemort's (Tom Riddle's) mind – his ambition and resolve; and prove to be useful later; Harry guesses his moods and decisions accurately in the finale. The horcrux hunt becomes the final instruction given by Dumbledore. Harry gives the Liquid luck potion to his close friends who stand guard at the school because of his hunch about something bad that may befall that night and each of these friends nearly misses death or deflect fatal curses.

In *Harry Potter and the Deathly Hallows* Harry, Hermione and Ron start off with uncertainty and unease, but step forward with courage and determination. Harry is confused regarding his opinions about Dumbledore, whom he starts questioning. His friends are loyal to him; though there are occasional fall-outs. Ron leaves them before Christmas, for instance, but comes back with a bang and saves Harry and destroys a Horcrux (Rowling, 2007, DH, p. 300–302). This is the first of a trail of Eucatastrophes that happen in this narrative. Harry accurately guesses that he and Tom are related to the Peverell brothers (original owners of the powerful horcruxes), though Hermione and Ron think it is a highly far-fetched idea. Hermione goes upstairs in Batilda Bagshot's home; otherwise his going alone would have proved to be a fatal decision, and a reinforcement of Harry's predictable ideas (Rowling, 2007, DH, p. 279). His wand is nearly broken in the fight there, and he gets nightmares throughout that day, reliving the

terrible night of his parents' murders, which he sees from Voldemort's mind (Rowling, 2007, DH, p. 280–282).

Malfoy refuses to identify Harry and co. at their Manor (Rowling, 2007, DH, p. 370–373); and the trio is tortured in the dungeons. Bellatrix's fear at seeing the fake Sword of Gryffindor seeds the idea of something precious being saved in her vault at Gringotts (to Hermione). Harry's defeating Malfoy at the Malfoy Manor turns out to be a great favour, making Harry the lawful owner of the Elder wand (Rowling, 2007, DH, p. 595). Peter cannot kill Harry and that moment of hesitation kills him, his enchanted hand is bewitched to detect his betrayal for Voldemort. Dobby saves Harry, going back on his word to him (Harry asks Dobby to never save his life) and becoming a martyr in the process. He is killed by Bellatrix, this sacrifice makes him decide to go after the Horcruxes and not the Hallows. On the night of the trio's return to Hogwarts, Aberforth helps them to arrive at Hogwarts and reunite with old friends. During the Battle of Hogwarts, Harry realizes that the purpose of his life is to die willingly – he marches to meet his fate. As he submits to death at Voldemort's hands, he encounters a choice: to opt between life and death, he chooses to live despite his pain: for helping those who love him and to save everyone from Voldemort. Harry gets to meet Dumbledore while making this choice. As usual, the wise man dishes out wisdom to Harry and promises that their meeting is “real” though it happens in Harry's head (Rowling, 2007, DH, p. 579). Harry takes pity on the creature that Voldemort is to become in the future and he tries to help it. He gives up when Dumbledore says that it is beyond his aid (Rowling, 2007, DH, p. 566–567). Dumbledore recounts to him how Harry is the ideal person to unite the Deathly Hallows, because he would use them perfectly for what they are meant. (Rowling, 2007, DH, p. 577). Harry decides to keep only one of the three Hallows – the Invisibility Cloak (that when united would make him the conqueror of Death). The logic for getting or uniting the Hallows is similar to seeking the Philosopher's stone from the Mirror of the Erised: the word ‘Erised’ which could be read as “desire” when reversed and the mirror shows one's deepest desires. Harry gets them, only to discard two of them, breaking their power. He gets the Philosopher's stone from the Mirror, since he does not “desire” it or will not misuse it.

Harry advises Tom (Voldemort's former name) to repent as he understands repentance is the way to repair one's soul: “It's your one last chance,” said Harry, “it's all you've got left... I've seen what you'll be otherwise... Try for some remorse...” (Rowling, 2007, DH, p. 714). He implores and dares Tom to feel remorse for his actions, for which Tom only scoffs, he is not aware of the peril that awaits his soul. He is overconfident about his abilities and forgets his weakness – of not being able to understand emotions and sacrifice, this redeems Harry time and again. Harry defeats Tom in the wizarding duel and Voldemort dies on the spot.

Neville realizes his inner potential, takes on the role of a protector and finally makes his grandmother proud. Lupin, Tonks, Fred are martyred along with many others leaving the world a better place, knowing their love and sacrifice will

be cherished by their families. This is a Eucatastrophe, because many lay their lives in hopes of a better future. Lupin is troubled about his son, but tries telling Harry “... but he will know why I died and I hope he will understand. I was trying to make a world in which he could live a happier life” (Rowling, 2007, DH, p. 561).

Findings

When challenges are thrown, Harry shows his finest traits like courage, sacrifice, warmth and empathy. The instances from the text are chosen to highlight the situations and events which are filled with grace which is showered on him and his friends, when they need help dearly. Fawkes – the phoenix, the Sorting hat, the Sword of Gryffindor, Dobby, Dumbledore and other aides come to give him support because of his earnestness, loyalty, empathy and honour. These are idyllic traits that make the archetypal hero the “chosen one”.

The night of the battle is truly an arena of disillusion and self-realization to everyone fighting the war (within and without). Harry’s chief fear was his being similar to his parent’s murderer and the most-feared wizard of all time. He does fight his fears on the battlefield, he proves to be the “Chosen one” by standing up to his fears and by showing pity to an enemy. He understands that his Slytherin traits originate because he was a horcrux of Tom. In the end, during the duel, Harry tries to tell Tom to regret for his actions, for penitence may lead to grace, but Tom chooses damnation. Being the demonic, unhappy and power-blinded person, he fails to realize that Harry is trying to help and delivers himself to hell, losing his one go at mercy. The greatest way of avenging is by forgiveness. This is what Harry practices in the Battle of Hogwarts, in front of his friends and enemies; he forgives and does not employ the killing curse. He only disarms and wins the last Battle, and therefore the war. The Killing curse that annihilates Voldemort is cast by him and is only disarmed by Harry. It backfires as Harry is the lawful owner of the Elder wand, and it owes him its commitment. It is a Eucatastrophe because peace is brought about by Voldemort, who refuses defeat and denies truths constantly; he ends himself by refusing to listen to the wisdom, as it came from an enemy and because he does not want to heed it at all. Though many important people die, the story ends with a sense of completion and appeals to most readers. The punishment levied to the evil and rewarding the virtuous maybe a black and white division, in a sense, but the mode of Fairy tale operates in this very manner as it is simple and sets good and bad as water-tight compartments.

Harry gets to be a normal person at the end, in the epilogue, with his wish of having a family coming true. He marries Ginny and has three kids. Ron and Hermione have their happy family. Harry convinces his son to be happy in whatever house he is sorted into. This is a very mature idea, as it reflects his growth, in terms of broad-mindedness and a deeper understanding of magic in general. The Hogwarts express stands for new life, the choice of opening the

story after seventeen years at King's Cross is conscious. It is a representation of hope, happiness and bitter-sweet goodbyes that lead to the next stage in life. Harry confides in Albus Potter that the Sorting hat takes the opinion of the student, which soothes him. The non-verbal exchange between Harry and Draco Malfoy is another vital incident, where they nod and acknowledge each other. Though Harry and Draco have bad blood between them, they respect each other, learning to coexist peacefully. Harry promises his son that being in Slytherin is alright, as he is named after Severus, who once belonged to Slytherin, but is very brave (incidentally, Dumbledore feels students are sorted too early). They progress to a new world, which may not be perfect, but has a peaceful ambience to it. Seventeen years after the war, Harry's scar does not hurt anymore, because the struggle is over.

Conclusion

The Eucatastrophic occurrences are tied together facilitating the good to win against the evil. Harry, the hero, is representative of virtue, as the series operates in the format of a Fantasy tale. Though the Eucatastrophes cannot be counted on, they save the day manifold times. Unlike the *deus ex machina*, which feel forced, eucatastrophes arise naturally from the setting of the story. They fit into the secondary realm of Harry Potter's magically enhanced world with ease.

Case in point could be any of the instances picked from the books chosen for the paper. Many a miracle is manifested throughout the series: beginning from the letters reaching Harry wherever he went; Fawkes giving Harry the sorting hat; Sirius and Buckbeak surviving; Harry getting to escape Voldemort; and him as well as others surviving the killing curse multiple times. Some are caused vis vis magic and others true sheer luck which may not be expected. The unexpected manner in which they take place compounds the fun and mystery of the fairy tale as such. The sacrifice of people for the sake of a better future is necessary for a peaceful world. Harry sacrifices himself to save his friends, but this gives them a protection from Voldemort. This works in the favour of survivors of the Battle of Hogwarts. These pivotal events add to the overall impact of the Eucatastrophe compounding the value of a fairy tale or fantasy.

References

- Apter, T.E. (1989). *Fantasy literature: An Approach to Reality*. London: Palgrave Macmillan UK.
- Barratt, B. (2012). *The Politics of Harry Potter*. London: Palgrave Macmillan UK.
- James, E., & Mendlesohn, F. (Ed.) (2012). *The Cambridge Companion to Fantasy Literature*. Cambridge.
- Johnston, S. (2012). Grief poignant as Joy: Dyscatastrophe and Eucatastrophe in *A Song of Ice and Fire* Mythlore. *A Journal of J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, Charles Williams, and Mythopoeic Literature*, 31(1), 9.

- Johnston, S. (2011). Harry Potter, Eucatastrophe, and Christian Hope. *Logos: A Journal of Catholic Thought and Culture*, 14(1), 66–90.
- Layman, L.M. (2017). *Magically empathetic: an Investigation of Theory of Mind and Empathy in the Harry Potter series*. University of Tennessee at Chattanooga (USA).
- Mulholland, N. (2007). *The Psychology of Harry Potter: An Unauthorized Examination of the Boy Who Lived*. Dallas: Ben Bella.
- Rowling, J.K. (1998). *Harry Potter and the Chamber of Secrets*. London: Bloomsbury.
- Rowling, J.K. (2007). *Harry Potter and the Deathly Hallows*. London: Bloomsbury.
- Rowling, J.K. (2000). *Harry Potter and the Goblet of Fire*. London: Bloomsbury.
- Rowling, J.K. (2005). *Harry Potter and the Half-Blood Prince*. London: Bloomsbury.
- Rowling, J.K. (2003). *Harry Potter and the Order of the Phoenix*. London: Bloomsbury.
- Rowling, J.K. (1997). *Harry Potter and the Philosopher's Stone*. London: Bloomsbury.
- Rowling, J.K. (1999). *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban*. London: Bloomsbury.
- Stableford, B. (2005). "Introduction." *Historical Dictionary of Fantasy Literature*. Lanham: Scarecrow Press.
- Tolkien, J.R.R., Tolkien, Ch. (Ed.) (1984). *On Fairy Stories. The Monsters and the Critics and Other Essays*. Boston: Houghton Mifflin Company.

Bio notes:

Swathi Metla, Assistant Professor of the Department of English, VNR Vignana Jyothi Institute of Engineering and Technology, Vignana Jyothi Nagar, Pragathi Nagar, Nizampet, Hyderabad, Telangana, 500090, India. ORCID: 0009-0000-8139-1098.

E-mail: swathi_m@vnrvjiet

Yu.V. Sudha Devi, Assistant Professor of the Department of English, VNR Vignana Jyothi Institute of Engineering and Technology, Vignana Jyothi Nagar, Pragathi Nagar, Nizampet, Hyderabad, Telangana, 500090, India. ORCID: 0000-0001-5618-7888.

E-mail: sudhadevi_yv@vnrvjiet

Сведения об авторах:

Свати Метла, ассистент профессора английского языка, Инженерно-технологический институт имени Вигнаны Джиоти, Хайдарабад, Телангана, 500090, Индия. ORCID: 0009-0000-8139-1098. E-mail: swathi_m@vnrvjiet

Судха Деву Ю.В., ассистент профессора кафедры английского языка, Инженерно-технологический институт имени Вигнаны Джиоти, Хайдарабад, Телангана, 500090, Индия. ORCID: 0000-0001-5618-7888. E-mail: sudhadevi_yv@vnrvjiet

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-685-692

EDN: QDWGVW

УДК 821.111

Научная статья / Research article

Ритмизованная проза в романе Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец»

В.А. Афанасьев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Российская Федерация
✉ svintrups@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается ритмизованная проза, в значительном объеме встречающаяся в центральном романе Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец» и практически не попадавшая в поле зрения исследователей. «Властелин колец» предстает комплексным прозиметром, включая свыше 70 стихотворных текстов, и исследование особенностей взаимодействия стиха и прозы является существенным для описания его поэтики. Особенный интерес представляют пограничные случаи такого взаимодействия, в частности ритмизованная проза, распознавание «неслучайных» фрагментов которой требует пристального изучения не только контекста романа, но и других, относящихся к Легендариуму Толкина текстов, учета специфики авторской художественной манеры (равно поэтической и прозаической) в целом. Анализ трех избранных случаев возникновения ритмизованной прозы в романе показывает, что их стихоподобие может быть обусловлено тем или иным влиянием поэтических произведений автора – как представленных в самом романе, так и находящихся вне его, а также существующих гипотетически, в рамках созданного Толкином мира и поэтических традиций населяющих его народов. Многообразие форм ритмизованной прозы во «Властелине колец» не исчерпывается проанализированными примерами и нуждается в дальнейшем научном осмыслении.

Ключевые слова: роман, фэнтези, автор, традиция, стихоподобная проза, прозиметр, поэтика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: Афанасьев В.А. Ритмизованная проза в романе Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 685–692. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-685-692>

© Афанасьев В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Rhythmic prose in *The Lord of the Rings* by J.R.R. Tolkien

Vladimir A. Afanasev

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉svintrups@gmail.com

Abstract. Concerns rhythmic prose in *The Lord of the Rings* novel by J.R.R. Tolkien which, though extensively represented the novel, is seldom considered in most research papers. The novel contains over 70 poetic texts and should be viewed as a complex prosimetrum, as multifarious interconnections between prose and verse is an integral part of *The Lord of the Rings* poetics. The marginal manifestations of this mixed style, such as rhythmic prose, are of special concern. The recognition and further analysis of most non-occasional fragment of prose metre in the novel may be fully accomplished only with due regard to other Tolkien's works (especially from the *Legendarium*) and the peculiarities of his style (both in poetry and in prose) in general. Considering three selected fragments of rhythmic prose, we aim to specify their connections with some songs and poems either from *The Lord of the Rings* itself, or outside the novel; the context and rhythmic pattern of another fragment develop possible allusions even to hypothetically existing texts within Tolkien's literary world and poetic traditions of the people of Middle-earth. The variety of the representation of rhythmic prose in *The Lord of the Rings* is far from being limited to the mentioned categories, and further research is required.

Keywords: novel, fantasy, author, tradition, verse-like prose, prosimetrum, poetics

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Afanasev, V.A. (2024). Rhythmic prose in *The Lord of the Rings* by J.R.R. Tolkien. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 685–692. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-685-692>

Введение

Творчество Дж.Р.Р. Толкина неизменно продолжает привлекать внимание исследователей. Хотя «Властелин колец» (*The Lord of the Rings*) – центральное произведение – неоднократно исследовался с точки зрения повествования, мотивной структуры, жанровых особенностей, религиозно-мифологического контекста, аллюзивного слоя и во многих других аспектах, вопрос соотношения и взаимовлияния стиха и прозы романа остается не до конца раскрытым, несмотря на явную и не раз отмеченную ориентацию Толкина (Shippey, 1992, p. 177) на поэтику средневековой литературы (в частности, древнеанглийскую), в которой стих и проза существенно сближались (Saintsbury, 1914, p. 14). Являясь прозиметром второго типа, содержащим поэтические произведения самого автора (Bartokov, 2008, p. 7), роман Толкина демонстрирует значительное разнообразие стихотворных форм (Russom, 2000, p. 53) и жанров (Kulmann,

Siermann, 2021, pp. 230–231), оказывающих существенное влияние на прозаический контекст (по нашим подсчетам, 74 самостоятельных текста при общем числе стихотворных строк в 1126). Большинство стихотворений в романе диегетичны по отношению к повествованию, присутствуют в узловых точках его ритмического узора (Le Guin, 2002, p. 106), исполняются персонажами в форме песен, что повышает значимость переходов от прозы к стиху и обратно, вызывая пограничные явления, в частности случаи ритмизованной прозы. Хотя ряд исследователей справедливо полагает, что сведение разговора о ритме прозы к поиску метрических (стихоподобных) моделей внутри прозаического текста заведомо ошибочно (Гиршман, 1982, с. 21), нас интересуют именно такие случаи ритмизованной прозы, которые обусловлены предполагаемым влиянием стихотворных текстов внутри романа и за его пределами. На нескольких примерах мы постараемся проиллюстрировать разнообразие путей репрезентации этого влияния во «Властелине колец».

Ритмизованная проза и поэзия в романе

Возникновение ритмизованной прозы нередко может быть объяснено смысловой и частичной текстуальной перекличкой с тем или иным поэтическим текстом в самом романе, не обязательно находящемся в ближайшем контексте. В четвертой книге (наименее богатой на стихотворные тексты) Фродо, Сэм и Голлум, отпущенные Фарамиром, достигают Перекрестка (the Cross-Road) и видят старинную статую короля Гондора, оскверненную орками и рабами Мордора; голова ее, замещенная грубым камнем с изображением Багрового Ока, лежит неподалеку:

*Suddenly, caught by the level beams, Frodo saw the old king's head: it was lying rolled away by the roadside. 'Look, Sam!' he cried, startled into speech. 'Look! **The king has got a crown again!***

The eyes were hollow and the carven beard was broken, but about the high stern forehead there was a coronal of silver and gold. A trailing plant with flowers like small white stars had bound itself across the brows as if in reverence for the fallen king, and in the crevices of his stony hair yellow stonecrop gleamed.

'They cannot conquer for ever!' said Frodo. And then suddenly the brief glimpse was gone. The Sun dipped and vanished, and as if at the shuttering of a lamp, black night fell (Tolkien, 2012, vol. 4, p. 137).

Этот эпизод насыщен символически, семантически и интертекстуально (не раз отмечалась вероятная аллюзия на сонет П. Шелли «Озимандия» — Hammond, Scull, 2005, p. 485). Луч, осветивший буквально увенчанную серебром и золотом голову каменного короля, символизирует торжество света и красоты над тьмой и жестокостью. Несмотря на то что при следующих словах Фродо свет меркнет, в контексте Легендариума Толкина это означает лишь временную победу зла: “*In the end the Shadow was only a small and passing thing: there was light and high beauty for ever*

beyond its reach”, — как много позже, уже в Мордоре, думает Сэм, наблюдая звезду, свет которой проникает сквозь мордорские тучи (Tolkien, 2012, vol. 5, p. 137). Согласно толкиновскому эсхатологическому мифу Моргот (аналог дьявола в авторской вселенной) найдет способ взломать Врата Ночи и вернется в круги мира, но в ходе Дагор Дагорат (Битвы Битв) его ждет окончательное поражение, после чего разрушенный мир (Арда) будет восстановлен, навсегда избавившись от пагубного влияния Моргота (Tolkien, 1992, p. 333).

Принимая во внимание религиозные и философские взгляды Дж.Р.Р. Толкина, с некоторой осторожностью можно предположить, что оскверненная орками статуя короля есть символическое изображение падшего человека — к мотиву грехопадения Толкин не раз обращался в письмах, характеризуя «Сильмариллион» как произведение о Падении, Смертности и Машине (Tolkien, *The Letters*, 1995, p. 145). В мифологии Толкина зло, пусть и изначальное, особенно усердно распространяется именно людьми — носителями «семян лжи», однажды посеянных Мелькором (Морготом). Но все же золотой и серебряный свет (двуединство которого — крайне значимый лейтмотив в творчестве писателя, нашедший наиболее яркое воплощение в образе Двух Древ Валинора), «свет искусства, не отделенного от разума...» (Tolkien, *The Letters*, 1995, p. 148), еще остается в мире и дарует надежду на искупление и конечное торжество истины, сколько бы раз тьма ни возвращалась в новых обликах.

Особый интерес представляет менее широкое толкование этого эпизода, объясняющее появление в выделенной реплике Фродо стихового метра (четырёхстопного ямба) и обосновывающее его неслучайность. В отрыве от контекста отчетливое стихоподобие такого высказывания стоило бы признать окказиональным, хотя Ю.Б. Орлицкий и предлагает в качестве минимального («эталонного») двусложного размера прозаической строки, которая может быть признана метризованной, именно четыре стопы двухсложного метра или три стопы трехсложника (Орлицкий, 2002, с. 49). Если такой эталонный размер приемлем для русской стиховой культуры, то для английской речи и словесности, в которой случайные метры, особенно двусложные, возникают в целом чаще (Антипова, 1984, с. 64), этот условный минимум в общих случаях следовало бы увеличить хотя бы до пяти двусложных стоп.

В пользу умышленного метра свидетельствует текстуальное и тематическое (хотя и не метрическое) совпадение фразы Фродо с последней строкой из стихотворения об Арагорне, сочиненного Бильбо и процитированного сначала Гэндальфом в письме к Фродо (Tolkien, 2012, vol. 1, p. 224), а затем самим сочинителем на Совете Элронда (Tolkien, 2012, vol. 2, p. 42):

*All that is gold does not glitter,
Not all those who wander are lost;
The old that is strong does not wither,
Deep roots are not reached by the frost.*

*From the ashes, a fire shall be woken,
A light from the shadows shall spring;
Renewed shall be blade that was broken,
The crownless again shall be king.*

Последний стих этой загадки выполняет пророческую функцию и напрямую предсказывает обретение королем короны, то есть возвращение Арагорна, наследника древних королей, на престол Гондора. В этом ключе показателен более поздний момент возвращения головы статуи короля на законное место по приказанию того же Арагорна: “*The hideous orc-head that was set upon the carven figure was cast down and broken in pieces, and the old king’s head was raised and set in its place once more, still crowned with white and golden flowers*” (Tolkien, 2012, vol. 5, p. 186). Фродо, несомненно, помнит стихотворение Бильбо и цитирует его, осознанно или нет, подстраивая под ситуацию, используя более речевой метр (в стихотворении трехстопный амфибрахий). Даже в следующей фразе Фродо (*They cannot conquer for ever!*) можно усмотреть трехстопный ямб с добавочным слогом во второй стопе (или трехстопный амфибрахий с усеченной первой стопой), если предположить, что полная форма глагольного отрицания (*cannot*, а не *can’t*) используется не только для возвышения стиля.

Ритмизованная проза и поэтические традиции Средиземья

Текстуальная связь ритмизованного фрагмента с поэзией и поэтической традицией авторского мира может быть не только реальной (то есть отсылать к существующему в рамках романа стихотворному тексту), но и потенциальной, гипотетической. Так, на совете у Элронда гном Глоин, рассказывая об утраченном королевстве Мория, произносит такую фразу: ‘*Moria! Moria! [///] Wonder of the Northern world! [///] Too deep we delved there, [///] and woke the nameless fear. Long have its vast mansions lain empty since the children of Durin fled...*’ (Tolkien, 2012, vol. 2, p. 33). Выделенные слова можно представить в виде следующей метрической схемы (если прочитать окончание у глагола *delv d* как отдельный слог, что распространено в англоязычной поэзии):

УУУ|УУУ // УУ|(У)У|УУ|УУ // УУ|УУ|УУУ // УУ|УУ|УУУ.

Сделанное допущение, как и само стихоподобие фразы, было бы, скорее всего, несостоятельным, даже учитывая характерный повтор (*Moria! Moria!*) и ассонансную рифму (*there – fear*), если бы не смысл и контекст. Глоин произносит свою речь (мы привели только небольшой ее фрагмент) довольно эмоционально, со вздохом (*Glóin signed*); при этом ее общий приподнятый стиль исполнен мрачной торжественности, призванной скрыть эту эмоциональность. Утрата Кхзад-дума (Мории) — одна из великих трагедий народа гномов, усугубляемая сознанием частичной виновности самих гномов в пробуждении балрога (на которое и

намекает Глоин, обтекаемо апеллируя к нему как к безымянному ужасу). Хотя ни в тексте романа, ни в каких-либо других произведениях Толкина нет стихотворных текстов, посвященных непосредственно этому сюжету, — песня Гимли о Дурине, единственная песня из гномьей традиции во «Властелине колец», красноречиво молчит об этой трагедии (Tolkien, 2012, vol. 2, pp. 133–134), — можно предположить, что в поэтической традиции гномов такие песни были, и что Глоин в порыве чувств цитирует несколько строк из них. Не исключено, что цитирует не «оригинальные» стихи, но адаптированные и переведенные (им самим или кем-либо еще) на общий язык, поскольку, как известно из приложений к роману, язык самих гномов, кхуздул, является тайным и запретным для остальных народов (Tolkien, 2012, vol. 7, p. 140). Можно предположить (и это объяснит метрическую неоднородность стихоподобной фразы), что Глоин приводит строки из двух разных песен, в одной из которых Мория воспевается (и относится она, соответственно, к тем временам, когда королевство гномов действительно было «чудом северных земель»), а в другой, посвященной пробуждению балрога и бегству из Кхазад-дума, — оплакивается. Любое из этих предположений, по всей видимости, так и останется гипотетическим, но неслучайность метрической организации рассмотренного фрагмента вызывает уже меньше сомнений.

Отмеченная ритмизация прозы на основе потенциальной связи с такими «утраченными» поэтическими образцами вымышленных культур нередко встречается на протяжении всего романа и позволяет Толкину (одновременно в дополнение и в противоположность реально представленным стихотворным текстам) поддерживать впечатление глубины изображаемого мира, создает определенную суггестивность сродни нашему нынешнему, заведомо неполноценному впечатлению от чтения памятников древней литературы, которого Толкин действительно добивался как осознанно, так и полубессознательно (Tolkien, *The Letters*, 1995, p. 225). Однако подробный анализ этого эффекта выходит за рамки исследования, поэтому обратимся к еще одному случаю ритмизации, вызванному уже, как мы предполагаем, внешними причинами.

Ритмизованная проза и поэзия вне романа

В эпизоде с вручением даров Галадриэли членам Братства Кольца Фродо получает в дар фиал со светом звезды Эарендила:

‘And you, Ring-bearer,’ she said, turning to Frodo. ‘I come to you last who are not last in my thoughts. For you I have prepared this.’ She held up a small crystal phial: it glittered as she moved it, and rays of white light sprang from her hand. ‘In this phial,’ she said, ‘is caught the light of E rendil’s star, set amid the waters of my fountain. It will shine still brighter when night is about you. May it be a light to you in dark places, when all other lights go out. Remember Galadriel and her Mirror!’

Frodo took the phial, and for a moment as it shone between them, he saw her again standing like a queen, great and beautiful, but no longer terrible. He bowed, but found no words to say.

Now the Lady arose, and Celeborn led them back to the hythe (Tolkien, 2012, vol. 2, p. 213).

Трудно было бы найти обоснование стихоподобия столь малого прозаического фрагмента (хотя все дальнейшее предложение заметно распадается на трехсложные стопы), если бы не схожесть его звукового облика с началом самого раннего из «легендарийных» стихотворений Толкина, которое посвящено одному из центральных персонажей, с чьим именем связано зарождение авторской мифологии. Мы имеем в виду Эарендила, упомянутого в тексте романа всего несколькими строчками выше, и стихотворение о нем, известное под названием *The Voyage of arendel the Evening Star* (1914). Этот текст начинается следующим образом: «*Ēarendel arose where the shadow flows // at Ocean's silent brim...*» (Tolkien, 1995, p. 267).

Имя этого персонажа оказывается в некоторой степени созвучным с *Now the Lady*, а общность глагола, характерного для возвышенного, поэтического регистра, закрепляет отмеченную параллель. Можно предположить – и контекст более чем позволяет это, – что во время написания этого эпизода Толкину вспомнилось его собственное раннее стихотворение, и он, сознательно или нет, привнес в прозаический текст такую своеобразную фонетико-ритмическую автореминисценцию (в какой-то мере и тематическую тоже, поскольку и в стихотворении, и в прозаическом контексте изображается ситуация отплытия), формально внешнюю по отношению к тексту романа, но на самом деле неразрывно связанную с его мифологическим фоном. Фиал Галадриэли не раз сыграет важную роль в дальнейшем путешествии Фродо в Мордор, а само имя Эарендила многократно появляется по ходу повествования, к примеру в песни Бильбо (Tolkien, 2012, vol. 2, pp. 24–28), наиболее объемном поэтическом тексте «Властелина колец», восходящем к тому же самому раннему стихотворению, пусть расширенному и многократно переработанному.

Заключение

Мы продемонстрировали лишь три примера присутствия ритмизованной прозы во «Властелине колец», желая показать, как по-разному может быть мотивировано стихоподобие того или иного фрагмента, будь это текстуальная и тематическая переключка со стихотворным текстом внутри романа, потенциальная связь с гипотетическим текстом из поэтической традиции вымышленных народов, или же автореминисценция на стихотворение вне романа. Многочисленные случаи использования Толкином ритмизованной прозы в романе (к примеру, полностью ритмизованная речь Тома Бомбадила или трансформированные и авторские

пословицы, в изобилии встречающиеся в романе, Clinton, 2014, p. 133–134), наряду со значительным числом собственно стихотворных текстов, побуждают расценивать «Властелин колец» как комплексное прозиметрическое единство, целостный анализ которого еще предстоит совершить.

Список литературы

- Антипова А.М.* Ритмическая система английской речи. М.: Высшая школа, 1984. 119 с.
- Гиршман М.М.* Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. 366 с.
- Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. М.: Российский государственный университет, 2002. 685 с.
- Bartoňková D.* Prosimetrum, The Mixed Style, in Tolkien's Work The Lord of the Rings // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university. 2008. Vol. 57. No. 13. P. 5–21.
- Clinton, E.* Proverbial Play: J.R.R. Tolkien's Use of Proverbs in The Hobbit and The Lord of the Rings // Proverbium. 2014. No. 31. P. 133–165.
- Hammond W.G., Scull C.* The Lord of the Rings: A Reader's Companion. London: HarperCollins, 2005.
- Kullmann T., Siepmann D.* Poems and Songs / T. Kullmann, D. Siepmann. Tolkien as a Literary Artist: Exploring Rhetoric, Language and Style in The Lord of the Rings. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 227–258. DOI:10.1007/978-3-030-69299-5_8
- Le Guin U.K.* Rhythmic Pattern in The Lord of the Rings / Meditations on Middle-earth: New Writing on the Worlds of J.R.R. Tolkien / Ed. K. Haber. New York: St. Martin's Press, 2001. P. 101–116.
- Russom G.* Tolkien's Versecraft in The Hobbit and The Lord of the Rings / J.R.R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth / Ed. G. Clark, D. Timmons. Westport, CT: Greenwood Press, 2000. P. 53–69. DOI: 10.5040/9798400673351. ch-004
- Saintsbury G.* A History of English Prose Rhythm. London: Macmillan and Co., 1912.
- Shippey T.A.* The Road to Middle-earth. London: HarperCollins, 1992.
- Tolkien J.R.R.* The History of Middle-earth. Vol. 5. / Ed. C. Tolkien. London: HarperCollins, 1992.
- Tolkien J.R.R.* The History of Middle-earth. Vol 2. / Ed. C. Tolkien. London: HarperCollins, 1995.
- Tolkien J.R.R.* The Letters. / Ed. H. Carpenter. London: HarperCollins, 1995.
- Tolkien J.R.R.* The Lord of The Rings. In 7 vol. London: HarperCollins, 2012.

Сведения об авторе:

Афанасьев Владимир Алексеевич, аспирант, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603115, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0003-3466-0915. E-mail: svintrups@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-693-702

EDN: QENJUE

UDC 821.111(411)

Research article / Научная статья

Post-humanist food pedagogy in Margaret Atwood’s speculative fiction: *the maddaddam trilogy*

T.P. Anupama , Diana L. Anderleen

SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, India
[✉anupamathampireetha@gmail.com](mailto:anupamathampireetha@gmail.com)

Abstract. The multifaceted relationship between pedagogy, food and the human condition within Margaret Atwood’s *MaddAddam* trilogy, delving into themes of consumption, identity, and ethics from a post-humanist perspective provides rationale to this research paper. Drawing upon the concept of “post food,” which emerges from the industrial food chain’s influence on consumption patterns, the study examines how technological advancements and industrialization that reshape human interactions with food are transacted in learning. In *MaddAddam*, Atwood presents a post-apocalyptic narrative that highlights the intricate interplay between food, technology, and humanity’s future. The novel portrays food production and consumption as ethical choices imbued with individual agency and linked to sustainability, challenging conventional environmentalist paradigms. Furthermore, examines the significance of edibility as a means of negotiating identity, belonging, and cohabitation within the post-apocalyptic community depicted in *MaddAddam*. It explores how food acts as a humanizing factor amidst the post-human landscape, where remnants of the past evoke nostalgia for “real” food. Through a synthesis of these analyses, this research paper offers a comprehensive exploration of food’s role in shaping the post-human condition in Atwood’s trilogy, shedding light on the implications of technological advancement, environmental degradation, and societal transformation on human interactions with food and the broader ecosystem, framed within the context of critical food pedagogy.

Keywords: post-humanist, food, technology, identity, dystopian, environment

Author’s contribution. *T.P. Anupama* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *D.L. Anderleen* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

© Anupama T.P., Anderleen D.L., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Anupama, T.P., & Anderleen, D.L. (2024). Post-humanist food pedagogy in Margaret Atwood's speculative fiction: The MaddAddam Trilogy. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 693–702. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-693-702>

Постгуманистическая пищевая педагогика в спекулятивной фантастике Маргарет Этвуд: «Трилогия Безумного Адам»

Т.П. Анупама , Д.Л. Андерлин

Институт науки и технологий SRM, Каттанкулатур, Индия
[✉anupamathampipreetha@gmail.com](mailto:anupamathampipreetha@gmail.com)

Аннотация. В трилогии Маргарет Этвуд «Безумный Адам» рассматриваются темы потребления, личной идентичности и этики с постгуманистической точки зрения. С опорой на концепцию «постпродукции» изучается влияние технологических достижений и индустриализации на процесс обучения, а также культуру питания. В «Трилогии Безумного Адам» Этвуд представляет постапокалиптическое повествование, где показывает сложную взаимосвязь между культурой потребления, технологией и будущим человечества. В романе производство и потребление рассматриваются как этический выбор, основанный на индивидуальном подходе и связанный с устойчивостью нового порядка, что бросает вызов традиционным экологическим парадигмам. Кроме того, в исследовании уделяется внимание значению гастрономической идентичности – принадлежности и совместному проживанию в постапокалиптическом сообществе. Показывается, что еда в условиях постчеловеческого ландшафта действует как гуманизирующий фактор.

Ключевые слова: постгуманистический подход, еда, технологии, идентичность, анти-утопия, окружающая среда

Вклад авторов. *Анупама Т.П.* – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. *Андерлин Д.Л.* – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: *Anupama T.P., Anderleen D.L.* Post-humanist food pedagogy in Margaret Atwood's speculative fiction: The MaddAddam Trilogy // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 693–702. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-693-702>

Introduction

Pedagogy in a broader sense is the process of learning and teaching in both the pragmatic and theoretical sense. Behaviorism is a learning theory that exclusively considers objective behaviors in humans and animals. It is possible to

study concepts like food and culture from a pedagogical perspective by simply fusing Behaviourist theory with the idea of teaching. Wendell Berry, cultural critic, initiates the link between food and pedagogy thus in his essay: What do we learn, and unlearn, from the food we eat? How is the food on our plate connected to such issues as food systems, food politics, food justice, food security, food sovereignty and food movements? (Berry, 2010).

Food pedagogy is the integration of food-related information and hands-on learning as a simultaneous happening. The analysis and resolution of food-related problems, together with the power dynamics that exist in society, are fundamental elements of critical theory. Critical food pedagogy is the result of merging food pedagogy and critical theory (Lewis & O’Neil, 2018).

Thus far, food pedagogy has been used to explain the problems associated with food production, consumption, and health difficulties that arise from changing globalization. The subjects explored include unhealthy eating behaviors, food habits, a departure from traditional food and culture, social isolation, and environmentally unsustainable practices. There is a growing focus on pedagogical methods, including food pedagogies, to tackle these issues.

Critique of the food issues relating them to a behavioristic overview surpasses observational science and facts around food and food issues. It encompasses cultural amalgamations that lead to fusion in the production and consumption of food, politics in the food trade, and the influence of fusion cuisine on relationships spanning racial and cultural divides.

Traditional Food Pedagogy looks at food and food-related issues to elaborate on the learnings made from them, but it often ignores these crucial facets of hegemony, such as race, culture, etc. A less commonly used term, “critical food pedagogy,” refers to the anthropological and cultural aspects of food that have an impact on human interactions through dietary decisions, cooking customs, and habits. With the ascent of critical food pedagogy, common hegemonic aspects, on the contrary, brought about harmony since food cultures were borrowed and accepted across countries and times. This was brought about by rampant food trade in the rapidly developing world of progress in business and technology.

In his book *Experience and Education*, John Dewey describes the kitchen as a laboratory, which is an ideal environment for teaching and learning many subjects. Dewey popularized the notion of integrating theoretical learning with experiential learning, asserting that both are indispensable: “the belief that all genuine education comes about through experience does not mean that all experiences are genuinely or equally educative” (Dewey, 2007, p. 25). This approach is regarded as the forerunner of experiential education and has provided guidance to numerous scholars in adult and formal education.

The intersection of food pedagogy and post-humanist fiction lies in their examination of how food systems and consumption both mirror and influence human identities and relationships within larger ecological and technological frameworks. Post-humanist fiction, such as Atwood’s fiction, frequently explores

the ethical and existential inquiries that emerge from technological progress and its consequences for the environment. They explore the concept of human identity in a society where the distinction between humans and non-humans is becoming less clear.

By embedding food pedagogy within post-humanist fiction, authors can effectively critique contemporary food practices and envision alternative futures. This integration enriches the narrative, allowing for a more profound examination of how evolving food systems impact identity, ethics, and ecological balance in a post-human world. The future of food is not just about what we eat, but about how we think about eating ... and how we think about ourselves and our place in the world (Pollan, 2006).

Methodology: critical food pedagogy in literature

foregrounding food pedagogy in literature distinctly bridges boundaries created by existing feuds caused due to differences in cultures and ethnicities, since food is often depicted as a unifying factor between two or more cultures. In critical food pedagogies, food is seen more critically, as Sumner describes, food is a cause for celebration, an inducement to temptation, a weapon for wielding power, an indicator of well-being, a catalyst for change, and a vehicle for learning (Sumner, 2013, p. 41)

Meredith Abarca has noted in her essay that, due to food's materiality and our daily consumption of it, thinking critically goes beyond the level of discourse and enters into the realm of action (Abarca, 2016, p. 205). Because food is a basic human need and understanding of the food system is made tangible at every meal, food narratives are therefore in a unique position to inspire action.

As Sumner states in his work *Eating as a pedagogical act*, eating can become a transformative learning experience, opening the possibility of more inclusive, and more sustainable, ways of life (Sumner, 2008, p. 352). Food is frequently portrayed as healing or transformational not only in contemporary works but also in classic literature:

As I ate the oysters with their strong taste of the sea and their faint metallic taste that the cold white wine washed away, leaving only the sea taste and the succulent texture, and as I drank their cold liquid from each shell and washed it down with the crisp taste of the wine, I lost the empty feeling and began to be happy and to make plans (Hemingway, 1964, p. 21).

Most studies on transformative learning have occurred in areas other than food. Researchers and practitioners from a wide variety of theoretical persuasions and practice settings, yet it is a complicated idea that offers considerable theoretical, practical, and ethical challenges (Dirkx, 1998, p. 1).

Critical food pedagogy analyses the educational and societal consequences of food production and consumption, promoting a more profound comprehension of the interdependence of food, culture, and sustainability. Food pedagogy, when incorporated into post-humanist narratives, offers a framework for examining

how characters engage with food in manners that mirror wider societal transformations and difficulties. It emphasises the consequences of genetically engineered foods, the decline in biodiversity, and the commercialization of nature, asking learners to reassess their personal connection with food and the environment.

Results and discussion

Post-humanist food pedagogy in Margaret Atwood's speculative fiction

Margaret Atwood's *MaddAddam* trilogy – comprising *Oryx and Crake*, *The Year of the Flood*, and *MaddAddam*, – offers a complex depiction of food systems, genetic engineering, and the socio-environmental consequences of human actions, making it a fertile ground for research on critical food pedagogy. The trilogy's storyline is intricately connected to topics that are fundamental to critical food pedagogy, making it an outstanding example for examining these concepts.

The posthuman condition is characterized by a blurring of boundaries between the natural and the artificial, the human and the non-human. This is particularly evident in the realm of food, where genetically modified organisms (GMOs) and synthetic biology challenge traditional notions of what it means to eat (Mosca, 2013).

The predominance of these GMOs and synthetic foods is a prominent feature of the dystopian future depicted in *Oryx and Crake*. As the story opens, the protagonist is seen saying he has stored some mangos, knotted in a plastic bag, and a can of Sveltana No-Meat Cocktail Sausages, and a precious half-bottle Scotch, along with a chocolate-flavored energy bar scrounged from a trailer park, limp and sticky inside its foil (Atwood, 2003). This compilation of food resembles discarded kitchen refuse rather than a palatable selection that would be appreciated by modern people.

The readers only discover much later that Snowman, the protagonist, is not a homeless person in the present-day world, but rather a resilient individual in a world that has been devastated by an apocalypse. The story begins with the snowman's insatiable hunger amidst the remnants of human civilization. This episode highlights a list of food items that symbolize the leftovers of a broken modern industrial food system. It serves as a representation of the history of human food consumption, exploring the reasons why humans need food and how they go about producing and preserving it. As opined by Marcy Galbreath, the ethical implications of food consumption in a posthuman world are profound. As we move towards a future where food is increasingly engineered and manipulated, we must consider the long-term effects on our bodies and the environment (Galbreath, 2010).

The novel presents a world where natural food sources has significantly diminished, and corporations exert dominance over food production by

bioengineering. The story explores the concept of genetic manipulation and its impact on food production. One example is the invention of *ChickieNobs*, chicks that have been genetically altered to produce numerous varieties of meat concurrently.

One account from the novel illustrates that the *ChickieNobs* lack both heads and feathers and are cultivated in big vats. This disturbing image emphasizes the excessive alteration of nature for the purpose of food production. Fruits and vegetables have undergone genetic engineering to improve their visual appeal, flavor, and nutritional content.

Another instance involves the *pigoons*, which are pigs that have been genetically modified to cultivate human organs for transplantation. These *pigoons* ultimately consume a genetically produced fruit called *snats*. This exemplifies the novel's depiction of a universe in which the distinctions between natural tastes and borders blur.

As Catriona Sandilands notes, the novel offers a nuanced portrayal of post-human food, depicting both the destructive consequences of corporate greed and the potential for resilience and sustainability through alternative food movements and practices (Sandilands, 2011). The story depicts the hegemony of major corporations in the food sector, exerting control over the manufacturing and dissemination of genetically engineered foods. The novel also delves into the ecological ramifications of post-human food production, including the devastation of habitats and the contamination resulting from industrialized agricultural methods. This situation raises significant inquiries on the moral implications of altering food, the decline of biodiversity, and the commercialization of the environment. These concerns are strongly related to critical food pedagogy, which promotes an analysis of how food production systems impact health, environment, and social justice.

The Year of the Flood, the second novel, centers around the God's Gardeners, an eco-religious organization that promotes sustainable living and urban agriculture. Their dedication to organic farming, preservation of seeds, and adherence to plant-based diets presents an alternative perspective to the corporate control shown in the first novel. This juxtaposition offers an opportunity to explore alternate approaches to food education that prioritize sustainability, ecological equilibrium, and ethical consumption.

The story also delves at other methods of meat production, such as meat substitutes and lab-cultivated proteins. One example of this is the "soy-chicken nuggets" produced by the God's Gardeners, which replicate the flavor and consistency of genuine chicken without the requirement for slaughtering animals. In a particular scene, Toby, a prominent character, contemplates the procedure of creating soy-chicken nuggets from basic ingredients, emphasizing the cleverness and creativity of those who have managed to survive in a world devastated by an apocalypse.

The novel *The Year of the Flood*, like *Oryx and Crake*, delves into the issue of corporate dominance in the realms of food production and delivery. Corporations

such as *HelthWyzer* exert significant control over the market by manufacturing genetically engineered crops and patented seeds. Characters in the novel not only grow their own food, but also depend on foraging and hunting for wild foods to sustain themselves. This underscores the capacity of individuals to adjust and thrive notwithstanding environmental and societal collapse. These aspects from *The Year of the Flood* offer a nuanced portrayal of post-human food, depicting both the destructive consequences of corporate greed and the potential for resilience and sustainability through alternative food movements and practices. These practices exemplify the concepts of critical food pedagogy, promoting a renewed relationship with nature and a refusal of oppressive food systems.

Margaret Atwood's third novel *MaddAddam*, offers explicit examples that demonstrate the need of food pedagogy by thoroughly examining food systems, sustainability, and ethical concerns in a dystopian future. An example is the portrayal of the *Crakers*, genetically modified humans who survive on a diet intentionally created to be environmentally friendly and free from violence. Their main sources of sustenance consist of *pigoons*, a genetically modified plant species featured in *Oryx and Crake*, as well as leaves from the *kudzu* vine. This reflects an idealized vision of a sustainable food system, free from the environmental degradation associated with conventional agriculture, aligning with critical food pedagogy's emphasis on sustainability.

Another notable example is the manner in which characters in *MaddAddam* adjust to the limited availability of food in a world devastated by an apocalypse. Toby, a prominent character, exhibits a high level of knowledge and independence in relation to food by instructing others on the practices of gathering wild food, cultivating plants, and cooking meals using readily accessible resources. For example, she uses her knowledge of edible plants and mushrooms to sustain the group, embodying the principles of critical food pedagogy that emphasize the importance of resilience and practical skills in food production.

The story also explores the communal nature of food, emphasizing how meals act as a vehicle for creating bonds among the survivors. Communal dinners serve as pivotal occasions for the group to establish connections and provide mutual support, highlighting the significance of food in fostering and sustaining a sense of community. This is evident in moments where the characters gather to cook and consume meals, promoting a feeling of unity and reciprocal assistance. The community approach to food practices is a fundamental element of critical food pedagogy, which promotes inclusive and collaborative food systems.

The ethical quandary surrounding the consumption of these *Pigoons* compels the characters to reassess their dietary preferences and the ethical ramifications of consuming entities possessing human characteristics. This aligns with the objective of critical food pedagogy, which aims to cultivate ethical consciousness and accountability in relation to food intake.

Moreover, the novel functions as a pedagogical tool by employing narrative to communicate intricate concepts regarding food, technology, and ecology.

MaddAddam urges readers to engage in critical discussions regarding the future of food systems, the environmental impact of biotechnology, and the ethical aspects of food production and consumption. This aligns with critical food pedagogy's use of diverse educational methods to provoke thought and encourage informed decision-making.

The survivors' endeavours to build novel, enduring food practices in the midst of the wreckage of a destroyed society underscore the significance of resilience and adaptation in food systems. This narrative arc can be utilised to examine how critical food pedagogy tackles the requirement for education on sustainable practices and the establishment of robust food networks in the midst of a crisis.

Conclusion

“People need such stories, because however dark, a darkness with voices in it is better than a silent void” (Atwood, 2013). This line of Atwood's serves as a metanarrative which highlights the pedagogical role of storytelling in addressing complex ideas about food, technology, and ethics, of which the trilogy by itself is a critical example. It serves as a profound narrative exploration of post-humanist food pedagogy.

Atwood examines the intricate interactions among food systems, technology, and the future of humanity from a speculative perspective. The trilogy rigorously analyses the repercussions of genetic engineering, corporate monopolies in the realm of food production, and ecological deterioration, prompting readers to contemplate the ethical, environmental, and sociological ramifications of their dietary decisions. In a post-apocalyptic society, the role of food becomes crucial. It is not just a matter of survival but also a reflection of the sustainability of the new world order. The posthuman food systems in these novels highlight the need for a balance between technological advancement and ecological preservation (Bergthaller, 2010). Atwood's depiction of genetically modified organisms, such as the *Crakers* and *Pigoons*, prompts essential inquiries regarding the viability and ethical implications of interfering with the natural order. The protagonists' acclimation to a post-apocalyptic world, depending on scavenging and sustainable food methods, highlights the importance of understanding food and being able to adapt in challenging circumstances. The significance of food in promoting social connections and mutual assistance is underscored by communal meals and shared food resources, which match with the emphasis on inclusivity and collaboration in critical food pedagogy.

Education researchers have used post-human pedagogy to indicate the practice that challenges anthropocentric views (Mustola, 2019). The trilogy, thus, not only critiques contemporary food practices but also offers a pedagogical tool through its narrative, engaging readers in discussions about food ethics, sustainability, and the potential future of human-ecosystem interactions.

References

- Abarca, M., Flowers R., & Swan E. (Eds.) (2016). Food Consciousness: Teaching Critical Theory Through Food Narratives [Review of *Food Consciousness: Teaching Critical Theory Through Food Narratives*]. In *Food Pedagogies*, 201–205.
- Atwood, M. (2003). *Oryx And Crake*. Hachette UK.
- Atwood, M. (2009). *The Year of The Flood*. Hachette UK.
- Atwood, M. (2013). *MaddAddam*. Hachette UK.
- Berry, W. (2010). *What Are People For?* Catapult.
- Bergthaller, H. (2010). Housebreaking The Human Animal: Humanism and the Problem Sustainability in Margaret Atwood's *Oryx and Crake* and *The Year of the Flood*. *English Studies*, 91(7), 728–743. DOI: 10.1080/0013838x.2010.518042
- Dewey, J. (2007). *Experience & Education*. Simon and Schuster.
- Dirkx, J. (1998). Transformative Learning Theory in the Practice of Adult Education: An Overview [Review of *Transformative Learning Theory in the Practice of Adult Education: An Overview*]. *PAACE Journal of Lifelong Learning*, (7), 1–14.
- Hemingway, E. (1964). *A movable feast*. Jonathan Cape.
- Galbreath, M. (2010). A Consuming Read: The Ethics of Food in Margaret Atwood's *Oryx and Crake* [Review of *A Consuming Read: the Ethics of Food in Margaret Atwood's Oryx and Crake*]. In *Second International Humanities and Sustainability*. Florida Gulf Coast University.
- Lewis, B., & Neil, J.K. (2018). Critical Food Pedagogy and Sustainable Development. *Encyclopaedia of Sustainability in Higher Education*, 1–10. DOI: 10.1007/978-3-319-63951-2_253-1
- Mosca, V. (2013). Crossing Human Boundaries: Apocalypse and Posthumanism in Margaret Atwood's *Oryx and Crake* and *The Year of the Flood*. *Altre Modernit*, (9), 38–52. DOI: 10.13130/2035-7680/2985
- Mustola, M. (2019). Why is a live chicken banned from the kindergarten? Two lessons learned from teaching post-human pedagogy to university students. *Educational Philosophy and Theory*, 51(14), 1434–1443. DOI: 10.1080/00131857.2018.1553712
- Pollan, M. (2006). *The Omnivore's dilemma: a natural history of four meals*. Retrieved from <http://ci.nii.ac.jp/ncid/BA88682124>
- Sandilands, C. (2011). Margaret Atwood's *The Year of the Flood*: A critical response. *Green Letters: Studies in Ecocriticism*, 15(1), 65–76.
- Sumner, J. (2008). Eating as a pedagogical act: Food as a catalyst for adult education for sustainability [Review of *Eating as a pedagogical act: Food as a catalyst for adult education for sustainability*]. *Kursiv – Journal Fuer Politische Bildung*, 23–37.
- Sumner, J. (2013). Adult education and food: eating as praxis [Review of *Adult education and food: eating as praxis*]. *Building on Critical Traditions: Adult Education and learning in Canada*.

Bio notes:

T.P. Anupama, Researcher Scholar in the Department of English, College of Engineering and Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, Chengalpattu, Tamil Nadu, 603203, India. ORCID: 0009-0003-7041-5623. E-mail: anupamathampi-preetha@gmail.com

Diana L. Anderleen, Assistant Professor in the Department of English and Foreign Languages, Executive Assistant to the Vice Chancellor, and Manager of Faculty Personnel,

College of Engineering and Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, Chengalpattu, Tamil Nadu, 603203, India. ORCID: 0009-0003-7041-5623. E-mail: dianaanderleen1@gmail.com

Сведения об авторах:

Анупама Т.П., научный сотрудник на факультете английского языка, Инженерный и технологический колледж, Институт науки и технологии SRM, Индия, 603203, Тамилнад, Ченгалпатту, Каттанкулатур. ORCID: 0009-0003-7041-5623. E-mail: anupamathampireetha@gmail.com

Андерлин Диана Лазарус, ассистент профессора на кафедре английского и иностранных языков, исполнительный помощник вице-канцлера и менеджер по персоналу профессорско-преподавательского состава, Инженерный и технологический колледж, Институт науки и технологии SRM, Индия, 603203, Тамилнад, Ченгалпатту, Каттанкулатур. ORCID: 0009-0003-7041-5623. E-mail: dianaanderleen1@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-703-710

EDN: QIDDTQ

УДК 82-1/-9

Научная статья / Research article

Тема Севера в современном отечественном фолк-хорроре

Е.А. Сафрон

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация
✉ 00inane@gmail.com

Аннотация. Рассматривается специфика реализации темы Севера в субжанре современного отечественного фолк-хоррора на примере романов и рассказов Д. Бобылевой, О. Кожина, Л. Львовой, А. Подольского, М. Романовой. В фолк-хорроре в географию Севера попадает Карелия, Архангельская область, Сибирь и Якутия. При проведении исследования применялись мотивный, культурно-исторический, историко-генетический методы. В результате выяснено, что данный субжанр выстраивается с опорой на хронотоп удаленных от больших городов локаций (поселков, деревень, заимок), которые ассоциируются с хтоническим миром и угрожают человеку (мотив проклятого места). Устанавливается, что среди обязательных элементов поэтики выделяются: герои – носители языческого мировоззрения (шаманы, жрецы, колдуны); инициационный сюжет, когда сталкивающийся со сверхъестественными существами индивид (чей генезис носит фольклорно-мифологический характер) приобщается к архаической культуре, становится ее полноценной частью. Автор приходит к выводу, что не только сверхъестественные существа опасны для человека, но и сама природа: герои рискуют утонуть в болоте, замерзнуть во время снежной бури и т. п. Выполняя требования жанра, писатели пугают читателя и заставляют его испытывать отвращение, но в то же время транслируют особую привлекательность Севера, воспроизводя обычаи и ритуалы автохтонных народов.

Ключевые слова: жанр, мотив, сюжет, ритуалы, ужас, мифология, язычество, хронотоп, Карелия, Сибирь

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о финансировании. Работа выполнена за счет средств гранта РФ № 24-28-01401 «Поэтика Севера в творчестве русских и скандинавских писателей XX–XXI вв.».

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

© Сафрон Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Сафрон Е.А. Тема Севера в современном отечественном фолк-хорроре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 703–710. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-703-710>

The theme of the North in modern Russian folk-horror

Elena A. Safron

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

✉ 00inane@gmail.com

Abstract. Examines the specifics of the implementation of the North theme in the subgenre of modern domestic folk horror using the example of novels and stories by D. Bobyleva, O. Kozhin, L. Lvova, A. Podolsky, M. Romanova. The geography of the North in folk horror includes Karelia, the Arkhangelsk region, Siberia and Yakutia. The work was carried out using motive, cultural-historical, historical-genetic methods. It turns out that this subgenre is built on the basis of the chronotope of locations remote from large cities (towns, villages, settlements), which are associated with the chthonic world and threaten people (the motif of a cursed place). An obligatory element of the poetics of folk horror is the depiction of heroes who are carriers of a pagan worldview: shamans, priests, sorcerers, and the plot is initiatory: an individual, encountering supernatural beings (whose genesis is folklore-mythological in nature), joins the archaic culture and becomes its full-fledged part. The author comes to the conclusion that not only supernatural creatures are dangerous to humans, but also nature itself: heroes risk drowning in a swamp, freezing during a snowstorm, etc. Fulfilling the requirements of the genre, writers frighten the reader and make him feel disgust, but at the same time they convey the special attractiveness of the North, reproducing the customs and rituals of autochthonous peoples.

Keywords: genre, motive, plot, rituals, consternation, mythology, paganism, chronotope, Karelia, Siberia

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Safron, E.A. (2024). The theme of the North in modern Russian folk-horror. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 703–710. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-703-710>

Введение

Литература ужасов, или хоррор, заставляет читателя пережить максимальный уровень страха и отвращения (Cuddon, 1984, p. 11; Schweitzer, 1999, p. 64). Этот жанр уже давно входит в сферу интересов ученых англоязычной научной традиции. Так, монография Э. Биркхед, посвященная истории хоррора, вышла еще в 1921 г. (Birkhead, 1921). Отметим, что ос-

новой акцент в иностранной научной практике делается именно на киноверсиях, а не на литературных текстах ужасов: Л. Уильямс (Williams, 1999), Н. Кэррол (Carroll, 1990), Дж. Грикти (Grixti, 1989), С.Дж. Шнайдер (Schneider, 1997), К.Дж. Кловер (Кловер, 2014).

В отечественной науке указанный жанр начинает становиться объектом глубокого анализа только в начале XXI в. Так, В.А. Кошелев анализирует элементы поэтики ужаса в творчестве А.С. Пушкина (Кошелев, 2015, с. 54–64); С.Ю. Чвертко изучает поэтику ужасного в творчестве представителей Серебряного века (Чвертко, 2015). Киновед Д. Комм рассматривает сам механизм произведения страшного эффекта и считает, что у хоррора есть технология страха, нацеленная на выполнение контракта со зрителем (Комм, 2012, с. 9), т. е. совокупность способов подачи ужасного образа, работающего на удовлетворение горизонта зрительского/читательского ожидания. А.А. Гришин исследует ужасное как этическую категорию (Гришин, 2015).

В силу того, что понимание специфики поэтики хоррора российским научным сообществом находится еще на этапе становления, отдельные субжанры литературы ужасов пока не изучались. Данный факт и определяет новизну настоящего исследования. Цель работы – выявить особенности реализации северной тематики в фолк-хорроре. Тема сакрального пространства Севера всегда была актуальна для отечественной художественной традиции. Например, она играла особую роль в творчестве авторов Серебряного века (Сафрон, 2023), поэтому представляется интересным посмотреть, как данная тема трактуется субжанром, принадлежащем массовой литературе.

Объектом исследования выступили следующие произведения: романы Марьяны Романовой «Болото» и Дарьи Бобылевой «Вьюрки», рассказы Александра Подольского «Метео», Ларисы Львовой «Песни Ольги», Олега Кожина «Гуси-лебеди», «Вериярви», «Родительский день», «Иней на лицах» из сборника «Зверинец».

Специфика поэтики фолк-хоррора

Как уже было сказано, в силу своей принадлежности к массовой литературе хоррор характеризуется формульным характером (Кловер, 2014, с. 9). Согласно замечанию К.Дж. Кловер поэтика этого жанра близка к фольклорной традиции (Кловер, 2014, с. 9). Фольклор и хоррор характеризуются одинаковым набором фантастических персонажей (оживший мертвец, домовый, вампир, колдун, ведьма и т. п.), схожими темами, сюжетами, мотивами (смерть, месть, проклятый дом). Кроме того, и фольклор, и жанр ужасов объединяет установка на устность, где акцентируется именно содержание рассказа, а не индивидуальная манера сказителя/рассказчика (Dickstein, 1980, p. 34). Близость с народной

традицией порождает такой субжанр, как фолк-хоррор, поэтика которого строится с привлечением фольклорно-мифологических мотивов, хронотопа деревни и всех связанных с ней топосов: леса, болота, лесного озера и т. п.

Северный хронотоп и система персонажей фолк-хоррора

Отметим, что хронотоп фолк-хоррора определяется северными территориями России: Архангельской областью («Болото» М. Романовой), Карелией и Сибирью («Метео» А. Подольского, «Гуси-лебеди», «Вериярви», «Родительский день» О. Кожина), Якутией («Песни Олгы» Л. Львовой). Для этих локаций характерна изолированность. Например, герои рассказа «Вериярви» сворачивают с трассы М-18 (сейчас это Р-21 «Кола»), соединяющей Санкт-Петербург и Мурманск, и сразу оказываются вне пространства благоустроенной цивилизации: «Софью замутило, стоило машине съехать <...> на грунтовку. Не было дороги в Вериярви. Направление — было, а дороги — не было» (Кожин, 2020, с. 91).

Пространство Севера также тесно связано с мотивом зимы и образует «чужой мир» — мир смерти, болезни, мир, где нарушена гармония и царит хаос, хтонический мир (Кондратьева, 2012). Морозный Север, несущий смерть, — мотив, определяющий сюжетное построение рассказа А. Подольского «Метео»: «Среди кучи местных страшилок была и такая. <...>... в Казахстане живет блуждающая атмосферная аномалия. Из-за нее резко портится погода, небо наливается облаками черного снега, которые плывут против ветра, а иногда даже спускаются на землю. В них и пропадают люди. Годы спустя обескровленные тела некоторых обнаруживали в разных уголках страны, но большая часть исчезала навсегда. Старики твердили, что это проделки злого духа. <...> Истории о некоем явлении, сопровождающем зиму, или природном демоне расплзались по всей округе» (Подольский, 2023, с. 139–140).

Герои фолк-хоррора либо переезжают из города, как в случае с персонажами романов М. Романовой «Болото», Д. Бобылевой «Вьюрки», рассказа Л. Львовой «Песни Олгы», либо изначально являются деревенскими жителями, подобно героям рассказов О. Кожина «Гуси-лебеди» и «Вериярви». Источником монструозного в фолк-хорроре становятся антропоморфизированные силы природы и представители низшей мифологии: леший, ведьма, русалка, оборотень. Например, в рассказе О. Кожина «Гуси-лебеди», являющимся примером рецепции одноименной русской фольклорной волшебной сказки, перед нами предстает старая ведьма, живущая в лесу: она заманивает к себе маленького Ваню, чтобы сварить его в котле и, съев, забрать его жизненную силу. На помощь ребенку спешит его старшая сестра Маричка, а ей оказывают содействие

волшебная печь и навки-русалки. Бой с ведьмой становится для юной Марички роковой инициацией: победив демоническую старуху, она вынуждена сама занять ее место и продолжить вечный цикл жизни и смерти: «Все выпила, все унесла молодая, здоровая, решительная. <...> Старая ведьма умирала. За многие версты отсюда, в другой избе, в другом мире, в немом крике рождалась новая ведьма» (Кожин, 2020, с. 409).

Субжанровая специфика фолк-хоррора определяется мотивом проклятого места: попадающие в подобную локацию становятся жертвами этого проклятия: здесь перестают действовать законы привычной реальности, но функционируют правила архаического по своей природе мира, которым управляет магическое, сверхъестественное. Как и в поэтике готики, мотив проклятья связан с событиями, имевшими место в прошлом. Так, в романе М. Романовой «Болото» описываются сверхъестественные топи, располагающиеся в архангельских лесах, которые, якобы, упоминаются еще в древнерусских летописях. В данном месте осуществляются жертвоприношения младенцев, при этом демоническая сущность, обитающая на дне болота, руководствуясь только ей известными причинами, возвращает некоторых обратно к жизни. Сразу же после выхода из леса выжившие героини демонстрируют неестественное для человека поведение: («Сын, хоть и явно слышал ее, почему-то не ускорил шаг. В движениях Мишеньки было что-то *механическое* (курс. авт. – Е.А.). <...> И лицо Мишеньки как-то *оплыло* (курс. авт. – Е.А.), как будто бы стекало с костей» (Романова, 2022, с. 315–316). По прошествии определенного времени «возвращенца от обычного человека не отличить – только вот сильнее он, хитрее, намного быстрее думает и знает, как повести за собой толпу, и каждый день он чему-то новому учится, и за год может десять лет прожить» (Романова, 2022, с. 318).

Болото, где живут демонические комары, выпивающие до дна кровь своих жертв, описано в рассказе О. Кожина «Вериярви». На протяжении нескольких поколений женщины из одной деревенской семьи вынуждены приносить в жертву комарам неугодных им людей, чтобы самим избегнуть их печальной участи.

Проклятым местом в романе Д. Бобылевой «Вьюрки» является одноименный дачный поселок: приезжающие в него оказываются в плену сверхъестественных существ – традиционных героев русской демонологии – русалок, полудниц, леших, игоши, оборотней.

Герои фолк-хоррора сталкиваются не только с опасными существами из мира сверхъестественного, но и с самой природой, чья стихийная мощь также может в любой момент привести к гибели. Так, в уже упомянутом рассказе А. Подольского персонажи, затерявшиеся на дорогах Казахстана, рискуют погибнуть не только по причине нападения на них оживших мертвецов, но и из-за сильнейшего мороза и метели: «Лицо затвердело за какие-то минуты, говорить было невозможно. На ресницах выросли

настоящие сосульки» (Подольский, 2023, с. 144); « – Я их не чувствую. Оля <...> стянула vareжки и показала замерзшие ладони. Пальцы едва ли не почернели» (Подольский, 2023, с. 145).

Важная особенность этого субжанра – обязательное наличие героев, мыслящих с позиции языческого, мифологического мировоззрения. Например, в «Песнях Олгы» перед нами предстает девушка, остающаяся наедине с последним членом ее племени – умирающим шаманом. Олгы понимает, что традиция хранителя племени ни в коем случае не должна умереть, а бубен шамана не должен замолчать, поэтому она решает провести ритуал посвящения самой себя в шаманки и раздобыть новую колотушку для бубна, по воле случая утраченную стариком: «А где колотушка, которая может все: и время вспять повернуть, и жизнь подарить уже мертвому <...>? Беда – видно, пораженный болезнью шаман, падая рядом с очагом, уронил ее в пламя <...> Олгы слышала, что лучшая колотушка получается из берцовой кости уже умершего шамана. А этот еще жив. Но медлить нельзя – твари Нижнего мира готовы вползти в чум, схватить всех <...> И Олгы вцепилась зубами в штанину шамана <...>. Подалась и жилистая плоть. <...> Рот Олгы оказался забит сгустками крови. А сплунуть нельзя – вон уже тянутся чьи-то жаждущие морды, подползают ближе тела с острыми от голода хребтами. И Олгы приняла шаманскую кровь» (Львова, 2023, с. 282).

Нередко религиозные мировоззрения героев фолк-хоррора – это синтез христианства и языческих культов этносов, исконно проживающих на данной территории. Показателен в этом отношении рассказ О. Кожина «Иней на лицах». Мы видим, как якут Харыскан хоронит убитого им человека и «мелко крестит покойника, бегло читает странную молитву, в которой Христос упоминается в одном ряду с именами древних богов айыы» (Кожин, 2020, с. 59). Культ айыы официально зарегистрирован в республике Саха и представляет собой набор убеждений, связанных с добрыми божествами, обитающими в тонких мирах, которые противопоставлены абасам – злым духам (Новиков, 1991). В его же рассказе «Вериярви» христианство замещается матриархальным культом: «У красного угла Софья остановилась, с интересом разглядывая небольшую икону, кажется Богородицу. <...> Лепные скулы, изящно изогнутые брови – вылитая бабушка Койву. Разве что толстая коса не спадает на плечо, а уложена калачом на макушке. В окружении прогоревших свечей стояли, заключенные в золоченый оклад, пропавшие фотографии ее матери» (Кожин, 2020, с. 111).

Матриархальный культ, представляющий собой синтез скандинавской и карело-финской мифологии, сопровождаемый, согласно требованиям жанра, технологией страха, обнаруживается и в рассказе О. Кожина «Родительский день»: на девятый день после празднования Пасхи отмечается Радоница, посвященная поминовению усопших, на которую

семейство Лехтинен должно приводить на кладбище на съедение демонической покойной бабушке Нойте Тойвовне живую жертву (считаем важным подчеркнуть «говорящий» характер имени: нойда – название шамана в религиозной практике саамов (Демкин, 2009). В случае игнорирования этой «почетной обязанности» бабушка угрожает подняться из могилы и съесть кого-то из членов собственной семьи.

Заключение

Таким образом, суггестивный эффект от прочитывания подобных текстов носит неоднородный характер. С одной стороны, субъект испытывает ужас и отвращение благодаря сценам, изобилующих убийствами, нанесением разного рода увечий, а с другой – удовольствие от погружения в родную или чужую древнюю национальную культуру, приобщения к архаическим языческим обрядам, как бы активизируя дремлющие в подсознании архетипы. Тем самым писатели, работающие с субжанром фолк-хоррора, идут вслед за традиционными культурными стереотипами, рисуя Север одновременно и опасной, и привлекательной локацией.

Список литературы

- Бобылева Д. Вьюрки. М.: АСТ, 2022. 412, [2] с.
- Гришин А.А. Феномен ужаса: этико-философский анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Иваново, 2015. 18 с.
- Демкин А. Лапландский шаманизм и символика шаманского бубна // Шаманство. 2009. URL: https://shamanstvo.ru/shamanizm/spirit/spirit_15.htm (дата обращения: 07.06.2024).
- Кловер К.Дж. Ее тело, он сам: гендер в слэшерах // Логос. 2014. № 6(102). С. 1–60.
- Кожин О. Зверинец. М.: АСТ, 2020. 410 с.
- Комм Д. Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 224 с.
- Кондратьева В.В. Семантика пространства образа провинции в рассказе А.П. Чехова «По делам службы» // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-prostranstva-obrazaprovincii-v-rasskaze-a-p-chehova-po-delam-sluzhby/viewer> (дата обращения: 07.07.2024).
- Львова Л. Песни Олгы // 13 привидений: сборник / сост. М.С. Парфенов. М.: АСТ, 2023. С. 267–292.
- Новиков А.Г. Представления о происхождении Вселенной в якутской мифологии // Илин. 1991. № 3. URL: <http://ilin.sakhaopenworld.org/1991-3/29.htm> (дата обращения 31.05.2024).
- Подольский А. Колумбарий. М.: АСТ, 2023. 512 с.
- Романова М. Болото. М.: АСТ, 2022. 320 с.
- Сафрон Е.А. Образ северной возлюбленной как одна из смысловых доминант лирики Серебряного века (на примере стихотворений Александра Блока и Игоря Северянина) // Studia Humanitatis. 2023. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/safron-ea-obraz-cevernoy-vozlyublennoy-kak-odna-iz-smyslovyh-dominant-liriki-serebryanogo> (дата обращения: 07.07.2024).

- Чвертко С.Ю.* «Живые мертвецы» в фантастических новеллах символистов // Все страхи мира: Ноггор в литературе и в искусстве: сб. статей. Тверь – СПб.: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 112–121.
- Birkhead E.* *The Tale of Terror: A Study of the Gothic Romance.* London, 1921. 270 p.
- Carroll N.* *The Philosophy of Horror, or Paradoxes of the Heart.* New York, 1990. 405 p.
- Cuddon J.A.* Introduction // *The Penguin Book of Horror Stories.* Harmondsworth: Penguin, 1984. P. 3–12.
- Dickstein M.* The Aesthetics of Fright // *American Film.* 1980. Vol. 5. No 10. P. 32–41.
- Gixti J.* *Terrors of Uncertainty. The Cultural Contexts of Horror Fiction.* London, New York: Routledge, 1989. 234 p.
- Schneider S.J.* Uncanny Realism and the Decline of the Modern Horror Film // *Paradoxa: Studies in the World Literary Genres.* 1997. 01, 3. No. 3/4. P. 417–428.
- Schweitzer D.* Why Horror Fiction? In *Windows of the Imagination.* Berkeley Heights, NJ: Wildside Press, 1999. 208 p.
- Williams L.* *Film Bodies: Gender, Genre and Excess // Film Theory and Criticism / Ed. by L. Brady and M. Cohen.* New York: Oxford University Press, 1999. P. 701–715.

Сведения об авторах:

Сафрон Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики, Петрозаводский государственный университет, Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33. ORCID: 0000-0002-7752-3403. E-mail: 00inane@gmail.com

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-711-725

EDN: QLEMYP

УДК 821.161.1-32(Кукольник Н. В.)

Научная статья / Research article

Стилизация истории в творчестве Н.В. Кукольника

А.В. Кубасов

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург,
Российская Федерация
✉ kubas2002@mail.ru*

Аннотация. Анализируется категория «стилизация истории» и ее реализация на материале творчества забытого автора середины XIX века Нестора Васильевича Кукольника. Дается определение понятия, понимаемого как свободная интерпретация прошлого, написанная с ориентацией на определенную стилевую манеру, в образной форме при сохранении опоры на общеизвестные факты, события или качества исторической личности. Если для истории актуально понятие правды, то для стилизации – относительного правдоподобия. Тяготение Кукольника к стилизации объясняется условиями его жизни и эстетическими установками. Доказывается, что изображение прошлого в его художественных произведениях сопрягалось и перекликалось с творчеством его друзей – художника К.П. Брюллова и композитора М.И. Глинки. Показано, что стилизация тесно связана с явлениями архаизации и ориентирования писателя на литературные образцы прошлого. Отмечено, что уже в 30-е годы XIX века в русской литературе начинало складываться реалистическое направление, но для принципиального консерватора Кукольника образцами продолжали оставаться произведения западноевропейских романтиков. Намечено отношение к творчеству Кукольника писателей классиков, большая часть из которых критически оценивала его. На материале анализа рассказа «Сержант Иван Иванович Иванов, или все заодно» раскрыто, каким образом стилизация истории воплощается в художественном тексте. Подчеркнуты возможные перспективы возобновления интереса к творчеству Кукольника путем транспонирования его произведений на язык современных жанровых форм.

Ключевые слова: роман, рассказ, реализм, романтизм, стиль, архаизация, жанр, историческая правда, историческое правдоподобие

© Кубасов А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: Кубасов А.В. Стилизация истории в творчестве Н.В. Кукольника // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 711–725. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-711-725>

Stylization of history in the works of N.V. Kukolnik

Alexandr V. Kubasov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation

✉ kubas2002@mail.ru

Abstract. Examines the concept of “Stylization of History” and its application through the forgotten works of mid-19th-century author Nestor Vasilyevich Kukolnik. This concept is characterized by a free interpretation of the past in a figurative manner, while still maintaining reliance on well-known facts, events, or qualities of historical figures, expressed within a specific stylistic framework. If the notion of truth is pertinent to history, then relative verisimilitude is significant for Stylization of History. Kukolnik’s inclination towards stylization is attributed to his life circumstances and his aesthetic sensibilities as a writer, establishing that the portrayal of the past in his artistic endeavors was connected and influenced by the work of his friends – artist K.P. Bryullov and composer M.I. Glinka. The stylization is closely linked to the phenomena of archaization and the writer’s inclination towards literary examples from the past. It is observed that as early as the 1830s, a realistic trend started to emerge in Russian literature, but for the staunch conservative Kukolnik, the works of Western European romantics continued to serve as his models. The classic writers’ viewpoint on Kukolnik’s work is outlined, with most of them offering critical assessments. Through the analysis of the short story *Sergeant Ivan Ivanovich Ivanov, or All as One*, the embodiment of historical stylization in a work of art is revealed. The potential for renewed interest in Kukolnik’s work is also discussed, suggesting that his works could be reimaged in the language of modern genre forms.

Keywords: novel, story, realism, romanticism, style, archaization, genre, historical truth, verisimilitude

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Kubasov, A.V. (2024). Stylization of history in the works of N.V. Kukolnik. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 711–725. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-711-725>

Введение

Современный массовый читатель, желающий получить первичные сведения о жизни и творчестве Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868), скорее всего, обратится к авторитетным справочным изданиям. Одно из них – энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В статье, посвященной писателю, отмечается, что Нестор Васильевич был сыном первого директора Нежинской гимназии и учился в ней. Кукольник был ровесником и однокашником Н.В. Гоголя, он даже играл с ним в одном гимназическом спектакле по «Недорослю» Д.И. Фонвизина. Первые литературные опыты Нестора Васильевича – пьеса «Торквато Тассо» (1833) и драма в пяти актах «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1834), посвященная эпохе Смутного времени, – имели большой успех у публики. Кукольник с самого начала творческого пути тяготел к изображению русской и зарубежной истории. Первые удачи окрылили молодого писателя, и он рьяно взялся за литературный труд. В период 1840–1845 гг. напечатал 5 романов, 26 повестей, 5 драм и множество стихотворений (В.К. [Карцов], 1895, с. 945). Плодовитому автору после этого предстояло прожить еще четверть века. Однако с течением времени постепенно уменьшается не только его феноменальная продуктивность, но и популярность среди читателей. Финал жизни и творчества Кукольника был достаточно тихим и незаметным. В 1857 г. он вышел в отставку и поселился в Таганроге. Журналы печатали Кукольника неохотно, и он умер в 1868 г. почти всеми забытый (В.К. [Карцов], 1895, с. 945). С констатации печального итога жизни писателя начинаются немногочисленные современные исследования о нем: «Сейчас Нестора Васильевича Кукольника, безусловно, можно назвать забытым автором. Его богатое литературное наследие не читают. Оно не вызывает также особого интереса у исследователей. В учебниках по истории русской литературы он едва упоминается» (Сейчаковски, 2016, с. 30). Польскому автору вторят российские, утверждая, что имя Кукольника предано забвению, а его творческое наследие более 150 лет не востребовано и не изучается (Николаенко, 2005, с. 118; Малышкина, 2019). Ради справедливости отметим, что не все произведения Кукольника оказались списанными в литературный архив. Долгожителем стали те стихотворения писателя, которые друживший с ним М.И. Глинка положил на музыку. В репертуаре певцов до сих пор живут такие романсы, как «Попутная песня», «Сомнение», «Баркарола», «Жаворонок» и ряд других.

Если попытаться кратко оценить многочисленные эпические и драматические произведения Нестора Васильевича, можно утверждать, что он создавал многостраничные стилизованные картины на темы русской и зарубежной истории. Стилизация истории была ключевым художественным приемом его творчества. В позапрошлом веке о стилизации сигнализировал французский предлог *a la*, русским эквивалентом которого

служат слова *наподобие, словно, по образу*. В воспоминаниях Кукольника, русина по национальности (карпаторосса, как он сам именовал себя), сохранилось воспоминание о домашнем спектакле, участником которого был он, а также его старшие братья: «В числе трагедий *a la Racine* (все произведения старшего брата Павла) была одна венгерская под заглавием «Эмерик», в которой я имел роль маленького сына Эмерика. Желая сделать отцу приятный сюрприз, Александр Васильевич откопал где-то вид Офена или Буды, расспрашивал батюшку о разных особенностях местности, не давая заметить цели... В день представления на венгерскую трагедию натурально были приглашены все карпатороссы: и Орлай, и Балугьянский, и П.Д. Лодий. Дошло до пятого акта. Подымается занавес... Карпатороссы, несмотря на свои лета и служебное значение, вскакивают с места и первый П.Д. Лодий кричит с восторгом: «Буда, Буда!»» (Из воспоминаний..., 1891, с. 93–94). В этом фрагменте самым важным для нас является указание на то, что трагедии Павла Кукольника воспринимались его младшим братом как стилизованные под Расина, написанные в манере французского трагика. Упреждая последующие выводы, можно сказать, что Кукольник, как и его брат, тоже тяготел к литературному традиционализму, который с течением времени воспринимался как все более устаревающий консерватизм и закостенелость.

Для определения понятия «стилизованная история» обратимся вначале к известной работе Н.А. Бердяева «Стилизованное православие (отец Павел Флоренский)», посвященной анализу ключевого труда русского богослова «Столп и утверждение истины». Отличительную особенность этой книги Бердяев отмечает в самом начале критического очерка: «Это первое явление эстетизма на почве православия, ставшее возможным лишь после утонченной эстетической культуры конца XIX и начала XX века. <...> В “Столпе и утверждении истины” нет ничего простого, непосредственного, прямо исходящего из глубины души». И далее: «Свящ. Павел Флоренский – блестящий, даровитый, изысканно умный и изысканно ученый стилизатор православия, у него нет ни одной мысли, ни одного слова, не прошедшего через стилизацию. Православие его не живое, не непосредственное, а стилизованное, не наивное, а сентиментальное (в шиллеровском смысле)» (Бердяев, 1991, с. 149–150). Исходный тезис Бердяева, как можно заключить из приведенных фраз, заключается в утверждении ярко выраженной сентиментальности текста богословской книги, образцом которой являются произведения Шиллера, тогда как такого рода трудам должна быть свойственна органическая простота. Важен еще один смысл, скрытый в замечании Бердяева, – он, возможно, иначе оценил бы книгу Флоренского, если бы заметил, что она стилизована не в духе немецкого романтика, а в манере отцов церкви.

Развернутая теория стилизации как явления художественной литературы предложена М.М. Бахтиным в книге о Достоевском, где он пишет: «Лексический оттенок слова, например архаизм или провинциализм,

указывает на какой-то другой контекст, в котором *нормально* (курсив цитируемого автора – А.К.) функционирует данное слово (древняя письменность, провинциальная речь), но этот другой контекст – языковой, а не речевой (в точном смысле), это не чужое высказывание, а безличный и неорганизованный в конкретное высказывание материал языка. Если же лексический оттенок хотя бы до некоторой степени индивидуализован, т. е. указывает на какое-нибудь определенное чужое высказывание, из которого данное слово заимствуется или *в духе которого оно строится*, то перед нами уже или стилизация, или пародия, или аналогичное явление» (Бахтин, 1979, с. 215–216). Стилизация, по Бахтину, есть одно из проявлений общей диалогической природы языка. Она предполагает соотнесение первичного контекста, в котором слово функционирует органично, с контекстом вторичным, содержащим прямую или косвенную отсылку к тому контексту, в духе которого оно строится.

Архаизация языка, столь свойственная произведениям Кукольника на исторические темы, как раз и порождает эффект стилизации. Архаика была органическим качеством сознания писателя, так что проникала даже в его приватную жизнь. Приведем пример из письма Нестора Васильевича племяннику П.А. Пузыревскому от 24 декабря 1853 года: «Во-первых, мы *поскучали за вами* порядочно. День именин твоих, *ознаменованный великолепным синопским делом*, мы провели *не без грусти*; но скоро *победы наши доставили приятное развлечение*» (Кукольник, 1901, с. 12). В отрывке ощутима стилизация (скорее всего, бессознательная) победной реплики, уместной больше в официальном газетно-журнальном издании, чем в частной переписке с родственником.

Архаизм Кукольника отметил В.Г. Белинский в посвященной ему статье. Пытаясь объяснить «значение г. Кукольника как писателя и его место в русской литературе», критик прибегает к сравнению, которое, по его словам, «не всегда доказывает, но часто объясняет дело». Белинский полагает, что ни с кем не имеет Кукольник так много сходства, как с Сумароковым. «Г-н Кукольник решительно Сумароков нашего времени» (Белинский, 1956, с. 124). Вряд ли такую оценку можно признать комплиментарной для писателя. К концу XIX века Кукольник окончательно превратился в устойчивый символ архаиста. А.И. Куприн передает в мемуарах оценку его Чеховым: «Одному талантливому беллетристу, серьезному идейному писателю, он говорил: “Послушайте же, ведь вы на двадцать лет меня старше. Ведь вы же раньше писали под псевдонимом Нестор Кукольник...”» (Куприн, 1986, с. 522). Веку XX писатель и вовсе пришелся не ко двору и был, как казалось, навсегда забыт.

Одним из объяснений тяготения Кукольника к стилизации является его образование и семейная языковая среда. Мать Нестора Васильевича была полькой по национальности. Писатель владел, помимо языка матери, еще французским, немецким, итальянским (Охотин, Ранчин, 1994, с. 212). Особо отметим классическую латынь, которую Кукольник знал в

совершенстве. Вспоминая детство, он писал: «Шалости мои не подчинялись цензуре матушки; бывало нашалою (отец на лекциях) и принимаюсь за лексикон: составляю извинение, перевожу на латинский, заучиваю и жду возвращения домой отца. Он на порог, а я с латинской речью, — рассказываю случай и прошу прощения и, разумеется, вина отпускалась, несмотря на цicerоновские обвинительные филиппики моей матери» (Из воспоминаний, 1891, с. 90). Знание мертвых языков, служивших основой лингвистической подготовки в гимназии, а также современных европейских не могло не отразиться на произведениях Кукольника. Получивший гимназическое образование, он стилизовал русский материал в манере европейских романтиков. Драматические произведения Кукольника могут восприниматься так, будто они написаны *a la Шиллер*. Автор диссертации о пушкинской эпохе, весьма сдержанно оценив вклад Кукольника в русскую литературу, делает ссылку на общее мнение современников Пушкина: «Говорили, что Кукольник превзошел Пушкина, величали его “русским Шиллером” и т. д.» (Курганов, 1995). Столь же уместно отметить влияние исторических романов В. Скотта на русскую прозу этого времени, в том числе и Кукольника (Аносова, 2012). Эти имена европейских классиков употреблены нами как некие синекдохи, за которыми стоит в целом европейская традиция романтической исторической драмы или романа. Европейский литературный романтизм составляет ближний контекст для творчества Кукольника. Для таких авторов, как Ф. Шиллер, В. Скотт, Ф.Г. Клопшток, приподнятый, отчасти высокопарный стиль был нормой. Особо подчеркнем, что речь идет именно о стиле, вкусе, общем эмоциональном тоне, а не об интертекстуальных отсылках к названным конкретным писателям. Укажем также и на дальний контекст, который составляли тексты авторов древнего Рима: латынь изучалась в гимназиях преимущественно на основе их произведений.

Перейдем к ключевому понятию «стилизация истории». Оно употребляется в современных работах (Андреев, 1999; Мансков, 2011), но все же остается недостаточно отрефлексируемым. История как наука базируется на установлении подлинности событий и фактов, и документ играет определяющую роль в этом процессе. Стилизация истории отгалкивается от реальных событий или фактов, но представляет их в свободной интерпретации стилизатора на основе его фантазии и даже домысла. Стилизация истории может быть реализована не только в литературе, но и в живописи («Последний день Помпеи» К.П. Брюллова), в музыке («Жизнь за царя» М.И. Глинки). Важнейшим отличительным признаком стилизованной истории является то, что она представляет прошлое в образах, которые лишь частично совпадают с реальным событием, фактом или историческим деятелем. Итак, стилизация истории — это свободная интерпретация прошлого в образной форме при сохранении опоры на общеизвестные достоверные факты, события или качества исторической

личности, написанная стилизатором с ориентацией на определенную стилевую манеру. Стилизатор ставит задачу воспроизведения не исторической правды *par excellence*, а исторического условного правдоподобия и выражения на его основе своей авторской позиции.

Результаты и обсуждение

Масштаб личности Кукольника определяется не в последнюю очередь теми современниками, с кем он был дружен, чьи эстетические установки разделял. С этой точки зрения, Нестор Васильевич должен войти в круг знаковых имен русского искусства. Близким другом писателя был композитор М.И. Глинка, одно из писем к которому Кукольник начинает с обращения: «Дорогой, драгоценный Миша!» (Кукольник, 1901, с. 19). Свидетельством дружеских отношений с Брюлловым является выполненный художником портрет двадцатисемилетнего Кукольника, который находится в Третьяковской галерее. Кроме того, Брюллов был иллюстратором новеллы друга «Психея» (Казакова, 2008). Круг имен может быть многократно расширен за счет приятелей и близких знакомых, которые посещали по средам журфиксы Кукольника. Современники, имевшие возможность непосредственного общения с писателем, не могли абсолютно ошибаться в своей оценке его личности и творческих способностей. Столь же важна для нас возможность охарактеризовать творчество Кукольника через сравнение его произведений с искусством друзей. На картине «Последний день Помпеи» насчитывают около 40 фигур, выписанных с разной степенью детализации. Масштабной является и опера «Жизнь за царя» Глинки. Такими же крупными многофигурными «полотнами» были исторические романы и повести Кукольника.

Говоря о восприятии Кукольника и его творчества корифеями русской литературы, отметим одну особенность: некоторые из них, например Л.Н. Толстой и И.А. Гончаров, не оставили о нем значимых замечаний или высказываний. Сдержанно-ироническим было отношение к Кукольнику у Пушкина. Другие писатели были достаточно прилежными его читателями, например Ф.М. Достоевский. В романе «Бесы» внешность Степана Трофимовича Верховенского описана с отсылкой на портрет Кукольника кисти Брюллова. О герое сказано: «... высокий, сухощавый, с волосами до плеч, он походил как бы на патриарха или, еще вернее, на портрет поэта Кукольника, литографированный в тридцатых годах при каком-то издании» (Достоевский, 1974, с. 19). Достоевский сознательно прибегает к стилизованному портрету героя. Сигналом стилизации служит выделенный во фразе фрагмент. Дело, однако, не только в сходстве литературного героя с внешностью реального человека, но и в имплицитной косвенной оценке личности Кукольника: «Этот человек, двадцать лет нам пророчествовавший, наш проповедник, наставник, патриарх, Кукольник, так высоко и величественно державший себя над всеми нами, перед

которым мы так от души преклонялись, считая за честь, — и вдруг он теперь рыдал, рыдал, как крошечный нашаливший мальчик в ожидании розги, за которою отправился учитель» (Достоевский, 1974, с. 331).

Известно, что прототипом для Степана Трофимовича Достоевскому послужил И.С. Тургенев, так что логично далее обратиться к автору «Отцов и детей». Об оценке Кукольника И.С. Тургеневым может свидетельствовать отрывок из его письма А.Ф. Писемскому. Высылая ему из Веймара вырезки из газетных публикаций, Тургенев замечает: «...немецкие критики умеют иногда врать не хуже русских (в одной из них говорится о *гениальном* (!) [выделено Тургеневым — А.К.] Кукольнике)» (Тургенев, 1994, с. 169). Одно из возможных объяснений высокой оценки Кукольника зарубежными критиками связано с тем, что они уловили в его произведениях пафос романтизма, восприняли их как стилизованные в близкой им по духу европейской литературной традиции.

И.И. Панаев, присутствовавший на чтении Кукольником трагедии «Рука Всевышнего...», вторит оценкам немецких критиков: «Мы расстались с поэтом в четыре часа утра, убежденные в его гениальности» (Панаев, 1988, с. 70). В последующих записях эта оценка нивелируется мемуаристом (Панаев, 1988, с. 135–137).

На полпути к объяснению природы творчества Кукольника остановился А.М. Скабичевский в своей большой работе «Наш исторический роман в его прошлом и настоящем». Уловив диалогичность романов Кукольника, он отнес ее к недостаткам, объяснив подражательностью: «По крайней мере драмы его „Торквато Тассо“, „Джулия Мости“, „Джакобо Салазар“, „Роксолана“ и пр. все скроены по образу и подобию драм В. Гюго, но, конечно, не представляют и тени того глубокого идейного содержания, какое вы находите в пьесах В. Гюго, а напротив того, отличаются крайнею пустотою и банальным мелодраматизмом» (Скабичевский, 1890, стлб. 770). Кроме Гюго, образцами для подражания Кукольнику, по мнению критика, послужили Александр Дюма, Альфред де Виньи, польский писатель Ф. Бернатович, а также с детства знакомый Гоголь. Было бы, конечно, ошибкой признать всех критиков Кукольника недалекими зоилами, не понявшими сути его творчества. Смена одной однозначной оценки на другую, противоположную ей, думается, в равной степени будет необоснованна и однобока.

Восприятие литературного прошлого не остается чем-то неизменным и неизменным. Оно претерпевает трансформацию, сдвигаясь в сторону все большей объективности. Бахтин писал, что произведения преодолевают свое время, что новое время вносит коррективы в восприятие и понимание их. «Если нельзя изучать литературу в отрыве от всей культуры эпохи, то еще более пагубно замыкать литературное явление в одной эпохе его создания, в его, так сказать, современности. <...> Замыкание в эпохе не позволяет понять и будущей жизни произведения в последующих веках, эта жизнь представляется каким-то парадоксом. Произведения

разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в *большом времени* [курсив авт. — А.К.], притом часто (а великие произведения — всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» (Бахтин, 1986, с. 350). Быть может, мы находимся как раз накануне «более интенсивной» жизни и произведений Кукольника.

Остановимся лишь на одном произведении, которое отражает его стилизацию истории. Оно связано с эпохой Петра I. Упомянутый Скабичевский признавал «основательное знание» ее писателем, правда, тут же оговаривался, что «нельзя сказать, чтобы нравы и дух этой эпохи изображались в повестях художественно и реально» (Скабичевский, 1890, стлб. 774). Господствующий в литературе канон критического реализма прикладывался и к стилизации, которая по сути не может быть реалистичной в терминологически точном значении этого слова. Стилизация всегда в той или иной мере является *условной* и отчасти искусственной, потому что списана не только и не столько с эпохи, сколько с ее примеров и образцов. Повторим прием великого критика и прибегнем к сравнению, которое не доказывает, но объясняет дело. Можно ли картину друга Кукольника «Последний день Помпеи» назвать реалистичной? С внешней стороны — конечно, так как герои на полотне вполне жизнеподобны, но если понимать реализм как творческое направление, базирующееся на преобразовании и отражении конкретной эмпирической реальности в художественное изображение, то ответ будет отрицательным, просто потому что художнику эта реальность была недоступна. Брюллов написал картину, отталкиваясь от реального факта и своего представления о том, как оно *могло бы* выглядеть, а также ориентируясь на требования академической живописи и образцы ее стиля. Нечто подобное можно сказать о Кукольнике и вообще всех авторах, берущихся разрабатывать исторические сюжеты и темы. Все они поставлены перед необходимостью в той или иной мере домысливать материал прошлого и, как следствие, стилизовать его. В произведениях на исторические темы читателю предстоит не историческая правда как таковая, а историческое правдоподобие. Белинский признавал самыми неудачными те произведения Кукольника, «содержание которых заимствовано из итальянской жизни». Главную причину этого он усматривал в незнании писателем реальной действительности: «Странная претензия — описывать страну, которой автор никогда не видел!» (Белинский, 1956, с. 127). Для Белинского знание эмпирической реальности — необходимое условие для успешного творчества писателя-реалиста. Но для стилизатора оно вовсе не обязательно, а порой даже вредно.

Одним из относительно коротких произведений, по меркам Кукольника, посвященных времени Петра I, является рассказ «Сержант Иван Иванович Иванов, или все заодно». Даже критически настроенный к Кукольнику Белинский заметил, что рассказ «более чем хорош — прекрасен». По словам критика, автор ввел нас в быт того времени; его рассказ согрет одушевлением, полон идеи, отличается мастерством изложения

и т. д. (Белинский, 1956, с. 127). Белинский, будучи апологетом реализма, истолковал рассказ как критику нравов дворянского сословия. Стилизаторский характер произведения остался в тени его анализа.

Сюжет рассказа анекдотичен в том смысле, какой изначально придавался жанру анекдота, т. е. сосредоточенном на изложении казусов прошлого. «Сержант Иван Иванович Иванов...» является анекдотом, развернутым до пределов рассказа. В первых его фразах определено время и место действия – Кострома, начало XVIII века. Молодой барин, провинциальный донжуан, Владимир Ландышев встречается молодую крепостную крестьянку Домну, которую он как-то недоглядел и не успел сделать своей наложницей. Домна же и Иван Иванов, тоже крепостной, любят друг друга и хотят пожениться. Иван защищает Домну, за что его отдают в рекруты. Но и Ландышева тоже призывают на военную службу. Забирать дворянского недоросля пришел сам костромской воевода Любим Александрович Грибоедов, который представлен как полупародийный типаж петровской эпохи: «Любим Александрович с наружною грубостью солдата соединял многие премногие добродетели. Бескорыстие у него было дело необходимое, но прикладное, он с детства носил его как шпагу, как мундир, как неотъемлемую свою принадлежность. Он никогда не разговаривал об этом предмете, но зато воздержанием любил хвалиться, и всему полку в провинции было известно, сколько во всю жизнь свою выпил он рюмок вина и водки. Станный феномен в XVIII столетии!» (Кукольник, 1841, с. 10). Ирония в рассказе прихотливо сплетается с архаикой. Первая отражает веяние нового времени, а вторая – обращает к литературе классицизма.

Рассказ Кукольника разбит на главки, которые имеют свои подзаголовки. Один из них – «Задний двор». Начинается он с социально-бытовой характеристики топоса: «Задний двор был истинный содом в древнем допетровском быту дворян наших. Здесь развращалось молодое дворянство с детства, без особенного усилия, так, неприметно, исподволь; здесь почерпались те предрассудки, которых донныне еще не могли искоренить воля Петра Великого и просвещение... <...> Из этих частных недостатков общественной жизни на старой Руси рождались те огромные политические пороки, с которыми трудно было ладить самим великим духом и силою Государям нашим. Только внимательно рассматривая общественный быт средних времен нашего отечества, мы можем объяснить себе характер и существо боярских смут в истории нашей; тогда только мы можем уразуметь важность, сложность и действительность боярских происков и некоторым образом измерить величие и мудрость государей, разрушивших эту новую гидру» (Кукольник, 1841, с. 14). Приведенного фрагмента достаточно, чтобы заметить и верноподданнический тон, и назидательность, столь свойственные многим литературным образцам XVIII века. Поневоле вспоминается сравнение Белинского Кукольника с Сумароковым.

Не останавливаясь на хитросплетениях сюжета рассказа, обратимся сразу к его финалу. К моменту развязки Володя Ландышев оказался в армии, мало того, еще и во власти Ивана Иванова, некогда своего крепостного, который дослужился до сержанта и бьет барина, младшего, чем он, по званию. Мать дворянина приехала в Петербург вызволять своего единственного сыночка из армии. Решить судьбу Ландышевых может, по разумению автора, только сам царь. В эпилоге он действует на манер *deus ex machina*, внезапно появляясь в нужный момент. Он призывает к себе сержанта Иванова, рядового Ландышева и на глазах его маменьки вершит свой суд:

«Когда вошли наши знакомые, государь тотчас к ним обратился и сказал ласково:

— А! это ты, Иванов? За что ты изволил бить этого Володю?

— За ослушание твоего указа!

— Какого?

Сержант рассказал все дело от слова до слова. Простосердечие, доброта и уважение к службе весьма понравились Петру.

— Как же ты бил его? — спросил государь.

— Как ты указал, государь...

— Да как же это; я что-то не помню! — сказал государь, улыбаясь, и кивнул Ивану рукой.

— Да вот, ни дать ни взять, так, ваше величество, — отвечал сметливый сержант, и палка возобновила похождения по спине Володимера Андреевича. Государь рассмеялся и сказал:

— А что же ты бил, да не приговаривал?

— Приговаривал, ваше величество, — и снова принялся бить Володю, приговаривая:

— Не ослушайся, Володимер Андреевич! Прости барин, не я бью, а служба бьет. Вот так я бил его, государь!» (Кукольник, 1841, с. 54).

Заканчивается сказочный рассказ-анекдот счастливым концом. Домна получает от барыни вольную и ждет, «пока Иван все к свадьбе исправит».

Как ни парадоксально, но, будучи архипатриотическим автором, Кукольник с юности находился под надзором полиции. Цензор А.В. Никитенко писал: «Кукольник читал у меня своего “Доменикина”. Это высокое произведение. Здесь Кукольник является истинным художником: поэтом и мысли, и формы. Мы долго говорили наедине. Он разочарован двором. Не знаю, искал ли он его милостей или только хотел прикрыться его щитом. Как бы то ни было, а его положение незавидно. Каждое произведение свое он должен представлять на рассмотрение Бенкендорфа. С другой стороны, он своими грубыми патриотическими фарсами, особенно “Скопиным-Шуйским”, вооружил против себя людей свободомыслящих и лишился их доверия. Я не говорю о происках мелкой зависти, которая обыкновенно кидает грязью в таланты: талант не должен этого и замечать» (Никитенко, 1955, с. 178). Цензор, по роду деятельности

призванный следить за соблюдением государственных интересов и приветствовать патриотизм, и тот считал, что Кукольник «пересаливал» в своих произведениях с проявлением верноподданности, что превращало его картины истории в «грубые фарсы». Одно из объяснений такого феномена кроется в природе стилизации. Будучи неузнанной, не спроецированной на диалогизующий фон, она воспринимается неадекватно, как грубая подделка.

Замечание Никитенко о «курировании» Кукольника А.Х. Бенкендорфом не было пустыми словами. Приведем оценку шефом жандармов рассмотренного рассказа: «М. г. Нестор Васильевич! Исторический рассказ „Сержант, или все заодно“ обратил на себя внимание публики желанием вашим выказать дурную сторону русского дворянина и хорошую – его дворового человека. Государь император удивляется, как может человек столь просвещенный и обладающий таким хорошим пером, как вы, м. г., убивать время на занятия, вас недостойные, и на составление статей до такой степени ничтожных. Хотя рассказ ваш вы почерпнули из деяний Петра Великого, но предмет, вами описанный, *в анекдоте* составляя прекрасную черту великого государя, в вашем сочинении совершенно искажен неуместными выражениями и получил совершенно другое направление. Желание ваше непрерывно выказывать добродетель податного сословия и пороки высшего класса людей не может иметь хороших последствий, а потому не благоугодно ли вам будет на будущее время воздержаться от печатания статей, противных духу времени и правительства, дабы тем избежать взыскания, которому вы, при меньшей как ныне снисходительности, подвергнуться можете» (Цит. по: Скабичевский, 1890, стлб. 779–780).

Заключение

Патриотизм генетически связан с архаикой, с проблемой памяти, он был одной из определяющих черт произведений писателя. Анонимный автор статьи о Кукольнике в словаре братьев Гранат точно отмечал: «*Романтическое увлечение стариной* переходит у него порою в резко выраженную патриотическую тенденцию, убивающую и немногие литературные достоинства его произведений» (Б.а., 1914, стлб. 154). В быту и в житейской практической деятельности патриотизм Кукольника выражался совсем иначе. Писатель многое сделал для развития юга России, особенно Таганрога, куда переехал после отставки. Племянника, отправлявшегося за границу, Кукольник наставлял: «...если придет тебе охота чем-либо гордиться, так гордись тем, что ты русский, и ты сам согласишься, что будешь гордиться не без основания, и что недостаток этой гордости в наших соотечественниках вредит самостоятельным успехам нашего образования. Но и гордиться этим надо не на словах, а на деле, в твоей жизни, в твоих сношениях с людьми...» (Кукольник, 1901, с. 4).

Может показаться, что анализа одного рассказа слишком мало, чтобы сделать выводы о стилизации Кукольников истории в его произведениях на материале прошлого. В качестве контраргумента прибегнем вновь к авторитету Белинского, который писал: «Кто прочел одну драму г. Кукольника, тот знает все его драмы: так одинаковы их пружины и приемы» (Белинский, 1956, с. 126). Сходство произведений Нестора Васильевича не ограничивается «пружинами и приемами», а распространяется на самую манеру его письма, авторское видение и понимание назначения литературы.

Возможно ли возрождение интереса к жизни и творчеству забытого Кукольника? Многие уже делается для воссоздания исторической справедливости по отношению к личности писателя. Назовем в этой связи авторский сайт Людмилы Мироновой, посвященный ему. На весну 2024 года число его посетителей перевалило за двадцать тысяч (Нестор Кукольник. Сайт о жизни и творчестве). При этом желающих читать многостраничные тексты Кукольника, написанные зачастую тяжелым языком, с обилием архаизмов, все-таки слишком мало. Быть может, отчасти исправить дело могли бы ремейки произведений, которые в современном книгопроизводстве обрели легитимность и которые, конечно, не отменяют самих подлинников. В музыке существует жанровая форма «транскрипции», понимаемая как адаптация музыкального произведения, написанного композитором для одного инструмента, но переложенного на «язык» другого. Переводя разговор на литературу, прибегнем к сослагательному наклонению: для популяризации творчества Н.В. Кукольника, вероятно, была бы уместна творческая транскрипция его произведений на современный русский язык с учетом содержательных возможностей новых жанров.

Список литературы

- Андреев Ю.В. Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 3–7.
- Аносова О.Г. Восприятие творчества В. Скотта современниками в России // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 3. С. 79–85.
- Б.а. Кукольник, Нестор Васильевич // Энциклопедический словарь Товарищества Гранат. Т. 26. М.: Изд-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1914., Стлб. 154.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 10. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 474 с.
- Бердяев Н.А. О русской философии. Ч. 2. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 240 с.
- В.К. (Карцов В.С.) Кукольник (Нестор Васильевич) // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 32. СПб.: Семеновская типография, 1895. Стлб. 945.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Т. 10. М.: Наука, 1974. 519 с.
- Из воспоминаний Н.В. Кукольника // Исторический вестник. 1891. Т. XLV. С. 79–99.

- Казакова С. Карл Брюллов и Нестор Кукольник: история двух иллюстраций // Третьяковская галерея. 2008. № 4(21). URL: <https://www.tg-m.ru/articles/4-2008-21/karl-bryullov-i-nestor-kukolnik-istoriya-dvukh-illyustratsii> (дата обращения: 29.03.2024).
- Кукольник Н. Сказка за сказкой. Т. 1–4. СПб.: Тип. К. Крайя, 1841. 502 с.
- Кукольник Н.В. Зеленая книжечка: письма Н.В. Кукольника. СПб.: Изд-во тов-ва «Обществ. польза», 1901. 26 с.
- Куприн А.И. Памяти Чехова // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. С. 507–535.
- Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Хельсинки, *Slavica Helsingiensia*, 1995. Т. 15. URL: <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/sh15-5.pdf> (дата обращения: 29.03.2024).
- Мансков О.В. Историческая и мифологическая стилизация в античности // Вестник ТГПИ им. А.П. Чехова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 272–274.
- Мальшикина О. Рука Всевышнего в судьбе Нестора Кукольника // Нева. 2019. № 10. С. 208–218.
- Нестор Кукольник. Сайт о жизни и творчестве великого русского писателя. URL: <https://nestorkukolnik.wordpress.com> (дата обращения: 30.03.2024).
- Никитенко А.В. Дневник: в 3 томах. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1955. 590 с.
- Николаенко А.И. Н.В. Кукольник (1809–1868) // Русин. 2005. № 1. С. 118–138.
- Охотин Н.Г., Ранчин А.М. Кукольник, Нестор Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1994. С. 212–217.
- Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Изд-во «Правда», 1988. 465 с.
- Сейчаковски А. Образы Финляндии, Швеции и России в повести Нестора Кукольника «Егор Иванович Сильвановский, или покорение Финляндии при Петре Великом» // *Rocznik przemyski. Literatura i język*. 2016. Т. 52. Z. 2(20). С. 27–37.
- Скабичевский А.М. Сочинения. Критические этюды, публицистические очерки, литературные сочинения: в 2 томах. Т. 2. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1890. стлб. 888.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 18 томах. Т. 1. М.: Наука, 1994. 607 с.

References

- Andreev, Yu.V. (1999). Tyrants and heroes. Historical stylization in the political practice of elder tyranny. *Herald of Ancient History*, (1), 3–7. (In Russ.)
- Anosova, O.G. (2012). Perception of W. Scott's work by contemporaries in Russia. *Bulletin of RUDN University. Series Educational Issues: Languages and Specialization*, (3), 79–85. (In Russ.)
- B.a. (1914). Kukolnik, Nestor Vasilievich. *Encyclopedic Dictionary of the Garnet Partnership. Vol. 26*. Moscow. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. (1979). *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow: Soviet Russia Publ. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Art Publ. (In Russ.)
- Belinskiy, V.G. (1956). *Complete works: in 13 vols. Vol. 10*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
- Berdyayev, N.A. (1991). *About Russian philosophy*. Sverdlovsk: Publishing house Ural. University. (In Russ.)
- Dostoevskiy, F.M. (1974). *Complete works and letters: in 30 vols. Essays*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

- From the memoirs of N.V. Kukolnik (1891). *Historical Bulletin*. XLV, 79–99. (In Russ.)
- Kartsov, V.S. (1895). Kukolnik, (Nestor Vasilievich). *Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron*. Vol. 32. Saint Petersburg: Semenovskaya tipografiya Publ. (In Russ.)
- Kazakova, S. (2008). Karl Bryullov and Nestor Kukolnik: a story of two illustrations. *Tretyakov Gallery*. (4). (in Russ.) Retrieved from <https://www.tg-m.ru/articles/4-2008-21/karl-bryullov-i-nestor-kukolnik-istoriya-dvukh-illyustratsii>
- Kukol'nik, N. (1841). *Tale after tale*. Vol. 1–4. Saint Petersburg: Printing house K. Kraja. Publ (In Russ.)
- Kukol'nik, N.V. (1901). *The Green Book: Letters from N.V. Kukolnik*. Saint Petersburg: Publishing house of the company Society benefit. (In Russ.)
- Kuprin, A.I. (1986). In memory of Chekhov. *Chekhov in the memoirs of his contemporaries*. Moscow: Fiction. (In Russ.)
- Kurganov, E. (1995). Literary anecdote of the Pushkin era [Doctoral dissertation, Helsinki]. Khel'sinki, *Slavica Helsingiensia*, 15. (In Russ.) Retrieved from <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/sh15-5.pdf>
- Malyshkina, O. (2019). The hand of the Almighty in the fate of Nestor Puppeteer. *Neva*, (10), 208–218. (In Russ.)
- Manskov, O.V. (2011). Historical and mythological stylization in antiquity. *Bulletin of TGPI named after A.P. Chekhov. Series Humanities*, (2), 272–274. (In Russ.)
- Nestor Kukol'nik. (2023). Website about the life and work of the great Russian write. (In Russ.) Retrieved from <https://nestorkukolnik.wordpress.com>
- Nikitenko, A.V. (1955). *Diaryin: in 3 vols*. Vol. 1. Moscow: GIHL. (In Russ.)
- Nikolaenko, A.I. (2005). N.V. Kukolnik (1809–1868). *Rusin*, (1), 118–138. (In Russ.)
- Okhotin, N.G., & Ranchin, A.M. (1994). Kukolnik, Nestor Vasilievich. *Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary*. Vol. 3. Moscow: Publishing house Big Russian Encyclopedia. (In Russ.)
- Panaev, I.I. (1988). *Literary Memoirs*. Moscow: Publishing house Pravda. (In Russ.)
- Seychakovski, A. (2016). Images of Finland, Sweden and Russia in Nestor Kukolnik's story "Egor Ivanovich Silvanovsky, or the conquest of Finland under Peter the Great". *Rocznik przemyski. Literatura i j zyk*, 52(2), 27–37. (In Russ.)
- Skabichevskiy, A.M. (1890). *Essays. Critical sketches, journalistic essays, literary works: in 2 vols*. Vol. 2. Saint Petersburg: Publishing house F. Pavlenkov. (In Russ.)
- Turgenev, I.S. (1994). *Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols*. Vol. 1. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедр теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26. ORCID: 0000-0001-9074-1133. E-mail: kubas2002@mail.ru

Bio note:

Alexandr V. Kubasov, Grand PhD in Philology, Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching Persons with Disabilities, Ural State Pedagogical University, 26 Cosmonauts Ave., Ekaterinburg, 620017, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9074-1133. E-mail: kubas2002@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-726-737

EDN: QQKBIV

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

Насмешка как особый тип смеха в прозе Леонида Андреева

А.В. Мытарева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Российская Федерация*
✉ amytareva@hse.ru

Аннотация. Исследуется природа насмешки в творчестве Леонида Андреева как реакции на происходящее и как свойство враждебного человеку мира: определена специфика ироничных ситуаций, названы ее участники и возможное развитие, развязка сюжетной линии. В первой части статьи дается определение особому типу смеха, а также рассматривается антитеза, предложенная Л.В. Карасевым, – «смех – стыд». Сквозь эту призму и характеризуется объект насмешки. Предмет исследования второй части – функционирование смеха в прозаических произведениях Леонида Андреева. На примере рассказов «Буняниха» и «Смех» показано, что насмешка может лежать в основе сюжета и определять его развитие. Страх быть осмеянным – одна из значимых психологических мотивировок, определяющих поведение героев Л. Андреева. Кроме того, герои наделяют неведомую силу, влияющую на их жизнь, способностью смеяться. В представлении персонажей маркирование рока делает его более понятным, зримым, а значит, преодолимым. Наконец, в заключительной части рассматривается, как создается картина «антимира», главным признаком которого является насмешка. В отличие от В.Я. Проппа, утверждавшего, что объектом насмешки может быть все, кроме области страданий, Леонид Андреев конструирует модель антимира, где именно область страданий подвергается осмеянию. Ироническое состояние мира по отношению к герою («Чемоданов») воспринимается как неустойчивое, а значит, небезопасное. Идея изменчивости, обманчивости мира находит свое отражение при изображении некропространства в рассказе «Покой». В конце делается вывод о связи темы смерти и смеха в художественном мире Л. Андреева как отличительной особенности творчества писателя.

Ключевые слова: ирония, сюжет, антитеза, проза, рассказ, психологизм, антимир, герой

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мытарева А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: Мытарева А.В. Насмешка как особый тип смеха в прозе Леонида Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 726–737. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-726-737>

Mockery as a special type of laughter in the prose of Leonid Andreev

Alisa V. Mytareva

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ amytareva@hse.ru

Abstract. Examines the nature of mocking laughter in the oeuvre of Leonid Andreev, defines the specifics of ridicule situations, names the participants and the possible development and resolution of the storyline. The first part of the article defines a special type of laughter – ridicule, and also examines the antithesis proposed by L.V. Karasev, “laughter – shame”. Through which the object of ridicule is characterized. The subject of research in the second part of the article is the functioning of laughter in the novels of Leonid Andreev. Using the examples of the stories *Buyanikha* and *Laughter*, it is shown that the situation of ridicule can underlie the plot and determine its development. The fear of being ridiculed is one of the significant psychological motivations that determine the behavior of L. Andreev’s heroes. In addition, the heroes endow the unknown force that influences their lives with the ability to laugh. Marking Doom, as represented by the characters, makes it more understandable, visible, and therefore surmountable. Finally, the final part examines how the picture of the “anti-world” is created, the main feature of which is ridicule. Unlike V.Ya. Propp, who argued that the object of ridicule can be everything except the area of suffering, Leonid Andreev constructs a model of the anti-world, where it is the area of suffering that is ridiculed. The ironic state of the world in relation to the hero (*Suitcases*) is perceived as unstable, and therefore unsafe. The idea of variability, the deceptiveness of the world is reflected in the depiction of necrospace in the story *Peace*. At the end, a conclusion is made about the connection between the themes of death and laughter in the artistic world of L. Andreev, as a distinctive feature of the writer’s work.

Keywords: irony, plot, antithesis, prose, story, psychologism, anti-world, hero

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Mytareva, A.V. (2024). Mockery as a special type of laughter in the prose of Leonid Andreev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 726–737. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-726-737>

Введение

Традиция осмысления смехового начала берет начало еще в Древней Греции, а затем получает свое продолжение в Древнем Риме. Многократные попытки прояснить природу появления смеха объясняются многоаспектностью понятий «смех» и «смеховое», которые находятся на стыке философии, культурологии и психологии. С начала XX века можно отметить тенденцию разграничения понятий «смех» и «комическое». Под смехом в большей степени подразумевается физиологическая реакция на происходящее, под комическим — категория эстетики, для которой характерно преобразование действительности, ее интерпретация. Разработке этого вопроса посвящены работы А. Бергсона, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, В.Я. Проппа, С.С. Аверинцева, Л.В. Карасева, М.Т. Рюминой.

Одним из важнейших результатов осмысления можно считать представленную Р.Н. Юрениным и дополненную В.Я. Проппом типологию смеха: «Смех может быть радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, гордый и задушевный, снисходительный и заискивающий, презрительный и испуганный, оскорбительный и ободряющий, наглый и робкий, дружественный и враждебный, иронический и просто-сердечный, саркастический и наивный, ласковый и грубый, многозначительный и беспричинный, торжествующий и оправдательный, бесстыдный и смущенный. Можно еще и увеличить этот перечень: веселый, печальный, нервный, истерический, издевательский, физиологический, животный. Может быть даже унылый смех!» (Юренин, 1962, с. 48). В работе «Проблемы комизма и смеха» В.Я. Пропп акцентирует внимание на особом виде смеха — насмешливом, который характеризует человеческие отношения и более других связан с категорией комического. М.Т. Рюмина, опираясь на наблюдения В.Я. Проппа, связывает происхождение насмешки с ритуальным смехом людей, присутствующих при чужой смерти, где он играет роль оберега: одновременно ограждает хозяина и «уничтожает» противника (Рюмина, 2010, с. 145). Именно такой тип насмешливого является объектом наблюдения. Внимание обращено на насмешку как на способ социальной дифференциации, атрибут неустойчивости мира.

Из истории осмысления категории комического мы можем выделить некоторые аспекты возникновения смеха:

- 1) обращенность к человеческой жизни — все смешное так или иначе либо связано с человеком, либо ассоциируется с ним (Бергсон, 1914, с. 99);
- 2) равнодушие к объекту насмешки — смех обращен к разуму, не терпит сострадания и нуждается в «анестезии сердца» (Бергсон, 1914, с. 98);
- 3) чувство безопасности и приобщение к кругу смеющихся — смех нуждается в отклике другого и развивается внутри той или иной группы людей (Бергсон, 1914, с. 99);

4) чувство превосходства над объектом насмешки — субъект неожиданно для себя обнаруживает уродство, что позволяет ему возвыситься в собственных глазах (Гоббс, 1991, с. 43–44);

5) удвоение видимости — субъект-наблюдатель становится свидетелем того, как участник комической ситуации, неверно оценивая положение дел, пребывая в иллюзии, действует в соответствии с ложными представлениями. Одновременно с этим сознание субъекта раздваивается, так как он «вчувствуется» в ситуацию, как бы тем самым воспроизводит в себе и объективную, и субъективную видимость (Рюмина, 2010, с. 114). Смешное в данном случае определяется как ситуация зла, происходящая с другим (Рюмина, 2010, с. 115).

Перечисленные выше условия можно назвать общими для возникновения любого вида смеха. Насмешка, подобно сатире, носит социально-регулирующий характер, дискредитирует объект, констатирует его внутреннюю несостоятельность. В ее основе лежит конфликт «должное (идеал) — отступление от должного». Однако, в отличие от сатиры, насмешка обладает частной направленностью: ее цель — не искоренить пороки общества, а обнаружить и «обнародовать» черты конкретного человека, пристыдить и изгнать его из круга смеющихся.

Первые оппозицию «стыд — смех» как альтернативный вариант традиционной оппозиции «смех — слезы» представил и обосновал Л.В. Карасев в работе «Философия смеха». Философ, иллюстрируя заявленную антитезу, акцентирует внимание на положении человека: «Смех выводит осмеиваемого на всеобщее обозрение. Отсюда закрепление главного смысла события в языке: “Поднять на смех” — значит буквально отделить, приподнять осмеиваемого над всеми, поставить его на вид, на позор. «Позор» же — не что иное, как обозначение для внешней оценки стыда» (Карасев, 1996, с. 72). Л.В. Карасев отмечает, что стыд, в отличие от смеха, для которого свойственно преодоление зла, близок оцепенению, утверждению зла в себе. Логичным исходом в этом случае становится самоубийство, как единственно возможное действие, обращенное на себя, а не на другого. Предложенная концепция развивает и углубляет представление о положении субъекта и объекта смеха. Субъект чувствует свое превосходство над объектом и способен обнаружить в последнем причину смешного. Объект смеха, в свою очередь, не принадлежит к кругу смеющихся, чувствует себя «ниже», слабее субъекта и беспомощнее него.

Данная антитеза «смех — стыд» во многом проясняет специфику смеха в контексте произведений рубежа XIX–XX веков.

Смех в XX веке определяет «корневую сущность бытия человека» (Рюмина, 2010, с. 238), приближая его мироощущение к представлениям, характерным для языческой картины мира. Изображение хохочущих людей, которые не в силах совладать с «бесом смеха» (Блок, 1971, с. 269), пополняются образами смеющейся действительности. Смех не только является фоном происходящего, но раздваивает мир, создает антиномии,

бесчисленные пары и тем самым «механизирует» и оглушает мир (Лихачев, Панченко, 1976, с. 48), становясь его онтологической характеристикой.

Однако в ситуации «неуместного» смеха мы не можем говорить о нем как первопричине зла. К.А. Степаненко отмечает, что смех не порождает зло, но лишь отражает его, потому невольно становится чем-то похожим на него (Степаненко, 2011, с. 11).

Вопросам выражения комического в творчестве Леонида Андреева посвящены работы М.А. Телятник, Л.А. Иезуитовой, И.И. Московкиной, А.М. Гомона, А.П. Руднева. Однако их труды в большей степени направлены на определение специфики жанра фельетона и сказки в творчестве писателя. Смех в них не рассматривается как важнейшая поведенческая реакция в культуре модерна, как установка авторского сознания.

Цель данной статьи – определение места насмешливого в творчестве Леонида Андреева, описание его природы, функции и места в развитии сюжета.

А. Бергсон, С.С. Аверинцев, Л.В. Карасев, А.А. Сычев отмечают коммуникативную функцию смеха: схожее понимание смешного способно объединить людей. По утверждению Анри Бергсона, смех словно нуждается в отклике (Бергсон, 1914, с. 98) и место его действия очерчено кругом какой угодно величины, но он всегда остается замкнутым (Бергсон, 1914, с. 98). Вместе с тем человек, на которого направлена насмешка, изгоняется из круга смеющихся. Изгнанный, он не только сталкивается с чувством одиночества, но и оказывается в ситуации непринятия, в оппозиции «я – другие».

Место насмешки в сюжете

О смехе как способе выражения «враждебности мира» в творчестве Леонида Андреева (Беззубов, 1983, с. 16) одним из первых пишет В.И. Беззубов. При выстраивании системы «я – другие», «человек – общество» даются ситуации, в которых носителем смеха являются люди. Смех в этом случае выполняет одновременно коммуникативную (служит созданию общности людей) и социально-дифференцирующую функции (разграничивает объект и субъект насмешки как непроницаемые социальные группы).

Насмешливый (по своей сути карающий) смех, с одной стороны, становится реакцией на происходящее, обнажая природу зла в человеке, ритуальную сторону его существования. С другой стороны, он наделяется конструирующей функцией: создается модель антимира, главной характеристикой которого становится тотальная неустойчивость ценностных ориентиров. Характерная для творчества Леонида Андреева близость смеха и смерти объясняется контекстом времени, в котором конструируется новая картина мира, мыслимая как «вселенское самоубийство» (Беззубов, 1983, с.14).

Так, например, ситуация осмеяния является сюжетообразующей в рассказах «Буяниха» (1901) и «Смех» (1901). Объектом насмешки в первом произведении выступает героиня, представленная читателю Буянихой. Она ведет «дурную и разгульную жизнь проститутки» (Андреев, 1901, с. 1), пьяная часто вызывает смех у жителей Пушкарной улицы. Неслучайно никто не называет девушку ее настоящим именем — Мария. Прозвище Буяниха выполняет не только номинативную, но и характерологическую функцию: героиня становится заложником собственной репутации. Ее попытка при знакомстве с соседским мальчиком Колей назвать свое настоящее имя и тем самым разрушить привычный образ не увенчалась успехом. Мальчик придумывает для нее другое имя — Маргарита, соответствующее его представлениям о мире, где он одинаково легко мог быть «Колей, королем Генрихом IV и разбойником Рокамболом» (Андреев, 1901, с. 11).

Мир, в котором существует Буяниха, полон отвергающего смеха: «Куда она ни поворачивала их (глаза), перед нею были раскрытые рты и оскаленные зубы, изрыгавшие густой хохот, и, не понимая, что этим смехом ее одобряют, она накидывалась на первого попавшегося, и вместе с ним, со столом и посудой, валилась на землю» (Андреев, 1901, с. 5). Важно заметить, что Буяниха воспринимает такой смех, как провоцирующий. В финале рассказа мы видим героиню, не способную защитить себя, насмешка других больше не вызывает в ней злость и желание противостоять окружающим, наоборот, она подыгрывает толпе, намеренно вызывает хохот: «...она закидывала голову назад; одной рукой она высоко поднимала платье, а другой хлопала себя по телу и кричала: «Вот я какая! Хороша Буяниха!» (Андреев, 1901, с. 32). Такой обнаруживает ее Коля, которому она представлялась как Мария и для которого мыслилась Маргаритой. Поведение героини во время сцены осмеяния — пример юродствующего сознания, однако его нельзя назвать юродством в чистом виде. Юродствующее сознание предполагает причастность к иному знанию, и это знание возвышает героя над остальными. Буяниха не является носителем особого видения мира, поэтому она не выдерживает смеха окружающих. Сцена осмеяния становится точкой невозврата: мы видим, как героиня обнаруживает несостоятельность выбранной ролевой модели, но продолжает ей следовать. Согласно концепции М.Т. Рюминой осознание разрушения удвоенной видимости субъектом комической ситуации приводит к смене модальности и трагической развязке.

Единственным возможным выходом для Буянихи становится самоубийство. Однако открытый финал не позволяет говорить об однозначной развязке: принимая во внимание артистическую натуру героини, можно предполагать, что она разыгрывает очередную сцену. Хозяин дома, где жила Буяниха, ставит ее решение под сомнение: «редко бывает, чтобы такие девки убивали себя» (Андреев, 1901, с. 36). Поднимая на смех Буяниху, жители Пушкарной улицы отделяют свой мир от мира героини. Смех здесь имеет двунаправленный характер: с одной стороны, с его помощью

демонстрируется полнота жизни, утверждается сила смеющихся, а с другой — он призван обнаружить и отогнать «чужое», неприемлемое поведение. По мнению М.Т. Рюминой, такой смех маркирует ситуацию «между-мирия» (Рюмина, 2010, с. 143) и играет роль оберега для людей.

Мир, в котором живет героиня, полон неприятия, злой насмешки, вытесняющей Буяниху из круга других людей. Смех выполняет дифференцирующую функцию (Дмитриев, 1996, с. 36): он разграничивает социальные группы, выстраивает непроницаемую границу между ними и диктует участникам характер поведения. Леонид Андреев показывает героя, не способного выйти за границы, отведенные ему смехом.

Герой рассказа «Смех» оказывается в ситуации, когда внешний образ вытесняет саму личность, а смех диктует модель поведения. В основе рассказа — описание маскарада, на который молодой человек приходит в маске китайца. Оригинальность маски заключается в изображении физиономии, которая «решительно ничего не выражала» (Андреев, 2021, с. 775). Причиной всеобщего смеха оказывается удвоение действительности: герой существует в субъективной реальности, которая противоречит объективному положению вещей (выражение чувств при внешнем равнодушии маски кажется алогичным и вызывает смех). Трагизм заключается в том, что герой, маску которого встретили смехом, принимает эту реакцию как осмеяние собственной личности. Внешнее (маскарад подразумевает ношение костюма) вступает в конфликт с внутренним состоянием героя: «Весь путь меня окружала и давила грохочущая туча хохота и двигалась вместе со мной, а я не мог вырваться из этого кольца безумного веселья. Минутами оно захватывало и меня: я кричал, пел, плясал, и весь мир кружился в моих глазах, как пьяный. И как он был далек от меня, этот мир! И как одинок я был под этой маской!» (Андреев, 2021, с. 776). Здесь, как и в «Буянихе», одобрителный смех диссонирует с внутренним состоянием героя и обостряет его. Мир, окружающий героя, наполняется смехом. Насмешка достигает таких масштабов, что становится больше субъекта смеха и мыслится отдельно от него. Не осознавая силу маски, герой говорит возлюбленной «о муках ожидания, о ядовитых слезах безумной ревности и тоски, о своей душе, где все было любовь» (Андреев, 2021, с. 776), но вместо ответа наталкивается на стену смеха: «Нет, нет, не могу... — почти стонала она и, закинув голову, снова разражалась звучным каскадом смеха» (Андреев, 2021, с. 777). Избавление от костюма становится избавлением от образа, вызывающего смех. И если герой рассказа может разорвать на себе костюм и таким образом уничтожить границы, выстроенные смехом, то для героини «Буянихи» они остаются непроницаемыми.

Страх быть осмеянным

Леонид Андреев показывает мир, где смех диктует героям определенную модель поведения, которая регулируется одобрителным смехом

или, наоборот, страхом осмеяния. И в том, и в другом случае смех делает человека заметным для окружающих, создает дистанцию между субъектом и объектом, где выстроенные иерархические отношения становятся причиной болезненного состояния последнего.

Герой рассказа «Оригинальный человек» (1904) – Семен Васильевич Котельников – становится заложником своей фразы: «А я люблю негритянок!», которую общество встречает одобрительным смехом. Не в силах признаться, Котельников даже перед смертью придает «своему костеневшему лицу подобие счастливой улыбки» (Андреев, 2021, с. 858) и повторяет: «Я, батюшка, очень люблю негритянок. В них есть нечто экзотическое» (Андреев, 2021, с. 858).

Одобрительный смех, не отторгающий человека, а включающий его в определенный круг, позволяет выстроить поверхностные, «внешние» отношения между людьми, создать иллюзию истинной близости, дать ощущение причастности к кругу других и подтвердить собственную состоятельность. Поведение Семена Васильевича Котельникова объяснимо: он боится разоблачения, вследствие которого о нем или забудут, или внешне одобрительный смех сменится на насмешливый, что означает изгнание из круга смеющихся.

Страх осмеяния во многом определяет поведение героев Леонида Андреева. Так, Николай Павлович из рассказа «Ипатов» (1911) боится стать объектом шуток и с ужасом думает о предстоящем рождественском ужине в доме, где судебные приставы описали имущество. Страх быть осмеянным трансформируется в страх жизни, и Ипатов предпочитает спрятаться от действительности под лестницей собственного дома.

Студент Сергей Петрович («Рассказ о Сергее Петровиче», 1900) отправляет прощальное письмо другу Новикову и, боясь прославиться «трусом и бахвалом» (Андреев, 2021, с. 718), не может отступить от задуманного самоубийства и принимает яд. Студент Сергей Болотин («Загадка», 1895), услышав насмешку возлюбленной, стреляется: «<...> вы сами, сами попробуйте убить себя. Пороху не хватит, милейший» (Андреев, 2021, с. 538). Мысль о возможной насмешке не только становится причиной болезненного состояния, но и приводит к трагическим последствиям.

Насмешка как способ объективации мира

Однако в художественном мире Леонида Андреева способностью смеяться обладают не только люди, но и окружающая действительность. Безусловно, герой в соответствии с представлением о перманентной враждебности мира вступает с ним в конфликт. Можно предположить, что одной из причин персонификации мира, а именно олицетворения неведомой силы, которая управляет судьбой человека, является страх перед ней. А.В. Татаринов пишет, что Леонид Андреев по-своему мифологизирует «мировую волю», и на «святом месте» появляются странные духи,

души, создающие своеобразный языческий контекст (Татаринов, 1996, с. 34). В этом случае смех становится маркером, который позволяет прояснить непонятное, сделать его более осязаемым, а значит, преодолимым. В рассказе «Большой шлем» (1899) насмешливую судьбу олицетворяют карты, которые «зло-насмешливо» смеются: «проклятые шестерки опять скалили свои широкие белые зубы. В этом чувствовалось что-то роковое и злобное» (Андреев, 2021, с. 641). Но главной и роковой насмешкой справедливо считается финал произведения: Николай Дмитриевич умирает от паралича сердца, так и не узнав «что в прикупе был туз и что на руках у него был верный большой шлем» (Андреев, 2021, с. 643).

Главный признак андреевского антимира – насмешка. В рассказе «Предстояла кража» (1902) герой, спасая замерзающего щенка, отказывается от воровского дела. Город встречает героя «диким хохотом»: «Глухо и темно гоготали застывшие сады и огороды, сметливо и коварно хихикали освещенные окна и всем холодом своих промерзших бревен, всем таинственным грозным нутром своим сурово смеялись молчаливые и темные дома» (Андреев, 2021, с. 858).

В этих рассказах смех связан с субъективным внутренним состоянием героев; смех не присущ ни картам, ни домам, ни заборам. Эти свойства приписываются им непосредственно героями.

В книге «Проблема комизма и смеха» В.Я. Пропп пишет: «Тут окажется, что смеяться можно над человеком почти во всех его проявлениях. Исключение составляет область страданий, что замечено было еще Аристотелем» (Пропп, 1976, с. 16). Рассказ «Стена» (1901) выходит за рамки этой точки зрения и оспаривает ее.

Леонид Андреев изображает мир, полный испытаний и боли, который осмеивается. Смех, как и страдание, становится перманентной эмоцией, взаимопорождающими свойствами мира. Осмеянию подвергается голодный, чья «нижняя челюсть отвисла, и из темного отверстия рта шел сухой шершавый голос» и который «то на четвереньках, то ползком пробирался к стене, где качался повешенный, и щелкал зубами и смеялся, радостно, как ребенок» (Андреев, 2021, с. 780); смех вызывает прокаженный, бьющийся лбом о стену; смеются танцующие, чьи «радостно оскаленные зубы начинали щелкать, поцелуи становились укусом» (Андреев, 2021, с. 780); смеется сама стена, которую называют убийцей. Андреев изображает улыбку невесты, но она улыбается провалившимся ртом в ситуации, когда «глупо жениться». Вслед за Л.В. Карасевым мы можем говорить о картине мира, захваченном стихией архаического смеха, где «низ», «земля», «могила» провоцируют смех куда чаще, чем «рождение» и «небо» (Карасев, 1996, с. 34). Такой смех не обладает витальной энергией, скорее, сама его неуместность отрицает жизнь. Смех, вырывающийся изо рта (образ которого в мифологическом сознании часто соотносят с Эросом, живородящим началом), переосмысливается

и становится воплощением телесной, темной стороны человека, губящей и ведущей к смерти.

В повести «Красный смех» ключевой образ как воплощение безумного насмешливого мира возникает из конкретной ситуации. Герой-рассказчик говорит с вольноопределяющимся, которому в это мгновение осколком оторвало часть лица: «перед моими глазами на месте бледного лица было что-то короткое, тупое, красное, и оттуда лила кровь, словно из откупоренной бутылки <...>. И в этом коротком, красном, текущем продолжалась еще какая-то улыбка, беззубый смех – красный смех» (Андреев, 2021, с. 339). Смех отделяется от своего носителя, объективируется и становится самостоятельным образом – символом антимира.

О способности смеха конструировать ложную картину мира, претендующую на истинность, пишет М.Т. Рюмина, размышляя о роли смеха в XX веке. По мнению исследователя, смех – «неизменный спутник всесмещения» (Рюмина, 2010, с. 239), характеристикой которого выступает маргинальное мышление, «балансирующее на грани смысла и абсурда» (Рюмина, 2010, с. 239). Исследование различных форм пограничного состояния (Боева, 2019, с. 10) является писательской стратегией Леонида Андреева, это не только относится к геокультурному аспекту, но и касается пограничного, неустойчивого состояния мира и человека.

В более позднем творчестве («Чемоданов», 1916) объективированный смех трансформируется и проникает в логику повествования, приобретает метафизический характер, а ироническое состояние мира не поддается упорядочиванию.

Заключение

Итак, спектр изображения насмешки в творчестве Леонида Андреева включает в себя как человеческую реакцию на происходящее, так и характеристику бытия в целом, в том числе и за пределами земного существования.

В первом случае ситуацию насмешки можно назвать сюжетообразующей. В ее основе лежит социально-дифференцирующая функция смеха, позволяющая обозначить границы группы и вытеснить за их пределы «чужого» (рассказ «Буяниха»). Смех в данном случае играет роль оберега: он призван защитить группу смеющихся от мира героини. В рассказе «Смех» мы находим рецепцию одобрительного смеха как отвергающего. Не совпадая с эмоциональным состоянием героя, всеобщее веселье трактуется им как насмешка над чувствами и отвержение.

Смех наделяется разрушительной силой и начинает регулировать отношения человека с самим собой, другими, с миром. Однако насмешка как неприятие группой людей другого человека («Буяниха», «Смех», «Загадка», «Ипатов») претерпевает изменение: она выходит за границы

межличностных отношений, трансформирует мироощущение героя, приближая его к языческому, в котором пространство наделяется способностью смеяться («Стена», «Красный смех», «Предстояла кража»), и наконец, становится онтологической характеристикой мира, причиной его неустойчивости.

Кроме того, смех у Андреева часто сопровождает танатологическую ситуацию: либо придает ей ироническую тональность («Чемоданов»), либо провоцирует гибель героя («Загадка», «Буяниха»). Болезнь героя, либо вызванная страхом насмешки, либо непосредственно осмеянием, часто приводит к самоубийству или неожиданной гибели. Смех как ключевая характеристика антимира, свидетельство его тотальной неустойчивости становится знаком пограничной ситуации между жизнью и смертью. Жизнь мыслится как пролонгированное умирание, перманентное стремление к смерти. При этом смерть не осознается как индивидуальное завершение жизни, а представляется как картина мира, разрушающегося в своих основах («Красный смех», «Стена», «Предстояла кража»).

Список литературы

- Андреев Л.Н.* Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М.: Альфа-книга, 2021. С. 533–1220.
- Андреев Л.Н.* Буяниха. Библиотека художественной и специализированной литературы: библиотека онлайн: homlib.com. URL: <https://bookchain.ai/read/andreev-ln-1/buianiha-1/40809> (дата обращения: 06.08.2024).
- Беззубов В.И.* Смех Леонида Андреева // Творчество Леонида Андреева: Исследования и материалы. Курск: КГПИ, 1983. С. 13–25.
- Бергсон А.* Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 5. СПб.: Издание М.И. Семенова, 1914. С. 99–169.
- Блок А.* Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 5. М.: Правда, 1971, 269 с.
- Боева Г.Н.* Геокультурный аспект творчества Леонида Андреева // Гуманитарная парадигма. 2019. № 3(10). С. 6–15.
- Дмитриев А.В.* Социология юмора. М.: РАН, 1996. 36 с.
- Карасев Л.В.* Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. С. 40–72.
- Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Ленинград: Наука, 1976. 48 с.
- Пропи В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 16 с.
- Рюмина М.Т.* Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 320 с.
- Степаненко К.А.* Проблемы смеха и смерти в лирике Велимира Хлебникова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград: 2011. С. 3–22.
- Татаринев А.В.* Формирование мифологического реализма в творчестве Леонида Андреева, 1898–1911 годы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 01.01.01 – русская литература. Уфа, 1996. 233 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
- Юрнев Р.Н.* Советская кинокомедия. М.: Наука, 1964. 48 с.

References

- Andreev, L.N. (2021). *The complete collection of novels, novellas and short stories in one volume*. Moscow: Al'fa-kniga Publ. (in Russ.)
- Andreev, L.N. (2024). *Buyaniha*. (In Russ.) Retrieved from <https://bookchain.ai/read/andreev-ln-1/buyaniha-1/40809>
- Bergson H. (1914). *Collected works: Vol 5*. Saint-Peterburg: Izdanie M. I. Semenova Publ. (in Russ.)
- Bezzubov, V.I. (1983). Leonid Andreev's laughter. *Creativity of Leonid Andreev. Research and materials*. Kursk: Kursky State Pedagogical Institute Publ. (in Russ.)
- Blok, A. (1971). *Collected works, vol. 6. Vol. 5*. Moscow: Pravda Publ. (in Russ.)
- Boeva, G.N. (2019). The geocultural aspect of Leonid Andreev's work. *Gumanitarnaya paradigma*. (3), 6–15. (in Russ.)
- Dmitriev, A.V. (1996). *The sociology of humor*. Moscow: Russian Academy of Sciences Publ. (in Russ.)
- Heidegger, M. (2003). *Being and time*. Khar'kov: Folio Publ. (in Russ.)
- Karasev, L.V. (1996). *Philosophy of laughter*. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ. (in Russ.)
- Lihachev, D.S., & Panchenko, A.M. (1976). *The "Laughing World" of Ancient Russia*. Leningrad: Nauka Publ. (in Russ.)
- Propp, V.Ya. (1976). *Problems of comic and laughter*. Moscow: Iskusstvo Publ. (in Russ.)
- Ryumina, M.T. (2010). *The aesthetics of laughter. Laughter is like virtual reality*. Moscow: LIBROKOM Publ. (in Russ.)
- Stepanenko, K.A. (2011). *The problems of laughter and death in the lyrics of Velimir Khlebnikov*. [PhD Thesis]. Volgograd. (in Russ.)
- Tatarinov, A.V. (1996). *The formation of mythological realism in oeuvre of Leonid Andreev, 1898–1911 years*. [PhD Thesis]. Ufa. (in Russ.)
- Yurenev, R.N. (1964). *Soviet comedy*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.)

Сведения об авторе:

Мытарева Алиса Владимировна, аспирант, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603115, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0001-5323-7405. E-mail: amytareva@hse.ru

Bio note:

Alisa V. Mytareva, PhD Student, Senior Lecturer at the Department of Literature and Intercultural Communication, HSE University, 25/12 Bolshaya Pecherskaya St, Nizhny Novgorod, 603115, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5323-7405. E-mail: amytareva@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-738-746

EDN: QQNTXY

УДК 82-141

Научная статья / Research article

Экфрасисы петербургского буддийского храма в поэзии Елены Шварц

Л.В. Дубаков

Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
✉ dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – проанализировать особенности и функции храмовых экфрасисов в поэзии Е.А. Шварц. В качестве материала используются стихотворения «Семь ликов буддийского храма» и «Буддийский храм», в основе которых лежит образ петербургского буддийского культового сооружения «Дацан Гунзэчойнэй». Указанная тема ранее не попадала в центр внимания отечественного литературоведения, что определяет новизну представленной статьи. Отдельно нужно отметить, что анализ храмовых экфрасисов в поэзии Е.А. Шварц осуществляется в рамках большого исследования, посвященного изучению «буддийского текста» современной русской литературы. В результате проведенного анализа автор приходит к следующим выводам. Экфрасисы петербургского буддийского храма в поэзии Е.А. Шварц отталкиваются от описания экстерьера и интерьера дацана и трансформируются в философские и религиозные произведения. Поэтический экуменизм шварцевского творчества обуславливает изображение буддийского храма в виде священного пространства – в городе, переживающем inferнальное апокалиптическое запустение, затопление, омрачение житейским попечением. Буддийский храм, который необычен для Северной столицы и в то же время схож с ней – внешне и сущностно, выступает у поэта в качестве одного из центров притяжения для разных культур, богов, живых и мертвых существ, обитающих в тесном и многоликом городе. Петербургский/ленинградский буддийский храм, как и культовые сооружения других религий, дает человеку возможность соприкосновения с трансцендентным, образ которого воплощен у Шварц в небесной выси или в бездонной речной глубине.

Ключевые слова: экфрасис, религия, буддизм, экуменизм, храм, дацан Гунзэчойнэй, трансцендентное

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: Дубаков Л.В. Экфрасисы петербургского буддийского храма в поэзии Елены Шварц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 738–746. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-738-746>

© Дубаков Л.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ecphrasies of the Petersburg Buddhist temple in the poetry of Elena Schwartz

Leonid V. Dubakov

International University Park Road, Shenzhen, People's Republic of China

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The purpose to analyze the features and functions of temple ecphrasies in the poetry of E.A. Schwartz. The poems *The Seven Faces of the Buddhist Temple* and *The Buddhist Temple* are used as material, which are based on the image of the Petersburg Buddhist religious building Datsan Gunzechoinei. This topic has not previously been in the center of attention of Russian literary criticism, which determines the novelty of the presented article. Separately, it should be noted that the analysis of temple ecphrasies in the poetry of E.A. Schwartz is carried out as part of a large-scale study devoted to the study of the *Buddhist text* of modern Russian literature. As a result of the analysis, the author of the article comes to the following conclusions. The ecphrasies of the Petersburg Buddhist Temple in the poetry of E.A. Schwartz are based on the description of the exterior and interior of the datsan and transformed into philosophical and religious works. The poetic ecumenism of Schwartz's work determines the image of a Buddhist temple in the form of a sacred space – in a city experiencing infernal apocalyptic desolation, flooding, and overshadowing by everyday care. The Buddhist temple, which is unusual for the Northern capital and, however, is similar to it – externally and essentially, acts as one of the centers of attraction for different cultures, gods and living and dead creatures living in a cramped and diverse city. The Petersburg/Leningrad Buddhist temple, like the religious buildings of other religions, gives a person the opportunity to come into contact with the transcendent, the image of which is embodied in Schwartz in the heavenly heights or in the bottomless depths of the river.

Keywords: ecphrasis, religion, Buddhism, ecumenism, temple, Datsan Gunzechoinei, transcendental

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Dubakov, L.V. (2024). Ecphrasies of the Petersburg Buddhist temple in the poetry of Elena Schwartz. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 738–746. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-738-746>

Введение

В современном литературоведении существуют разные определения экфрасиса. В статье Л.М. Геллера упоминается, что в античности экфрасис понимался и как «жанр словесного представления отдельных или собранных в галереях произведений изобразительного искусства» (Геллер, 2013, с. 45), и как риторико-нарратологический прием задержания действия, отступления, которое состоит в живом изображении какого-нибудь предмета» (Геллер, 2013, с. 45). Этот же исследователь указал на возможность широкого и узкого понимания экфрасиса: экфрасис – «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» (Геллер, 2002)

и «транспозиция языка визуального искусства на язык литературы» (Геллер, 2013, с. 54). В представленной статье экфрасис понимается как литературное описание визуального произведения искусства (Константины, 2013, с. 29).

Понятие «религиозный экфрасис» введено в литературоведение Л.М. Геллером в статье «Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе». Суть религиозного экфрасиса он определил как «приглашение-побуждение к духовному видению как высшему восприятию мира, и вместе с тем – принцип сакрализации художественности как гарантии целостного восприятия» (Геллер, 2002, с. 19). При этом А.О. Середина, отталкиваясь от вышеназванной статьи, внешние контуры этого понятия определила так: «литературное описание художественных изображений и построек, имеющих сакральное значение» (Середина, 2018, с. 122). Н.Е. Меднис в статье «Религиозный экфрасис в русской литературе» обозначает широкое перспективное поле возможного исследования, при этом ограничиваясь анализом экфрастических прозаических и поэтических экспликаций образа Мадонны в русской литературе («Богородичный экфрасис», Меднис, 2006, с. 58). Очевидно, что понятие «религиозный экфрасис» может быть применимо не только к христианской традиции, но и к «художественным изображениям и постройкам, имеющим сакральное значение» в других религиях.

Творчество Елены Шварц в значительной степени обращено к художественному осмыслению религиозной реальности (Zitzewitz von, 2016). При этом одной из ключевых особенностей этого осмысления является экуменический взгляд (Анпилов, 1999; Шубинский, 2001; Дубакова, 2009; Trubikhina, 2009; Воронцова, 2013) лирической героини на религии, укорененные в российском культурном пространстве. Россия у Шварц в образе Петербурга выступает как географическое пространство, назначение которого – примирение и синтез различных религиозных и культурных течений человечества (Шмитт, 2019, с. 104). В настоящей статье рассматривается лишь один аспект многообразного «экуменического» творчества Е. Шварц: созданный поэтом образ буддизма в его связи с иными культурными традициями России. Можно сказать, что творчество Елены Шварц, будучи во многом частью «петербургского текста» (Топоров, 1995; Успенски, 1992; Шубинский, 2022) русской литературы, является одновременно и частью «текста буддийского», который постепенно начинает разрабатываться современным литературоведением (Бекметов, 2019).

Стихотворение «Семь ликов буддийского храма»: экуменизм в камне и буддийский вариант обретения трансцендентного

В поэзии Елены Шварц минимум дважды появляется полноценный образ буддийского святилища. Это стихотворения «Семь ликов буддийского храма» (1971) и «Буддийский храм» из «маленькой поэмы» «Злое

сокровище (Пауки и повилика)» (1994). В обоих случаях речь идет, по-видимому, об одном и том же сооружении – петербургском буддийском храме, который сегодня называется дацан Гунзэчойнэй.

В стихотворении «Семь ликов буддийского храма» Шварц, описывая буддийское сооружение, сводит воедино мотивы различных культурно-религиозных традиций – буддийской, индуистской, христианской и даже скандинавской. Бог постоянно меняет в ее стихах формы и обличья (Шубинский, 2001, с. 209). Для поэта божества этих традиций – близнецы: Один, Яхве, Индра схожи тем, что являются громовержцами, и потому, вероятно, увиденный сквозь дождь храм рождает у нее мысль о каждом из богов. В первой строке утверждая «таинственное сходство богов» (Шварц, 2015), Шварц подкрепляет его второй и третьей, говоря, что эти божества «Сами себе отцы / Священных саг, Вед» (Шварц, 2015). Эту фразу можно понять по-разному: боги – источник священных писаний своих религий, но и священных писаний других (всех) религий, равно как конкретные боги – отцы себе и одновременно всем другим богам (хотя предложение представлено в двух строках, но ритмическая пауза после второй строки позволяет прочесть ее и отдельно). Интересно, что после слова «близнецы», которое означает два или более объектов, стоит имя «Один», и его можно прочесть как омограф со значением числа: божеств много, но они едины. Заметим также, что Индра и Ганеша – индуистские божества, но позже они были ассимилированы буддизмом.

В тексте появляются индуистские боги Индра, Шива и, возможно, Ганеша: храм сравнивается с черным слонем, а черный цвет – цвет одного из пяти ликов бога мудрости и благополучия. Чуть ранее в стихотворении мимо ростральных колонн по стрелке Васильевского острова проходит слон – живой или призрачный, – «тихо тело пронес» (Шварц, 2015). Он идет из зоопарка к Большой Невке, у которой стоит дацан. Интересно, что в это время в культовом здании размещались лаборатории Зоологического института. То есть слон идет от одной звериной территории, где живые животные, к другой, где животные мертвые: «...в конце 1960-х годов в подвальных помещениях храма – там, где некогда монахи готовили себе еду – зоологи препарировали труп африканского слона, привезенного из Рижского зоопарка» (Андреев, 2012, с. 170). Лани, стоящие по бокам от Колеса Учения, видятся поэту «золотыми телками» (Шварц, 2015), чей образ отсылает к почитаемому в Индии животному – корове.

Одновременно храм сравнивается с ковчегом. Буддийский храм – корабль спасения, который, уходя от «бурь и бед», поплывет «к себе туда, в родной Тибет» (Шварц, 2015). Корабль буддийского храма имеет «божественное колесо» (Колесо Учения) – рулевое колесо, колонны этого храма напоминают поэту ростральные колонны (с носами кораблей) «цвета жареных роз» (Шварц, 2015). Здесь дело не в снижении романтического образа (Бобышев, 1987, с. 418), но в соединении мотивов воды и огня, воплощении света среди моря тьмы или тьмы моря. Буддийский храм

Шварц видит сквозь призму христианской символики, христианской со- териологии. Как в «монастыре на Казбеке», дацан «тянет душу до порога, / До занебесного чертога» (Шварц, 2015), словно в пушкинскую «заоблач- ную келью» (Пушкин, 1959, с. 269). Те же мотивы и в стихотворении «Мне ветер говорил так ясно, строго...» (1996), где Бог слышит обрывки молитв: «только „...ам“ да „ом“» (Шварц, 1997). И в этих обрывках можно угадать и окончания христианской молитвы, и буддийскую мантру «ом». Молит- вы людей на разных языках многочисленным божественным образом одинаково прочитываются трансцендентным богом.

Ленинград в стихотворении «Семь ликов буддийского храма» оказы- вается мистическим пространством, где Индия и Россия, их религии сое- диняются возле кольца звенящих (на «ложе возлежат», Шварц, 2015) трамваев у железнодорожной станции Старая деревня (что вызывает ас- социацию с «Индией Духа» из гумилевского «Заблудившегося трамвая»). Ленинград построил «наш грозный царь» (Шварц, 2015), то есть Петр I. Определение «грозный» здесь не только напоминает о его суровости, но и связывает с божественными громовержцами – Одним, Яхве, Индрой. Тем более, коль скоро боги «сами себе отцы», то Индра, таинственно свя- занный с Петром I, «усыновил Петербург» (Шварц, 2015). И, таким обра- зом, Ленинград/Петербург имеет божественное происхождение/покро- вительство. Одновременно «гроза» в поэзии Шварц – это один из ключевых образов, связанных с сопряжением земного и небесного, с творчеством, созиданием: «Гроза и есть откровение (сцена, декорации, освещение, персонажи). «Поэтическая гроза» – творчество, отражает в себе небесную...» (Дарк, 2004, с. 152).

В стихотворении «Мост во сне» (2004) образ Петра I иной. Фигура царя, точнее вариант Медного всадника – замерший (мертвый) «зеленый Истукан» (Шварц, 2007, с. 15) андреевского инфра-Петербурга (Андреев Д. Л., 1998, с. 433) – наблюдает за тем, как насельники его города, люди и птицы («Шли по мосту вороны рваным строем, / И люди шли на восемь разных стран», Шварц, 2007, с. 15), отправляются по Крестовому мосту по своим надобностям. Одни идут к Будде, другие – к мечети, а суворов- цы – к морскому и подводному Богу. Петр I, заложивший имперский го- род, сделал его местом для всех, кто принимает Россию своей родиной и своим государством.

В стихотворении «Семь ликов буддийского храма» доминирует мотив вертикали: ростральные колонны или «вышки»; «макароны» дождя; храм «черней осенних веток» (Шварц, 2015) (то есть напоминает дерево); Ти- бет; образ стога; наконец, сам буддийский храм, описывая который, Шварц обращает внимание на верхнюю часть фасада. Дацан устремлен вверх, к небу, отталкиваясь от земли/воды города. Буддийский храм-слон, который ранее «тихо тело пронес», в финале окончательно утрачивает свою материальность: у входа в него – «дворик бестелесный» (Шварц, 2015).

Таким образом, образ буддийского храма в этом стихотворении Елены Шварц создается на пересечении нескольких культурно-религиозных традиций. Буддийский храм в Ленинграде оказывается связанным с индуистскими и христианскими мотивами. Храм видится поэту через христианскую символику и концепцию обретения трансцендентного — движение через божественную благодать к небу. Важные мотивы «Семи ликов буддийского храма» — это встроенность храма в пространство христианской России и Петербурга, где он смотрится, «как пломба в пасти городской» (Шварц, 2015), то есть как один из вариантов исцеления/спасения.

Стихотворение «Буддийский храм»: переживание апокалипсиса и андеграунд под водой

Стихотворение «Буддийский храм» — вторая глава апокалиптической шварцевской поэмы «Злое сокровище (Пауки и повилика)». Петербург захвачен inferнальными пауками, опутан их паутиной и погружен во тьму. Буддийский храм, хотя и заброшен, облюбован «ночными духами» (Шварц, 1997), остается сакральным пространством. На стенах его по-прежнему висят «лубочные иконы» (тханки), присутствует статуя Будды. Даже Паучиха приспособилась к жизни в храме, ночуя за тханкой и подбедая хлебные крошки за Одержимым, юродивым, и, возможно, вместе с ним молясь Будде. Алмазный глаз Будды — это не только намек на драгоценный камень, но и указание на один из мифологических символов — ваджру, или алмаз, или «удар молнии», который указывает на несокрушимость духа живого существа. Но люди, оскудевшие духом в апокалиптическом Петербурге (подобно Дава-Дорчжи, соскребавшего золото со статуи Будды, в повести «Возвращение Будды» Вс.В. Иванова), приходят, чтобы вырвать глаз Просветленного.

Отдельно стоит отметить, что образ алмаза появлялся у Шварц также в поэме «Мартовские мертвецы» (1980), где на героиню смотрели «алмазные глаза икон» (Шварц, 1993). Буддийские и христианские святые оказываются сближены посредством схожих образов. В шестой части поэмы «Злое сокровище (Пауки и повилика)» этот образ проявляется в связи с Петербургом, освященным Александрийским столпом: «град алмазный и гранитный» (Шварц, 1997) будет задушен «перинной» — паутиной, пылью, повиликой. В стихотворении «Гусиноозерский дацан» (1996) простая речь героини полна повторов («вот пойду», «вот приду», «брошу рис», «брошусь вниз», «рази ж ты пацан?», Шварц, 1997), что зримо отдаляет ее от автора. Однако иронический взгляд Шварц на юношескую мечту о духовном дерзании не отменяет высоты этой мечты о подвиге: героиня стихотворения собирается, противопостав темным силам, «как молния жестокая» (образ ваджры, алмаза, Шварц, 1997), промчат сто миров и броситься вниз.

Лейтмотив стихотворения «Буддийский храм» — вода, образ текущей злой и суетной жизни: «жизнь лилась», «люди притекли» (Шварц, 1997).

Люди и вырвали глаз у Будды, а его бросили на дно реки – Большой Невки, которая ассоциируется с Летой – рекой забвения. Согласно одной из версий «Будду попросту разломали, а «останки» выбросили в Большую Невку напротив храма и в один из соседних прудов» (Андреев, 2012, с. 162). У Будды «игристый» глаз – так видят алмаз люди, ворвавшиеся в храм: он для них – не знак несокрушимого духа, а возможность для веселой игры, земной пены. Последняя строфа «Буддийского храма» насыщена повторениями буквосочетания «ли» («лилась», «если», «оставались», «лизала», «лилась», «притекли», «вырвали», «швырнули», «мглистой», Шварц, 1997), которые поддерживают мотив воды (глагол «лить», «литься») и связаны с *повиликой* – другим inferнальным агентом шварцевской поэмы. Будда оказывается на дне реки, где он хотя и «опочил», но сохранился (по крайней мере, в духе), как и дневники лирической героини стихотворения. Интересно, что составная рифма «на дне реки – дневники» выделяет в слове «дневники» сочетание «дне», отсылающее не только к дням, но и ко дну. Можно предположить, что литературная проекция поэта находится в связи с Буддой.

Заключение

В целом, нужно отметить, что экфрасисы Елены Шварц («Семь ликов буддийского храма», «Буддийский храм»), которые описывают одно и то же культовое сооружение – петербургский буддийский храм «Дацан Гунзэчойней», начиная с внешней и внутренней дескрипции трансформируются в философские и религиозные стихотворения. Буддийский храм в них выступает в качестве священного пространства в городе, переживающем апокалиптическое запустение, затопление, увлечение житейским попечением. Inferнальность, проникающая в этот храм, не затрагивает его сакральности. В обоих стихотворениях, несмотря на всеобщую катастрофу, он остается живым – одной из точек притяжения для (среди) разных культур, богов и живых существ в тесном и многоликом «вымышленном» городе, где живут так же, «как соседи», вместе «православные храмы, костел, мечеть, синагога», «одождаясь друг у друга в случае нужды» (Шварц, 1997). Несмотря ни на что петербургский/ленинградский буддийский храм дает возможность соприкосновения с трансцендентным, образ которого у Шварц воплощен в занебесной выси или в бездонной речной глубине.

Список литературы

- Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. Санкт-Петербург: Изд. А. Терентьева «Нартанг», 2012. 207 с.
- Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Редакция журнала «Уrania», 1998. 608 с.
- Анпилов А.Д. Светло-яростная точка: [О стихах Е. Шварц] // Новое литературное обозрение. 1999. № 35. С. 362–372.

- Бекметов Р.Ф. Русская литература 1830–60-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Казань, 2019. 411 с.
- Бобышев Д.В. Жареные розы Елены Шварц // Континент (Франкфурт-на-Майне). [Вып.] 51. 1987. С. 418–426.
- Воронцова К.В. Модели пространства в поэзии Елены Шварц: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2013. 24 с.
- Геллер Л.М. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / ред. Л. Геллер. М.: Издательство «МИК», 2002. С. 5–22.
- Геллер Л.М. Экфрасис, или Обнажение приема. Несколько вопросов и тезис // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сборник статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 44–60.
- Дарк О.И. Танец молнии // Новый мир. 2004. № 10. С. 145–155.
- Дубакова А.А. Варианты религиозного примирения в поэмах Е. Шварц // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского» / под ред. М.Ю. Егорова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. С. 118–120.
- Константины М. Экфрасис: понятие литературного анализа или бессодержательный термин? // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сборник статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 29–34.
- Меднис Н.Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. Вып. 10. Новосибирск, 2006. С. 58–67.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. М.: Гослитиздат, 1959. 799 с.
- Середина А.О. Экфрасис как средство выражения религиозных взглядов Ап. Григорьева // Litera. 2018. № 3. С. 122–135.
- Топоров В.Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.
- Шварц Е.А. Вино седьмого года: книга новых стихотворений. СПб.: «Пушкинский фонд», 2007. 64 с.
- Шварц Е.А. Западно-восточный ветер: новые стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 96 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts2.html> (дата обращения: 31.03.2024).
- Шварц Е.А. Мартовские мертвецы // Люция ночи: книга поэм. СПб.: Советский писатель, 1993. 144 с. С. 22–29. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-3.html> (дата обращения: 31.03.2024).
- Шварц Е.А. Неизданные стихотворения // Звезда. 2015. № 5. С. 138–150. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/5/neizdannye-stihotvoreniya.html> (дата обращения: 31.03.2024).
- Шмитт А.Б. Функция концептов ВОСТОК и ЗАПАД в поэзии Ольги Седаковой и Елены Шварц // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 93–107.
- Шубинский В.И. Дионис, метафизика, Петербург: Елена Шварц в десяти стихотворениях // Prosodia. 2022. № 18. URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/dionis-metafizika-peterburg-elena-shvarts-v-desyati-stikhotvoreniyakh/?ysclid=lieb-duedjw4744812777> (дата обращения: 31.03.2024).
- Шубинский В.И. Садовник и сад: о поэзии Елены Шварц // Знамя. 2001. № 11. С. 200–210.

- Zitzewitz J. von.* Poetry and the Leningrad Religious-Philosophical Seminar 1974–1980. Music for a Deaf Age / Managing ed. G. Nelson. Cambridge: Legenda: Modern Humanities Research Association and Routledge, 2016. 243 p.
- Trubikhina J.* In the poetics of Elena Schwarz. Poets with and without history. Elsevier. Russian literature. 2009. № 66(1). P. 131–144.
- Успенски Е.* «Петербуршка тема» у варијацији Јелене Шварц // Часопис за веру и културу (Земун – Сремски Карловци). 1992. Јесен. Број 3–4. С. 95–100.

Сведения об авторе:

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэне, Китай, 518172, район Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1. ORCID: 0000-0003-1172-7435. E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-747-756

EDN: QUVENI

UDC 82-31:81'42

Research article / Научная статья

Artistic time in D. Keyes' novel *Flowers for Algernon*

Antonina V. Samoylova , Olga V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 spachil.olga0@gmail.com

Abstract. The problems presented in *Flowers for Algernon* (1966) the novel by American writer Daniel Keyes (1925–2014), fall within the realm of existential questions of the 20th century: the meaning and purpose of human life, family and interpersonal relationships, the place of a deviant personality in society, the ethics of experimental science and medicine, empathy and compassion, and the role of science and knowledge, among others. The novel has been included in lists of the greatest books of our time, has become a modern classic, and the story of the same name from 1959 is mandatory reading for schoolchildren in the USA and Japan. This represents the first study of the category of artistic time in the novel. This consideration is relevant not only due to its significance as one of the main structural elements of the text, but also from the perspective of its importance in constructing an event sequence through the lens of the author's unique vision and the formation of the intra-textual psychomental paradigm of the protagonist. The relevance of the work is further substantiated by the interdisciplinary nature of the study, which combines linguistic and literary criticism approaches, aimed at understanding the functional capabilities of the category of time as a universal tool. This tool plays a key role in works of complex genre, including Keyes's novel. The study identifies the main guidelines for developing the novel's temporal structure design: “zero chronotope”, dichotomy “past vs present”, introduction of reminiscences as temporal catalysts of psycho-emotional outbursts and self-reflection. Time serves as the central construct within the text of the novel, intricately weaving together all plot lines and embodying a conceptual framework.

Keywords: Daniel Keys, *Flowers for Algernon*, artistic time, fiction, chronotope, temporal structure, linguo-stylistic means

---

© Samoylova A.V., Spachil O.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Author's contribution. Antonina V. Samoylova – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. Olga V. Spachil – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Samoylova, A.V., & Spachil, O.V. (2024). Artistic time principles in D. Keyes' novel *Flowers for Algernon*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 747–756. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-747-756>

Художественное время в романе Д. Киза «Цветы для Элджернона»

А.В. Самойлова , О.В. Спачиль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 spachil.olga0@gmail.com

Аннотация. Проблематика романа американского писателя Д. Киза (1925–2014) «Цветы для Элджернона» (1966) вписана в круг экзистенциальных вопросов XX в.: смысл и цель человеческой жизни, семейные и межличностные взаимоотношения, место девиантной личности в социуме, этичность экспериментальной науки и медицины, эмпатия и сострадание, роль науки и знаний и др. Роман вошел в перечень величайших книг современности, стал новейшей классикой, а одноименный рассказ 1959 г. – обязательным для чтения школьников США и Японии. Впервые выполнено исследование репрезентации категории художественного времени в романе, рассмотрение которой целесообразно не только с позиции ее значимости как одного из структурных текстообразующих элементов произведения, но и с точки зрения ее релевантности для выстраивания событийной последовательности через призму индивидуально-авторского уникального видения и формирования внутритекстовой психоментальной парадигмы главного героя. Актуальность работы обосновывается междисциплинарной природой исследования, объединяющей лингвистический и литературоведческий аспекты, направленной на понимание функциональных возможностей категории времени как универсального инструмента, играющего ключевую роль в произведениях сложной жанровой специфики, к которым и относится роман Д. Киза. Выделены основные принципы оформления темпоральной структуры романа: «нулевой» хронотоп, дихотомия «прошлое vs настоящее», внедрение реминисценций в качестве темпоральных катализаторов психоэмоциональных всплесков и саморефлексии. Время – важнейший конструкт текста, оно объединяет все сюжетные линии и является концептуальным.

Ключевые слова: Дэниел Киз, категория художественного времени, художественный текст, хронотоп, темпоральная структура, принципы репрезентации темпоральной структуры

Вклад авторов. А.В. Самойлова – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи.

О.В. Спачиль – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: *Samoylova A.V., Spachil O.V. Artistic time in D. Keyes' novel Flowers for Algernon // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 747–756. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-747-756>*

Introduction

The novel *Flowers for Algernon* (1966) is classified as a socio-psychological science fiction work, and Daniel Keyes is recognized as a science fiction writer. Indeed, science fiction writers were among the first to appreciate the novel, awarding it the Hugo Award for Best Short Story (1960) and the Nebula Award for Best Novel (1966). Today, the novel is studied by specialists in deviation and developmental disability (Cline, 2012), and the text of the work is considered as “a report of a psychoanalytic session recorded on paper, in which the patient (the main character) shares his own psychological associations with the reader, demonstrating a special type of thinking” (Fomina, Kirsanova, 2022).

In his autobiographical work, “*Algernon, Charlie, and I: A Writer's Journey*” (2000), Daniel Keyes describes the narrative structure of his novel using the term “curve.” He explains, “The original story followed Charlie's psychological curve – intelligence, or I.Q. Then, with the love story, I developed his emotional curve – now sometimes referred to as E.Q., or Emotional Quotient. What was missing was the third curve, which would elevate him to the spiritual peak of his mind. Perhaps in the future, this will be known as S.Q., or Spiritual Quotient – alternatively, Soul Q” (Keyes, 2000). The spiritual dimension of the novel raises profound questions regarding the relationship between God and His creation, as well as the fundamental inquiries into the meaning and purpose of human existence. The temporal setting of the novel plays a crucial role in shaping each narrative arc, while the character of Charlie Gordon serves to unify the various plot lines, creating a cohesive work.

The objective of this study is to explore the principles underlying the implementation of the temporal context, thereby establishing the significance of the universal concept of time within the narrative structure. Additionally, this analysis aims to enhance our understanding of the author's cognitive and discursive implications throughout the text. The study employed a comprehensive methodology to analyze the structural and semantic organization of the text, focusing on the linguistic representation of the time continuum. The inductive-empirical method served as the foundation for this analysis, while the deductive-typological method was utilized to identify the compositional components of the text's temporal framework. We contend that linguostylistic analysis, combined with specific

scientific approaches such as contextual analysis of the linguistic representation of time and the interpretative method for understanding the author's implied intentions, significantly enhances our understanding of the discursive nature of a work of belle letters and its communicative-pragmatic implications.

Results and discussion

Time as a construct in literary texts

The intricate nature of reality, as expressed through the language of literary texts, is manifested in the flexible application of universal existential categories, particularly the concept of time. Language enables the creation of a unique worldview through the author's imaginative reinterpretations of reality (Myaksheva, 2023).

The multifaceted nature of artistic time is evident in several ways. It can serve as an object of representation, functioning as a form of artistic reality. Additionally, it can outline the temporal progression of the plot, acting as a structural element that unifies the text. Furthermore, the concept of time may provide an intangible backdrop for reflecting the temporal aspects of socio-cultural realities. Conversely, it can also narrow its focus to convey the author's perspective on temporality or exhibit variability based on the individual experiences of each character within the narrative.

Ultimately, the interplay between the reader's interpretative potential, cognitive-discursive abilities, and the various dimensions of textual time, combined with their personal perception of time, creates a complex representation of artistic time within the work (Likhushina, 2021).

The characteristics of artistic time are closely related to its variable nature and encompass several key elements (Nikolina, 2008; Kandrashkina, 2011).

1. *Conventionality*. This refers to the representation of both a relatively precise and abstract historical period.

2. *Systematicity*. This involves the comprehensive artistic reality presented in the text, as well as the individual author's worldview.

3. *Antinomy of Temporal Essence*. This highlights the distinction between the time within the text and the time experienced by the reader.

4. *Heterogeneity*. This allows for the depiction of both continuous and discrete representations of reality.

5. *Reversibility*. This is expressed through retrospection, which serves as a means of uncovering implicit content.

6. *Multidimensionality*. This refers to the coexistence of a linear narrative and a more complex, multidimensional storyline.

7. *Unity of the General and the Particular*. This concept illustrates how isolated events or situations are integrated into the broader temporal context of the work of art.

8. *Finitude and Infinity*. This encompasses the temporal limitations of the series of events within the work, contrasted with the ongoing "life" of the artwork beyond its textual existence.

The study of artistic time presents a greater challenge compared to spatial coordinates defined by loci and topoi, primarily due to its abstract nature and often conditional “invisibility” in the text. However, the potential implications of the concept of time are significantly broader, given its philosophical and existential dimensions. This complexity arises from the interplay between the fictional temporal context within the text and its reflection in the recipient’s extra-textual worldview.

In D. Keyes’ novel, the artistic representation of time is pragmatically oriented. Beyond fulfilling the primary aesthetic function of the artistic text, the category of time fosters dialogicity and enhances the text’s interpretability. The author’s unique perception of time allows the text to address sociological issues not merely in relation to a specific era, but also to explore themes such as the social integration of individuals with mental disabilities, the philosophical implications of the human life cycle in relation to time as a limiting factor, and the inevitability of decline, even for the most brilliant minds. Additionally, it raises existential questions regarding the meaning and purpose of existence, which remain highly relevant in contemporary discourse.

The novel as a philosophical parable

The novel can be interpreted as a philosophical parable exploring Adam’s loss of innocence and the acquisition of knowledge, which comes at the high cost of earthly life, suffering, and death. This theme resonates with ancient Gnostic theories. The narrative begins in March with a 32-year-old protagonist, Charlie, who turns 33 in April. Charlie’s progress reports, written on the request of doctors, serve as a diary chronicling his life before and after an experimental surgery that transforms him from an intellectually disabled individual into a genius.

The timeline of the novel spans from March 3 to November 21, covering a mere nine months. Within this brief period, Charlie undergoes a profound spectrum of physiological, mental, and, most importantly, psychological transformations. He experiences intellectual catharsis, makes a significant discovery for humanity known as the Algernon-Gordon Effect, and ultimately faces the tragedy of rapid degradation, which he perceives as a form of death. This decline leads him to dissolve into oblivion among the residents of the “Warren” institution.

The narrative is deeply embedded in the Judeo-Christian paradigm, echoing the Old Testament story of the fall of Adam and Eve. Numerous references to John Milton’s *Paradise Lost*, which Charlie reads and subsequently tears apart – reinforce this connection. The recurring motif of the forbidden apple from the Tree of Knowledge, along with Charlie’s newfound experience of shame (as reflected in the biblical passage, “And they were both naked, the man and his wife, and were not ashamed”, Genesis 2:25), further aligns him with the symbolic figure of Adam.

For Charlie Gordon, the operation represents a second chance at life – a form of rebirth. Time itself emerges as a character in the novel, its relentless passage marked by the dates of Charlie’s entries. It becomes “the sand of knowledge, unstoppably flowing into the funnel of consciousness” (Keyes, 2002, p. 193). Charlie perceives time as an adversary: “There is so little time left for me” (Keyes, 2002, p. 207); “I want to stop time, freeze myself at this level...” (Keyes, 2002, p. 205). This relentless progression ultimately leads to a solitary death, described as the “goal-box of solitary death” (Keyes, 2002, p. 205). For Charlie, death is not merely the cessation of physiological functions; it signifies the loss of the ability to think. The loss of intelligence is portrayed as a profound tragedy, rendering a person with intellectual disabilities a “living dead person” (Fomina, Kirsanova, 2022).

Guidelines for developing the temporal structure of the novel

Through a structural and semantic analysis of the text, along with its linguistic and stylistic manifestations, we have identified several guidelines.

1. *Zero Chronotope.* The diary format employed in the novel’s exposition is distinctive and encourages readers to make deductive inferences regarding the time and place of the events described. In Report No. 1, the protagonist conveys essential information about himself using monosyllabic phrases, which are marked by numerous grammatical and spelling errors, as well as graphons (Borisenko, 2023). For example: “My name is Charlie Gordon. I werk in Dormers bakery where Mr. Donner gives me 11 dollers a week and bred or cake if I want. I am 32 years old and next munth is my birthday” (Keyes, 2002, p. 1). Prior to the operation, Charlie’s life is characterized by a blissful ignorance, with the countdown to change beginning only when he decides to participate in the experiment.

The operation intended to enhance the protagonist’s intellectual abilities serves as the narrative’s pivotal starting point. Before this decision, the character exists in a temporal space devoid of a clear time vector. The term zero chronotope in this context refers to the spatial-temporal artistic cohesion that emphasizes the temporal aspect, marking the beginning of the hero’s journey while disregarding preceding events, biographical details, and memories. In this novel, unlike in other literary works, the principle of a temporal “zero point” takes on an exaggerated significance, shaped by the author’s unique artistic vision.

The temporal initiation is presented in a nominal fashion: “Dr. Strauss says I should rite down what I think and remember and everything that happens to me from now on” (Keyes, 2002, p. 1). The phrase “from now on,” the limited vocabulary, the transcriptional representation of sounds in written speech, and the exclusive use of the Present Simple tense to describe ongoing events all serve to reinforce the plot-forming role of the zero chronotope.

2. *Dichotomy Past vs Present.* Following the intelligence enhancement surgery, Charlie Gordon acquires the ability to dream and recall images from his

past. This connection to the protagonist's past is crucial, as prior to the surgery, Charlie's brain was incapable of recording and retaining memories of his experiences. The conceptual representation of the past serves as a temporal framework within the narrative, contrasting sharply with the present. This contrast is illustrated through the antithesis between the consciousness of a mentally challenged individual and that of a highly developed personality.

From the perspective of Charlie's intellectually advanced self, his past is characterized by darkness and timelessness: "I was in the dark for more than thirty years" (Keyes, 2002, p.120). This darkness stems from an information vacuum and the limitations of his mental capabilities. As Charlie gradually begins to recover memories, these recollections are predominantly tied to negative and traumatic experiences, including bullying and various instances of physical and psychological abuse from his mother, neighborhood children, former classmates, and coworkers at the bakery where he was responsible for cleaning. "Shadows from the past clutch at my legs and drag me down. I open my mouth to scream, but I am voiceless. My hands are trembling, I feel cold, and there is a distant humming in my ears" (Keyes, 2002, p. 92). The metaphor of "shadows from the past" and the personification of these shadows as they "clutch" and "drag down" illustrate the profound impact of the past and its consequences on the protagonist's life during the narrative.

The opposition between the present and the past is further highlighted by the depth of emotions experienced by Charlie, the psychological complexity of the plot, and his intellectual catharsis. He begins to rationally assess the limitations of his existential "lifetime": "This day was good for me. I've got to stop this childish worrying about myself – my past and my future. Let me give something of myself to others. ... Who is better equipped? Who else has lived in both worlds?" (Keyes, 2002, p. 139). The quotation reflects the pragmatic thinking of a highly intellectual individual and conveys a factual, communicative focus. The temporal plane of the present, in which the protagonist has reached the pinnacle of intellectual development, is portrayed as not only filled with empirical contemplation but also imbued with significance.

3. *Reminiscence as a Temporal Catalyst.* The reconstruction of past episodes serves as a primary stimulus for reflection, self-discovery, and exploration of the subconscious and unconscious mind. The epistolary genre of the novel effectively utilizes reminiscences to activate memorable episodes, thereby constructing a temporal framework of the past and establishing cause-and-effect relationships with present events.

The following passage illustrates this concept: "It's hard not to control the direction of your thoughts... just to leave your mind open and let anything flow into it... ideas bubbling to the surface like a bubble bath... a woman bathing... a girl... Norma taking a bath... I am watching through the keyhole... and when she gets out of the tub to dry herself, I see that her body is different from mine. Running down the hallway... somebody chasing me... not a person... just a big flashing kitchen knife, and I'm scared and crying, but no voice comes out because

my neck is cut and I'm bleeding..." (Keyes, 2002, p. 59). The use of expressive syntactic constructions, particularly parcellation, highlights the fragmentation of a cohesive reminiscence and the efforts to restore it through free association. Ellipsis, as a graphic expression technique, represents the author's unique approach to conveying isolated memories, stimulating the dynamics of the protagonist's dreamlike state and compelling him to confront psycho-sexual issues during the postoperative period. Additionally, the text's expressive richness is further enhanced by phonetic stylistic devices such as paronomasia and alliteration (e.g., "bubbling," "bubble bath," "bathing"), which draw upon onomatopoeia to depict the brain's activity, overflowing with unconscious stimuli.

4. Conceptualization of Time. The concept of «time» emerges as a pivotal theme within the narrative, evidenced by its recurrent presence throughout the text and its semantic interrelations with a variety of lexical items, both within individual sentences and across the overarching structure of the narrative. Moreover, the universal notion encapsulated by the term "time" operates as a conceptual framework that facilitates associative and paradigmatic connections among distinct plotlines and episodes within the text's architecture.

Time serves to delineate and constrain the protagonist's life cycle, particularly in relation to a finite period characterized by productivity and efficacy in the enhancement of intellectual faculties. The protagonist's perception of time assumes increasing significance as his intellectual capacities evolve. This evolution is explicitly articulated through the author's technique of "linguising" time (Potaenko, 1997), which entails the verbal manifestation of time's presence. For instance, the protagonist reflects, "Not much time for work – between the nightly club-hopping and the morning hangovers" (Keyes, 2002, p. 148). He acknowledges, "She's right though – I've got to take time into consideration" (Keyes, 2002, p. 148). He further realizes, "Time was the barrier. If I was going to find out the answers for myself, I had to get to work immediately" (Keyes, 2002, p. 151). Additionally, he articulates, "I'm jealous of every moment away from the work – impatient with anyone who tries to steal my time" (Keyes, 2002, p. 165).

Among the linguistic and stylistic devices that enhance the expressive representation of the conceptualization of time in these instances, the use of ellipsis in the first quotation is noteworthy, as it omits the predicate and engenders a sense of dynamism and repetition of events. The deployment of expressive punctuation, such as dashes, amplifies the emotional tension experienced by the protagonist, underscoring his acute awareness of the ephemeral nature of his intellectual flourishing. Finally, the metaphorical language employed in the last quotation illustrates the protagonist's existential perspective on time as a critical category.

The explicitly articulated conceptualization of time can be interpreted as a scientifically grounded representation of divine nature, which not only delineates the duration of existence but also influences the variability or

stagnation of activities within a given life period. As articulated by Charlie, “I don’t know how much time I have. A month? A year? The rest of my life? That depends on what I find out about the psychophysical side-effects of the experiment” (Keyes, 2002, p. 146). The employed technique of parcellation underscores the themes of fatalism and the ephemeral nature of the time allocated to the protagonist. Furthermore, the use of temporal parcels and lexical gradation serves to condense the significance of the statement, thereby enhancing its interpretive depth.

Conclusion

In D. Keyes’ novel, the concept of artistic time serves as a fundamental category that underpins the psychologism and profound philosophical subtext of the narrative. This is articulated through the zero chronotope, as well as through the intricate interplay of memories, flashbacks, hallucinations, reflections, and the protagonist’s conclusions. The temporal structure of the novel is constructed using a variety of linguostylistic devices across all levels of text organization, including plot, narrative, and composition.

The protagonist Charlie does not express regret regarding his choices; for him, the relinquishment of a state of blissful ignorance and timelessness is justified by the joy derived from the capacity to learn. He posits that intellectualism, and even genius, hold limited intrinsic value. At the conclusion of the novel, Charlie enters a state of mystical trance, during which he perceives a lotus flower. This flower, along with the rose and lily – elements of the dominant triad in world mythopoetics (Makarova, 2013) – shares a symbolic resonance that signifies the source of divine power, the genesis of the universe, the foundation of existence, purity, chastity, and the enigma of love. Through his mystical experience and encounter with light, Charlie arrives at a profound realization: love for another transcends fear and suffering, elevating the individual and fostering a sense of connection to a greater whole. In this transformative journey, time is recontextualized from an adversary to an ally, as the protagonist utilizes it to achieve self-realization and establish a connection with enlightenment and knowledge.

References

- Borisenko, Yu. (2021). Intentional lexical deviations in fiction as a translation problem (based on *Flowers for Algernon* by D. Keyes). *Bulletin of Udmurt university*, 31(5), 1018–1026. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1018-1026
- Cline, B.W. (2012). “You’re Not the Same Kind of Human Being”: The Evolution of Pity to Horror in Daniel Keyes’ *Flowers for Algernon*. *Disability Studies Quarterly*, 32(4). Retrieved from <https://dsq-sds.org/index.php/dsq/article/view/1760/3182>
- Fomina, E., & Kirsanova, A. (2024). Peculiarities of Deviant Personality’s Representation in D. Keyes’s Artistic World (Based on the novels *Flowers for Algernon*, *The Fifth Sally*, *The Minds of Billy Milligan*). *New Philological Bulletin*, 4(63). (In Russ.)

- Keyes, D. (2000). *Algernon, Charlie, and I: A Writer's Journey*. New York: Challenge Press.
- Keyes, D. (2002). *Flowers for Algernon*. Great Britain: Gollancz.
- Kandrashkina, O. (2011). Categories of space, time and chronotope in a work of art and linguistic means of their expression. *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 13(2), 1217–1221. (In Russ.)
- Likhushina, M. (2021). Artistic time and its features. *Society: philosophy, history, culture*, 2(82). (In Russ.) Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-vremya-i-ego-osobennosti/viewer>
- Makarova, I. (2013). Images of lotus and lily in mythological systems of the East and West. *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, (4). (In Russ.) Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-lotosa-i-lilii-v-mifologicheskikh-sistemah-vostoka-i-zapada>
- Myaksheva, O. (2023). Linguistic analysis of a literary text as a key to its comprehension: cognitive-discursive aspect. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, 14(3), 704–718. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-704-718
- Nikolina, N. (2008). *Philological analysis of the text: a teaching aid for students of higher pedagogical educational institutions*. Moscow: Publishing center Academy. (In Russ.)
- Potaenko, N. (1997). Time in language (an attempt at a comprehensive description). *Logical analysis of language: language and time*. 113–122. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- The Bible. Authorized King James Version. (2024). Retrieved from <https://www.kingjames-bible.me>

Bio notes:

Antonina V. Samoylova, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of English Philology, Kuban State University, 149 Stavropolskaya St, Krasnodar, 350040, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9047-0772.

Olga V. Spachil, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of English Philology, Kuban State University, 149 Stavropolskaya St, Krasnodar, 350040, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6474-5907. E-mail: spachil.olga0@gmail.com

Сведения об авторах:

Самойлова Антонина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149. ORCID: 0000-0002-9047-0772.

Спачиль Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149. ORCID: 0000-0001-6474-5907. E-mail: spachil.olga0@gmail.com

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-757-771

EDN: QVNKFY

УДК 16.77:001.8:070:001.8

Научная статья / Research article

**Международные конфликты в зеркале
конструктивной журналистики:
медиагеографические исследования**

Т.С. Якова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*
✉ t-yakova@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования публикаций влиятельных мировых массмедиа о международных конфликтах с позиций концепции конструктивной журналистики. Рассматривается динамика трансформации медиаповедения интернет-аудиторий разных регионов мира через призму медиагеографических взглядов на процессы формирования медиареальности по отношению к темам международных конфликтов. Методология исследования строилась на основе имплементации медиаметрического, рангового и контент-анализа в контексте концепции конструктивной журналистики. В ходе работы особое внимание уделялось интерпретации смыслов, содержательно связанных с международными конфликтами, и пространственному анализу big data. Эмпирическую базу составила статистика Google Trends и данные, полученные в результате обработки публикаций влиятельных мировых массмедиа, посвященных международным конфликтам и кризисам, интерес к которым проявили интернет-аудитории разных стран мира (арабо-израильский конфликт, конфликт в Афганистане, конфликт США и Ирана, Тайваньский кризис). Контент-анализ медиатекстов подтвердил вывод, что тема международных конфликтов привлекает внимание интернет-аудиторий и занимает существенное место в повестке дня влиятельных мировых массмедиа, но критериям конструктивной журналистики соответствует только около 10% материалов, опубликованных в 2023 году.

© Якова Т.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: медиагеография, ранговый анализ, контент-анализ, The New York Times, The Washington Post, The Times, The Guardian, Global Times, Al Jazeera

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17 августа 2024 г.; отрецензирована 2 сентября 2024 г.; принята к публикации 18 сентября 2024 г.

Для цитирования: *Якова Т.С.* Международные конфликты в зеркале конструктивной журналистики: медиагеографические исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 757–771. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-757-771>

International conflicts in the mirror of constructive journalism: media geographical research

Tamara S. Yakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ t-yakova@mail.ru

Abstract. Presents the results of the study of publications by influential global mass media about international conflicts from the standpoint of the concept of constructive journalism. Examines the dynamics of the transformation of media behavior of Internet audiences in different regions of the world in relation to the topics of international conflicts through the prism of media-geographical views on the processes of formation of media reality. The research methodology was based on the implementation of media metric analysis, rank analysis and content analysis in the context of constructive journalism. During the study, special attention was paid to the interpretation of meanings (substantially related to international conflicts) and spatial analysis of big data. The empirical basis of the study was Google Trends statistics and data obtained as a result of processing publications of influential global mass media devoted to international conflicts and crises, interest in which was shown by Internet audiences of countries of the world (the Arab-Israeli conflict, the conflict in Afghanistan, the US-Iran conflict, the Taiwan crisis). Content analysis of media texts confirmed the conclusion that the topic of international conflicts attracts the attention of Internet audiences and occupies a significant place on the agenda of influential global mass media, but only about 10% of materials published in 2023 meet the criteria for constructive journalism.

Keywords: media geographic studies, rank analysis, content analysis, The New York Times, The Washington Post, The Times, The Guardian, Global Times, Al Jazeera

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 17, 2024; revised September 2, 2024; accepted September 18, 2024.

For citation: Yakova, T.S. (2024). International conflicts in the mirror of constructive journalism: Media geographical research. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 757–771. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-757-771>

Введение

В последние годы международные конфликты и кризисы все чаще вспыхивают в разных частях земного шара. По статистике исследовательских центров, растет количество погибших и пострадавших в войнах и конфронтациях с применением насилия. В докладе Международного института стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies, IISS) за 2023 год отмечена тенденция к росту количества международных и региональных конфликтов и расходов на оборону в мире (на 9% по сравнению с предыдущим годом), достигших рекордных показателей в 2,2 триллиона долларов (половина этой суммы пришлось на страны НАТО)¹. В документе перечислены основные очаги мировой нестабильности: «...война Израиля с палестинским радикальным движением ХАМАС, ракетная угроза со стороны йеменских хуситов, растущая напряженность в Индо-Тихоокеанском регионе, конфликты в Африке, расположенной южнее Сахары, а также продолжающийся конфликт на Украине»². В отчете за 2023 год Уппсальской программы сбора данных о конфликтах также отмечено увеличение числа вооруженных конфликтов на государственной основе, которое достигло «самого высокого уровня, когда-либо зарегистрированного UCDP, и составило 59. <...> Анализ данных о негосударственных конфликтах за последнее десятилетие показывает, что они охватывают десять самых жестоких лет за всю историю наблюдений»³. Тема международных конфликтов и кризисов занимает существенное место в повестке дня мировых массмедиа и оказывает влияние на формирование общественного мнения, на внутри- и внешнеполитические процессы и международные отношения. В условиях цифровой реальности, высоких скоростей распространения и получения информации массмедиа становятся активными участниками возникновения и развития конфликтов и способны трансформировать ход событий как в сторону урегулирования, так и в сторону обострения. В контексте стремительного процесса медиатизации средства массовой информации – важные акторы международного поля. Они формируют среду для развития конфликтов разного уровня и масштаба, создают условия для выбора моделей их трансформации. В этом контексте становится актуальной задача изучения подходов мировых массмедиа к освещению конфликтов, исследования медиапотребления и медиаповедения аудиторий разных стран, выявления векторов их развития. Выполнению этой задачи и было подчинено изучение мировых массмедиа, освещавших международные конфликты в 2023 году, которое стало про-

¹ The International Institute for Strategic Studies, IISS. URL: <https://www.iiss.org/en/publications/armed-conflict-survey/> (accessed: 14.08.2024).

² IISS предупредил о приближении опасного десятилетия // ТАСС, 13 февраля 2024 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19975303> (дата обращения: 23.08.2024).

³ UCDP – Uppsala Conflict Data Program. 2023. URL: <https://ucdp.uu.se/year/2023> (accessed: 23.08.2024).

должением предыдущих научно-исследовательских работ по схожей тематике (Якова, 2021; Якова, 2023).

Теоретическая база исследования формировалась на основе научных трудов российских и зарубежных авторов, посвященных проблемам международных отношений и современной мировой политики (Асмолов, Бабаев, 2024; Лебедева, 2021; Саква, 2024); вопросам международной безопасности (Арбатов, 2024); изучению стратегий и практик урегулирования международных и региональных конфликтов (Кавешников, 2023; Вершинина и др., 2023; Никитин, 2006). Теоретические подходы к исследованию опирались также на работы в области теории журналистики и конфликтологии (Смирнова, Шкондин, 2021; Lynch, Galtung, 2010; Merkle, 2020). Особое внимание уделялось разработкам концепции конструктивной журналистики (Naagegur, 2014; Bro, 2019; McIntyre, 2015; Gyldensted, 2015; Krüger et al., 2022). По определению К. Гилденстед и К. Макинтайр, конструктивная журналистика – это форма журналистики, которая предполагает применение методов позитивной психологии к процессам и производству новостей, при этом сохраняя верность основным функциям журналистики (McIntyre, Gyldensted, 2017). В работах исследователей внимание акцентируется на более активном, партисипативном подходе массмедиа к освещению событий, что может способствовать формированию позитивных настроений у аудитории и ориентировать на поиск путей преодоления проблем и разрешения конфликтов. Различным аспектам развития концепции конструктивной журналистики посвящены работы российских авторов (Евдокимов, 2021; Лукина, Толоконникова, 2021; Конкина, 2020; Якова, 2023). Принципы данной концепции применяются в практике некоторых европейских и американских массмедиа (*The Guardian*, *The Huffington Post*, *The New York Times*) и основываются на методах позитивной психологии: в структуру медиатекстов включаются такие важные составляющие, как апелляция к положительным эмоциям, приглашение аудитории к участию в обсуждении, предложение вариантов решений проблем и примеров реализации проектов. Концепция рассматривает информационное поле как место диалога для обсуждения конфликтов и поиска вариантов их урегулирования. Исследованиями в этой области занимается Институт конструктивной журналистики под руководством У. Хаагерупа⁴.

Методы и контекст исследования

Методология исследования базировалась на медиагеографическом подходе к анализу медиареальности (Якова, Янглева, 2019) и объединяла несколько методов (ранговый, медиаметрический и контент-анализ),

⁴ Constructive Institute – Independent Center for Constructive Journalism. URL: <https://constructiveinstitute.org/> (дата обращения: 23.08.2024).

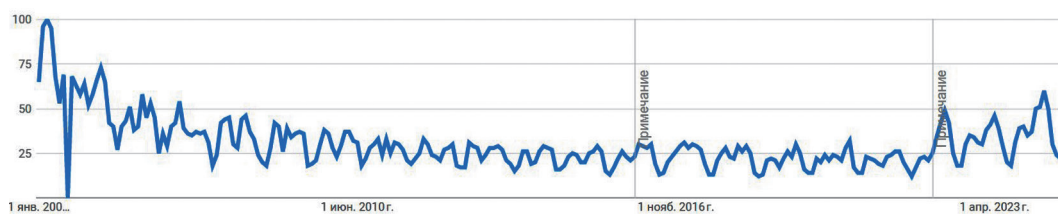
которые были имплементированы в контекст конструктивной журналистики. Медиагеографический подход акцентирует внимание на существенных характеристиках моделей пространственно-временных отношений, которые создают массмедиа, формируя рамки для последующего конструирования медиареальности. В ходе данного исследования учитывалось, что такие модели складываются в зависимости от принадлежности массмедиа, ориентации на определенную аудиторию, исторических аспектов развития, национальных особенностей (Якова, 2021).

На первом этапе была проанализирована статистика поисковой системы Google Trends и выявлены ранговые распределения интернет-аудиторий стран мира по отношению к теме исследования – «международные конфликты» (система аккумулирует запросы на разных языках). На втором – отобраны англоязычные массмедиа и изучены ценностные характеристики их интернет-аудиторий по данным международных рейтингов, учитывающих географию распространения, количество подписчиков, степень цитируемости. Объектами исследования стали онлайн-версии влиятельных англоязычных изданий: The New York Times (США), The Washington Post (США), The Times (Великобритания), The Guardian (Великобритания), Global Times (Китай), Al Jazeera (Катар)⁵. Публикации отбирались по нескольким темам, связанным с актуальными международными конфликтами, которым в 2023 году уделяли внимание данные массмедиа и интерес к которым проявили интернет-аудитории разных стран мира: арабо-израильский конфликт, конфликт в Афганистане, конфликт США и Ирана, Тайваньский кризис. На третьем этапе были выбраны публикации аналитического характера объемом более 5 тыс. знаков (для The New York Times, The Washington Post и Al Jazeera – более 6 тыс. знаков) и проведен контент-анализ по критериям концепции конструктивной журналистики: соблюдение баланса позитивной и негативной информации; наличие фокуса на поиск решения проблемы и действия; включение примеров (прецедентов) решения конфликта; ответы на поставленные вопросы; позитивные элементы в структуре публикации (Якова, 2023).

Результаты и обсуждение

Результаты анализа интернет-статистики системы Google Trends за 20 лет проиллюстрировали стабильно высокий интерес глобальной интернет-аудитории к темам международных конфликтов (рис. 1 и табл. 1).

⁵ Выбор проводился на основе анализа активности аудиторий массмедиа по теме «международные конфликты» и международных рейтингов, оценивающих количество подписчиков и посещаемость вебсайтов: Top 100 Newspapers in the World. URL: <https://www.pressreleasepower.com/top-100-newspapers-in-the-world>; Top Websites Ranking. Most Visited News & Media Publishers Websites Ranking. URL: <https://www.similarweb.com/top-websites/news-and-media> (дата обращения: 23.08.2024).

Рис. 1. Динамика популярности поискового запроса international conflicts по странам мира, 2004–2024

Figure 1. Dynamics of popularity of the search query international conflicts by country of the world, 2004–2024

Источник: Google Trends. Дата обращения: 19.08.2024.

Source: Google Trends. Accessed: 19.08.2024.

Таблица 1

Соотношение популярности поискового запроса international conflicts в странах мира (10 из 78), 2004–2024

Ранг	Страна	Доля от общего количества запросов, %	Ранг	Страна	Доля от общего количества запросов, %
1	Зимбабве	100	6	Камерун	28
2	Руанда	46	7	Эфиопия	26
3	Малави	40	8	Танзания	22
4	Уганда	35	9	Нигерия	20
5	Кения	33	10	Замбия	20

Источник: составлено автором по статистике Google Trends.

Table 1

Ratio of popularity of the search query international conflicts in countries of the world (10 out of 78), 2004–2024

Rank	Country	Share of total number of requests, %	Rank	Country	Share of total number of requests, %
1	Zimbabwe	100	6	Cameroon	28
2	Rwanda	46	7	Ethiopia	26
3	Malawi	40	8	Tanzania	22
4	Uganda	35	9	Nigeria	20
5	Kenya	33	10	Zambia	20

Source: compiled by the author on Google Trends statistics.

Интерес к теме зарегистрирован в 78 странах, а если в эмпирическую базу включить регионы с малым количеством запросов, то география расширится до 125. Для сравнения: интерес к теме урегулирования конфликтов проявлен в 57 странах (с малым количеством запросов – в 193).

География запросов (табл. 2) наиболее обширна по темам арабо-израильского конфликта (the Arab-Israeli conflict) и конфликта в Афганистане (the conflict in Afghanistan) – интерес проявлен в 49 странах, на втором месте – Тайваньский кризис (the Taiwan crisis) (32 страны). Конфликтом США и Ирана (the conflict between the United States and Iran) интересуются интернет-пользователи в основном из США и Канады. Ко всем четырем конфликтам проявили интерес интернет-аудитории в США, к трем –

в Великобритании и Австралии, что можно объяснить участием этих стран в конфликтах и в процессах их урегулирования (США – активный участник, Великобритания и Австралия – союзники США по военным и экономическим блокам). Ранговый анализ стал базой для исследования поведения интернет-аудиторий в пространстве и времени: изучения динамики популярности разных аспектов, связанных с международными конфликтами в зависимости от временных периодов и географических локаций.

Таблица 2

Результаты анализа запросов в системе Google Trends по международным конфликтам, 2004–2024

	Конфликт	Количество стран	Страны с наибольшей долей от общего количества запросов (>1)
1	Арабо-израильский конфликт	49	Ливан, Палестина, США, Кения, Израиль, Иордания, Эфиопия, Австралия, Великобритания, Нигерия
2	Конфликт в Афганистане	49	Афганистан, Пакистан, США, Великобритания, Австралия, Зимбабве, Замбия, Новая Зеландия
3	Конфликт США и Ирана	6	США, Канада
4	Тайваньский кризис	32	Филиппины, Сингапур, Китай, США, Австралия, Великобритания

Источник: составлено автором по статистике Google Trends.

Table 2

Results of the analysis of queries in the Google Trends system on international conflicts, 2004–2024

	Conflict	Number of countries	Countries with the largest share of total requests (>1)
1	Arab-Israeli conflict	49	Lebanon, Palestine, USA, Kenya, Israel, Jordan, Ethiopia, Australia, UK, Nigeria
2	Conflict in Afghanistan	49	Afghanistan, Pakistan, USA, UK, Australia, Zimbabwe, Zambia, New Zealand
3	US-Iran conflict	6	USA, Canada
4	Taiwan crisis	32	Philippines, Singapore, China, USA, Australia, UK

Source: compiled by the author based on Google Trends statistics.

Результаты выборки публикаций по темам (табл. 3) проиллюстрировали степень интереса массмедиа к освещению разных конфликтов, обусловленную прежде всего вовлеченностью государств их принадлежности в тот или иной конфликт, в процессы его регулирования, в политические, экономические и другие процессы в регионе конфликта. Эмпирическую базу для третьего этапа исследования составили 2427 публикаций аналитического характера (хронологические рамки исследования январь–декабрь 2023 г.). Контент-анализ подтвердил вывод о том, что тема международных конфликтов занимает существенное место в повестке дня исследуемых изданий (оценивались онлайн-версии) и привлекает внимание интернет-аудиторий разных стран мира.

Таблица 3

**Количество публикаций, посвященных международным конфликтам в 2023 году
в массмедиа разных стран**

	Тема / массмедиа	The New York Times	The Washington Post	The Times	The Guardian	Global Times	Al Jazeera
1	Арабо-израильский конфликт	551	491	388	472	74	319
2	Конфликт США и Ирана	206	224	196	311	14	187
3	Конфликт в Афганистане	107	109	91	220	19	318
4	Тайваньский кризис	91	58	57	98	53	17

Источник: составлено автором.

Table 3

**Number of publications devoted to international conflicts in 2023 in the mass media
of different countries**

	Topic / Mass Media	The New York Times	The Washington Post	The Times	The Guardian	Global Times	Al Jazeera
1	Arab-Israeli conflict	551	491	388	472	74	319
2	Conflict in Afghanistan	206	224	196	311	14	187
3	US-Iran conflict	107	109	91	220	19	318
4	Taiwan crisis	91	58	57	98	53	17

Source: compiled by the author.

Из общего объема мониторинга⁶ (пропорция – 10%) для анализа по критериям конструктивной журналистики были выбраны 243 публикации. В таблице 4 приведены примеры первичных результатов анализа текстов по каждой из выбранных тем.

Таблица 4

Результаты анализа публикаций по критериям концепции конструктивной журналистики (примеры)

№	Название статьи	Тема	Массмедиа	Критерии				
				1	2	3	4	5
1	Как будто мы были людьми второго сорта»: мальчики из Газы и мужчины вспоминают израильский арест и пытки ⁷	Арабо-израильский конфликт	Al Jazeera	-	-	-	-	-
2	Сделка по освобождению иранских заключенных может сигнализировать о новом направлении в западной дипломатии ⁸	Конфликт США и Ирана	The Guardian	+	+	+	-	+

⁶ Отбор проводился по методу социальных исследований Л. Ньюмана, описанного в книге: *Neumann L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches. 2-nd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1991.*

⁷ *Alsaafin L., Humaid M. 'Like we were lesser humans': Gaza boys, men recall Israeli arrest, torture // Al Jazeera, 2023, 12 December. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2023/12/12/like-we-were-lesser-humans-gaza-boys-men-recall-israeli-arrests-torture> (дата обращения: 23.08.2024).*

⁸ *Wintour P. Iran prisoner release deal may signal new direction in western diplomacy // The Guardian. 2023, 18 September. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/18/iran-prisoner-release-deal-may-signal-new-direction-western-diplomacy> (дата обращения: 23.08.2024).*

Окончание табл. 4

№	Название статьи	Тема	Массмедиа	Критерии				
				1	2	3	4	5
3	Изгнанные из Пакистана афганцы сталкиваются с неопределенным будущим ⁹	Конфликт в Афганистане	The New York Times	–	–	–	–	+
4	Материковый Китай — главный режиссер драматического сериала Тайваньского пролива ¹⁰	Тайваньский кризис	Global Times	–	+	±	–	–

Примечание. Номера соответствуют следующим критериям: 1 – баланс позитивной и негативной информации; 2 – фокус для поиска решения проблемы и действия; 3 – примеры (прецеденты) решения конфликта; 4 – ответы на поставленные вопросы; 5 – позитивные элементы в структуре публикации.

Table 4

Results of the analysis of publications according to the criteria of the concept of constructive journalism (examples)

No.	Article Title	Topic	Mass Media	Criteria				
				1	2	3	4	5
1	'Like we were lesser humans': Gaza boys, men recall Israeli arrest, torture ¹¹	Arab-Israeli conflict	Al Jazeera	–	–	–	–	–
2	Iran prisoner release deal may signal new direction in western diplomacy ¹²	US-Iran conflict	The Guardian	+	+	+	–	–
3	Driven Out of Pakistan, Afghans Face an Uncertain Future ¹³	Conflict in Afghanistan	The New York Times	–	–	–	–	+
4	Chinese mainland is the ultimate playwright of Taiwan Straits' drama series ¹⁴	Taiwan crisis	Global Times	–	+	±	–	–

Note. The numbers correspond to the following criteria: 1 – balance of positive and negative information; 2 – focus on finding a solution to the problem and action; 3 – examples (precedents) of conflict resolution; 4 – answers to the questions posed; 5 – positive elements in the structure of the publication.

Анализ публикаций сайта катарского телеканала Al Jazeera, посвященных теме арабо-израильского конфликта, показал, что соответствие

⁹ Goldbaum C., Padshah S. Driven Out of Pakistan, Afghans Face an Uncertain Future // The New York Times. 2023, 30 October. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/30/world/asia/afghanistan-pakistan-deportations.html> (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁰ Xijin H. Chinese mainland is the ultimate playwright of Taiwan Straits' drama series. 2023, 25 January. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1284230.shtml> (дата обращения: 23.08.2024).

¹¹ Alsaafin L., Humaid M. 'Like we were lesser humans': Gaza boys, men recall Israeli arrest, torture // Al Jazeera, 2023, 12 December. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2023/12/12/like-we-were-lesser-humans-gaza-boys-men-recall-israeli-arrests-torture> (дата обращения: 23.08.2024).

¹² Wintour P. Iran prisoner release deal may signal new direction in western diplomacy // The Guardian. 2023, 18 September. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/18/iran-prisoner-release-deal-may-signal-new-direction-western-diplomacy> (дата обращения: 23.08.2024).

¹³ Goldbaum C., Padshah S. Driven Out of Pakistan, Afghans Face an Uncertain Future // The New York Times. 2023, 30 October. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/30/world/asia/afghanistan-pakistan-deportations.html> (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁴ Xijin H. Chinese mainland is the ultimate playwright of Taiwan Straits' drama series // Global Times. 2023, 25 January. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1284230.shtml> (дата обращения: 23.08.2024).

подходам конструктивной журналистики (всем критериям) можно обнаружить в 10 % медиатекстов. В большинстве публикаций не соблюдается баланс позитивной и негативной информации (в 63% публикаций преобладает негативная). Зато во многих материалах приводятся примеры (прецеденты из прошлого), которые возможно применить для решения отдельных задач в процессе регулирования конфликта. В трети публикаций выявлены соответствия только одному критерию. В статье «Как будто мы были меньшими людьми: мальчики и мужчины из Газы вспоминают израильские аресты и пытки» (табл. 4) не обнаружено соответствия ни одному из критериев: материал имеет явную негативную тональность (даже в той части, где речь идет об освобождении) и концентрируется на описании пыток в тюрьмах, через которые прошли герои. Предложений и вариантов решений (например, об оказании реальной помощи пострадавшим) в публикации нет.

В материалах британской газеты *The Guardian*, посвященных конфликту США и Ирана, чаще, чем в других исследуемых массмедиа, приводятся примеры решений проблем и конфликтов, которые применялись в других схожих ситуациях (47%). Баланс позитивной и негативной информации соблюдается в пятой части публикаций (21%), в трети из всех проанализированных текстов есть тезисы, свидетельствующие о фокусировании на поиске решений и действия. Чаще всего в качестве прецедента урегулирования ситуации приводится Соглашение 2015 года по иранской ядерной программе, позволившее на время нормализовать отношения между Вашингтоном и Тегераном. Некоторые журналисты *The Guardian* выражают надежду на возобновление такого соглашения. Но 26% публикаций не соответствуют ни одному критерию, что свидетельствует о том, что авторы этих материалов считают продолжение конфликта США и Ирана неизбежным и не видят возможностей для его урегулирования. Приведенная в качестве примера статья «Сделка по освобождению иранских заключенных может сигнализировать о новом направлении в западной дипломатии» (табл. 4) соответствует четырем из пяти критериев (что встречается крайне редко). Нейтральная тональность позволила сохранить баланс позитивной и негативной информации. Автор текста П. Винтур делает акцент на поиске путей решения конфликта и в качестве прецедента для нормализации американо-иранских отношений приводит соглашение по иранской ядерной программе. Анализ публикаций *The Guardian* о конфликте США и Ирана за 2023 год не выявил полного соответствия подходу конструктивной журналистики ни в одном опубликованном материале. В ходе исследований в предыдущем году (2022) такая публикация была найдена: «Почему восстание женщин в Иране наполняет меня надеждой»¹⁵ (автор Камин Мохаммади). Это дает

¹⁵ Why Iran's female-led revolt fills me with hope. *The Guardian*. 2022, 8 October. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/oct/08/iran-mahsa-amini-women-girls-revolt-hope> (дата обращения: 05.09.2024).

надежду на возможность реализации на практике всех требований концепции конструктивной журналистики.

В публикациях *The New York Times*, посвященных конфликту в Афганистане (и проблемам постконфликтного урегулирования) большинство критериев концепции конструктивной журналистики не соблюдается. Основные темы, к которым обращается газета, касаются последствий вывода войск из Афганистана (положения мирных граждан, в особенности женщин), политики, проводимой талибами, обострения ситуации в Пакистане из-за роста терактов. Характер подходов к освещению этих тем близок стилю военной журналистики. Авторы *The New York Times* делят героев публикации на «свой – чужой», относя к «чужим» представителей движения «Талибан». Например, в статье «Изгнанные из Пакистана афганцы сталкиваются с неопределенным будущим»¹⁶ (табл. 4) – только негативно окрашенная информация. Журналисты рассказывают об одном из афганцев, который вынужден был переехать из Пакистана и остался без работы и жилья. В статье нет фокуса на поиск путей решения проблемы (оказания гуманитарной помощи, трудоустройства и т. д.), нет вариантов выхода из сложившейся ситуации. К позитивным элементам в структуре медиатекста можно отнести только то, как авторы описывают «старый» Афганистан до прихода к власти «Талибана»: «...Снег, который зимой покрывает столицу Кабул. Пышные горы Гиндукуша. Огромные озера с ярко-голубой водой в центральных долинах»¹⁷. Такой стиль подачи информации о конфликтной ситуации в Афганистане присущ большинству публикаций *The New York Times*.

У китайской газеты *Global Times* существенная часть материалов о Тайваньском кризисе не соответствует ни одному критерию концепции конструктивной журналистики (30%), однако процент таких публикаций намного меньше, чем, например, у американской *The New York Times* по этой же теме (48%). В трети публикаций *Global Times* выявлены соответствия трем требованиям (из пяти), однако в большинстве из них не предлагаются пути решения конфликта (несмотря на то что это уже четвертый Тайваньский кризис, эффективного алгоритма регулирования противоречий нет), в структуре материалов редко встречаются позитивные элементы. Приведенная для примера публикация «Материковый Китай – главный режиссер драматического сериала Тайваньского пролива» (табл. 4) – одна из немногих, уделяющих внимание поиску выходов из конфликтных ситуаций, но примеры, которые приводятся в тексте, демонстрируют только насильственный путь («В прошлом году Народно-освободительная армия (НОАК) провела комплексные военные учения вокруг острова Тайвань <...>, фактически сформировала короткую

¹⁶ *Goldbaum C., Padshah S.* Driven Out of Pakistan, Afghans Face an Uncertain Future // *The New York Times*. 2023, 30 October. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/30/world/asia/afghanistan-pakistan-deportations.html> (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁷ Там же.

блокаду острова, что, несомненно, подготовило почву для развязки»), баланс оценок в тексте сдвинут в сторону негатива. В таком ключе написаны большинство публикаций *Global Times* о Тайваньском кризисе.

Заключение

Результаты проведенного исследования ментальных ландшафтов стран мира продемонстрировали стабильно высокий интерес глобальной интернет-аудитории к темам международных конфликтов, информация о которых распространяется в основном влиятельными мировыми массмедиа и тиражируется многочисленными интернет-ресурсами. Запросы в поисковой системе *Google Trends* по темам четырех актуальных международных конфликтов зарегистрированы в 193 странах (плюс несколько десятков территорий и сообществ с разным административным статусом). Ранговый анализ проиллюстрировал распределение стран по степени выраженности интереса интернет-аудиторий к тому или иному конфликту: лидируют в списке те регионы, которые вовлечены в конфликт или процессы его регулирования. Полученные данные коррелируют со статистикой потребления продукции влиятельных мировых массмедиа.

Анализ публикаций по критериям концепции конструктивной журналистики показал, что этой платформе полностью соответствуют только 7–10% публикаций о международных конфликтах. В подавляющем же большинстве не соблюдаются ее основные требования: нарушается баланс позитивной и негативной информации (преобладает негативная тональность); не делаются акценты на поиске путей урегулирования конфликтов; варианты предлагаемых решений сосредоточены на укреплении позиций одной стороны за счет другой. Результаты анализа медиатекстов позволили сделать вывод, что подходы конструктивной журналистики к освещению международных конфликтов редко применяются в практике зарубежных средств массовой информации. Журналисты и редакторы в большинстве случаев руководствуются принципами и аргументами, соответствующими стилю военной журналистики, противоположной по своим ценностным ориентирам конструктивному подходу.

В последние годы авторы и сторонники концепции конструктивной журналистики все чаще заявляют о своей позиции и призывают рассматривать информационное поле как место диалога для обсуждения различных аспектов жизни людей. Их рекомендации направлены на распространение опыта регулирования противоречий и конфликтов разного уровня и масштаба, на формирование позитивных настроений у аудитории, поиск новых креативных решений. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что журналистское сообщество пока недостаточно внимания уделяет конструктивной составляющей медиареальности.

Список литературы

- Арбатов А. Несущая конструкция глобальной безопасности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 7. С. 5–24. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-7-5-24>
- Асмолов К.В., Бабаев К.В. Трехполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 3. С. 165–181. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181>
- Вершинина В.В., Колдунова Е.В., Куклин Н.С. Юго-Восточная Азия: подходы к миротворчеству и разрешению конфликтов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23. № 2. С. 265–277. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277>
- Евдокимов В.А. «Конструктивная журналистика» в российских регионах // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2021. Т. 15. № 2. С. 74–84. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.9>
- Кавешников Н.Ю. Справедливость при урегулировании региональных конфликтов: анализ стратегии России в 1992–2021 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23. № 2. С. 215–227. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>
- Конкина К.М. Конструктивная журналистика: зарубежные теоретические концепции и практические решения // *Меди@льманах*. 2020. № 4(99). С. 87–96. <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2020.8796>
- Лебедева М.М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26. № 3. С. 10–21. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>
- Лукина М.М., Толоконникова А.В. Конфликт в повестке дня российских информационных агентств: исследование в контексте конструктивной журналистики // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2021. № 5. С. 27–50. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.2750>
- Никитин А.И. Международные конфликты и их урегулирование // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 2. С. 3–16.
- Саква Р. Великое разрушение // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 4. С. 37–53. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-37-53>
- Смирнова О.В., Шкондин М.В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021. Т. 10. № 1. С. 5–21. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).5-21](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).5-21)
- Якова Т.С. Концептуальные подходы к освещению международных конфликтов // *Меди@льманах*. 2023. № 4 (117). С. 68–78. <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2023.6878>
- Якова Т.С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021. Т. 10. № 4. С. 680–697. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).680-697](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).680-697)
- Якова Т.С., Янглева М.М. *Медиагеография*. М.: ИКАР, 2019. 188 с.
- Bro P. Constructive journalism: proponents, precedents, and principles // *Journalism*. 2019. Vol. 20. № 4. P. 504–519. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884918770523>
- Gyldensted C. *From mirrors to movers: five elements of positive psychology in constructive journalism*. Charleston, SC: Group Publishing, 2015.
- Haagerup U. *Constructive News: How to Save the Media and Democracy with Journalism of Tomorrow*. New York: InnoVatio Publishing, 2014.

- Krüger U., Beiler M., Gläßgen T., Kees M., Küstermann M. Neutral Observers or Advocates for Societal Transformation? Role Orientations of Constructive Journalists in Germany // *Media and Communication*. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 64–77. <https://doi.org/10.17645/mac.v10i3.5300>
- Lynch J., Galtung, J. Reporting conflict: New directions in peace journalism. St. Lucia: University of Queensland Press. 2010.
- McIntyre K. Constructive journalism: the effects of positive emotions and solution information in news stories: PhD Thesis. Chapel Hill, NC: University of North Carolina, 2015.
- McIntyre K., Gyldensted C. Constructive Journalism: Applying Positive Psychology Techniques to News Production // *The Journal of Media Innovations*. 2017. Vol. 4. № 2. P. 20–34. <http://dx.doi.org/10.5617/jomi.v4i2.2403>
- Merkley E. Are experts (news) worthy? Balance, conflict, and mass media coverage of expert consensus // *Political Communication*. 2020. Vol. 37. No. 4. P. 530–549. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1713269>

References

- Arbatov, A. (2024). The Supporting Structure of Global Security. *World Economy and International Relations*, 68(7), 5–24. (In Russ.) <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-7-5-24>
- Asmolov, K.V., & Babaev, K.V. (2024). The Tripolar World and the Bloc Triangles of East Asia. *Russia in Global Affairs*, 22(3), 142–158. (In Russ.) <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-3-142-158>
- Bro, P. (2019). Constructive journalism: proponents, precedents, and principles. *Journalism*. 20(4), 504–519. <https://doi.org/10.1177/1464884918770523>
- Evdokimov, V.A. (2021). “Constructive journalism” in Russian regions. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 15(2), 74–84. (In Russ.) <http://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.9>
- Gyldensted, C. (2015). *From mirrors to movers: five elements of positive psychology in constructive journalism*. Charleston, SC: Group Publishing.
- Haagerup, U. (2014). *Constructive News: How to Save the Media and Democracy with Journalism of Tomorrow*. New York: InnoVatio Publishing.
- Kaveshnikov, N.Y. (2023). Justice in the Process of Regional Conflict Settlement: Analysis of Russia’s Strategy, 1992–2021. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 215–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>
- Konkina, K.M. (2020). Constructive journalism: foreign theoretical concepts and practical solutions. *Medi@lmanah*, (4), 87–97. (In Russ.) <http://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2020.8796>
- Krüger, U., Beiler, M., Gläßgen, T., Kees, M., & Küstermann, M. (2022). Neutral Observers or Advocates for Societal Transformation? Role Orientations of Constructive Journalists in Germany. *Media and Communication*, 10(3), 64–77. <https://doi.org/10.17645/mac.v10i3.5300>
- Lebedeva, M.M. The political organization of the world in the context of modern megatrends: development scenarios. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 26(3), 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>
- Lukina, M.M., & Tolokonnikova, A.V. (2021). Conflict on the Agenda of Russian News Agencies: a Study in the Context of Constructive Journalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (5), 27–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.2750>

- Lynch, J., & Galtung, J. (2010). *Reporting conflict: New directions in peace journalism*. St. Lucia: University of Queensland Press.
- McIntyre, K. (2015). *Constructive journalism: the effects of positive emotions and solution information in news stories*. [PhD Dissertation, University of North Carolina]. Chapel Hill, NC.
- McIntyre, K., & Gyldensted, C. (2017). Constructive Journalism: Applying Positive Psychology Techniques to News Production. *The Journal of Media Innovations*, 4(2), 20–34. <http://dx.doi.org/10.5617/jomi.v4i2.2403>
- Merkley, E. (2020). Are experts (news) worthy? Balance, conflict, and mass media coverage of expert consensus. *Political Communication*, 37(4), 530–549. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1713269>
- Nikitin, A.I. (2006). International conflicts and their resolution. *World Economy and International Relations*, (2), 3–16. (In Russ.).
- Sakva, R. (2024). Great destruction. *Russia in Global Affairs*, 22(4), 37–53. (In Russ.) <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-37-53>
- Smirnova, O.V., & Shkondin, M.V. (2021). Media and Journalism Studies in the Context of Conflictology: System-Based Theoretical Aspects. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(1), 5–21. (In Russ.) [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).5-21](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).5-21)
- Vershinina, V.V., Koldunova, E.V., & Kuklin, N.S. (2023). Southeast Asian States' Approaches to Peacekeeping and Conflict Resolution. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 265–277. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277>
- Yakova, T.S. (2023). Conceptual approaches to the coverage of international conflicts. *Medi@lmanah*, (4), 68–78. (In Russ.) <http://doi.org/10.30547/media-almanah.4.2023.6878>
- Yakova, T.S. (2021). Mass Media and Conflicts: Media-Geographical Studies. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(4), 680–697. (In Russ.) [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(4\).680-697](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(4).680-697)
- Yakova, T.S., & Yangljaeva, M.M. (2019). *Media geography*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Якова Тамара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-5640-267X. E-mail: t-yakova@mail.ru

Bio note:

Tamara S. Yakova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 9, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5640-267X. E-mail: t-yakova@mail.ru

МЕДИАПОЛИТИКА

MEDIA POLICY

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787

EDN: RBZGQO

УДК 16.77:001.8:070:001.8

Научная статья / Research article

Анализ особенностей репрезентации кандидатов на выборах в президенты США 2024 года в приложении генеративного искусственного интеллекта ChatGPT

Д.И. Каминченко^{1,2} , А.Ю. Петухов^{2,3}

¹Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация

²Университета «Неймарк», Нижний Новгород, Российская Федерация

³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация
 dmitkam@inbox.ru

Аннотация. Современные приложения искусственного интеллекта (ИИ) все активнее охватывают различные сферы функционирования общества. Заметное влияние они начинают оказывать и на политику в целом, и на политическую коммуникацию в частности. Особый интерес представляет анализ роли приложений ИИ в избирательном процессе. Цель – выявить содержательно-смысловые особенности презентации текстов, генерируемых одним из наиболее популярных онлайн-сервисов (нейросети) ChatGPT. Ключевые текстовые запросы связаны с двумя основными кандидатами на выборах президента США 2024 года – Дональдом Трампом и Камалой Харрис. Основные эмпирические методы исследования – количественный контент-анализ ненаправленного типа и фрейм-анализ. Информационный массив данных составили результаты, полученные по итогам 41 текстового запроса. Общий объем сгенерированных текстов – 3503 слова. В итоге установлено, что тексты наибольшего объема генерируются приложением ИИ по запросам о возможной роли двух указанных политиков в решении отдельных актуальных проблем американского общества, а не с их личностными и профессиональными качествами. В ходе выполнения работы выявлены как минимум два популярных фрейма, встречающихся в ИИ-текстах: «эффективный политик» и «неэффективный политик». Определена общая частота встречаемости обозначенных фреймов, посвященных двум полити-

© Каминченко Д.И., Петухов А.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ческим лидерам, и количество ключевых выражений-маркеров, отвечающих за проявление обоих фреймов. Это позволило установить, применительно к каким темам чаще встречается тот или иной фрейм. Сделан общий вывод, что в текстах, сгенерированных ChatGPT, Камала Харрис представлена как «эффективный политик», в отличие от Дональда Трампа.

Ключевые слова: языковые модели, нейронные сети, избирательная кампания, США, президентские выборы, контент-анализ, фрейм-анализ

Вклад авторов. Д.И. Каминченко – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. А.Ю. Петухов – разработка идеи исследования, анализ данных, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 31 августа 2024 г.; отрецензирована 28 сентября 2024 г.; принята к публикации 10 октября 2024 г.

Для цитирования: Каминченко Д.И., Петухов А.Ю. Анализ особенностей репрезентации кандидатов на выборах в президенты США 2024 года в приложении генеративного искусственного интеллекта ChatGPT // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 772–787. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787>

Analysis of the features of representation of candidates in the 2024 US presidential elections in the application of generative artificial intelligence

Dmitriy I. Kaminchenko^{1,2} , Aleksandr Yu. Petukhov^{2,3}

¹Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Neimark University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

³Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 dmitkam@inbox.ru

Abstract. Modern artificial intelligence applications are increasingly covering various areas of society. They are beginning to have a noticeable impact on politics in general and political communication in particular. Of considerable interest is the analysis of the role of AI applications in the electoral process. The purpose is to identify the content and semantic features of the presentation of texts generated by one of the most popular online services (neural networks) ChatGPT for key text queries related to the two main candidates in the 2024 US presidential election – Donald Trump and Kamala Harris. The main empirical methods of the study were quantitative content analysis of an undirected type and frame analysis. The information array consisted of the results obtained from 41 text queries. The total volume of generated texts was 3503 words. As the result, it was found that the texts of the largest volume are generated by the artificial intelligence application based on queries related to the possible role of the two specified politicians in solving certain current problems of American society, and not to their personal and professional traits. In the course of the research, at least two popular frames found in the generated texts were identified – “efficient

politician” and “ineffective politician”. Both the overall frequency of occurrence of the designated frames in texts dedicated to the two political leaders and the number of key expressions-markers responsible for the manifestation of both frames were determined. This made it possible to establish in relation to which topics a particular frame is more common. The general conclusion was made that in the texts generated by ChatGPT in the texts about Kamala Harris, the frame “efficient politician” is more often presented than in similar texts dedicated to Donald Trump.

Keywords: ChatGPT, language models, neural networks, artificial intelligence, election campaign, USA, presidential elections, content analysis, frame analysis

Author’s contribution. *Dmitry I. Kaminchenko* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Aleksandr Yu. Petukhov* – development of the research idea, data analysis, manuscript writing and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 31, 2024; revised September 28, 2024; accepted October 10, 2024.

For citation: Kaminchenko, D.I., & Petukhov, A.Yu. (2024). Analysis of the features of representation of candidates in the 2024 US presidential elections in the application of generative artificial intelligence. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 772–787. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787>

Введение

В 2024 году проходят выборы в ряде государств, имеющих решающее влияние на мировую и региональную политику¹, в том числе в России, США, Франции, Великобритании, Индии. Особое внимание уделяется президентской кампании 2024 года в США. Согласно данным информационного агентства Breitbart первые телевизионные дебаты между кандидатами Д. Трампом и Дж. Байденом собрали у экранов ТВ почти 48 млн человек, свыше 30 млн посмотрели дебаты на цифровых площадках². Более половины американцев (58%), по результатам социологического исследования, проведенного Pew Research Center в первой половине апреля 2024 года, говорят, что довольно внимательно следят за новостями о кандидатах на президентских выборах 2024 года³. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в нашей стране 63% жителей либо внимательно, либо время от времени следят за избира-

¹ Minges, M. (2024). An Important Year for Global Elections. Official website of the American University. Retrieved from <https://www.american.edu/sis/news/20240108-2024-an-important-year-for-global-elections.cfm>

² Official website of *Breitbart News*. 28.06.2024. Retrieved from <https://www.breitbart.com/the-media/2024/06/28/cnn-debate-drew-nearly-48-million-tv-viewers-another-30-million-online/>

³ Eddy, K. (2024). More than half of Americans are following election news closely, and many are already worn out. *Official website of Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/05/28/more-than-half-of-americans-are-following-election-news-closely-and-many-are-already-worn-out/>

тельной кампанией по выборам президента США⁴. Это объясняется антагонистическими позициями кандидатов по ряду важнейших международных вопросов.

При этом новейшие технологии активно внедряются во все сферы общественной, экономической и политической жизни, разворачиваются дискуссии на тему новых угроз и перспектив широкого применения и доверия к ИИ. Так, например, в апреле 2023 года ВЦИОМ представил данные социологического опроса об отношении россиян к нейросетям⁵: 72% респондентов утверждают, что будущее за профессиями, связанными с ИИ, большими данными и нейросетями. При этом в научном сообществе активно обсуждаются вопросы, связанные с особенностями технологий ИИ, их общественной и политической ролью (Baum, Villasenor, 2023; Беляков, Максименко, 2023; Łabuz, Nehring, 2024).

Наша цель – изучить, что «думает» о возможных результатах выборов президента США генеративный ИИ (на примере наиболее популярного приложения ChatGPT). Прикладная задача – выявить особенности презентации генерируемых ИИ текстов по ключевым смысловым запросам, связанным с именами двух кандидатов на президентский пост в США.

Теоретические основания

Сначала проанализируем состояние и оценку научно-политического дискурса на конец лета 2024 года. Несмотря на широкий интерес как со стороны общества, так и экспертов к теме президентских выборов в США, в научных журналах обозначенной проблематике на период написания данной статьи (август 2024 года) уделен относительно небольшой объем внимания.

Например, Д.Ю. Химмельштейн и С. Вулхендлер (хотя по времени работа была опубликована немного раньше, но о ней целесообразно напомнить в текущем исследовании в контексте темы предвыборной гонки в США) изучают действия Дж. Байдена на посту президента США в первые 100 дней его работы. По мнению авторов, придя к власти на фоне народных выступлений против расистской (racist), сексистской (sexist) и ориентированной на богатые слои общества (pro-rich) политики Трампа,

⁴ Дональд Трамп – следующий президент США? // Официальный веб-сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/donald-tramp-sledujushchii-prezident-ssha> (дата обращения: 26.07.2024).

⁵ Доверие к искусственному интеллекту в обществе. Анализ социологических опросов II квартала 2023 года, НЦРИИ // Официальный сайт правительства РФ. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/etika-i-bezopasnost-ii/2023_doverie_k_iskusstvennomu_intellektu_v_obschestve_analiz_sociologicheskikh_oprosov_ii_kvartala_2023_goda_ncrii/ (дата обращения: 26.07.2024).

«Байден начал устранять ущерб, нанесенный Трампом и отказываться от четырех десятилетий жесткой экономии, которые усиливали неравенство, разжигали расовую неприязнь и подрывали систему здравоохранения» (Himmelstein, Woolhandler, 2021, p. 1790).

Одна из наиболее острых предвыборных тем в США – миграционная политика. Сравнительный анализ реализации вопроса о предоставлении убежища иммигрантам проведен в одной из недавних работ К. Геркен, которая отмечает, что хотя антииммигрантская риторика администрации Трампа была исторической aberrацией, свидетельства первых трех лет работы администрации Байдена показывают, что США не достигли большого прогресса в построении «справедливой и гуманной иммиграционной системы», которая защищает права человека, достоинство и благополучие всех мигрантов. Вместо этого иммигранты продолжают восприниматься как угроза (Gerken, 2024, p. 156–157).

Ряд работ посвящен Д. Трампу, предлагаемой и проводимой им политике. Например, подход, связанный с так называемым рейтинговым голосованием (Ranked Choice Voting, RCV), в контексте выборов в США: одним из неоспоримых преимуществ указанной системы голосования является то, что она позволяет избирателю поддержать кандидата с меньшими шансами на победу и в то же время обеспечить поддержку кандидата с более высокой вероятностью победы, включив обоих в свой избирательный рейтинг» (Cervas, Grofman, 2022, p. 1). Авторы полагают, что кандидат в президенты Д. Трамп должен быть серьезно обеспокоен возможным влиянием на предвыборные расклады со стороны либертарианских сил (как потенциального политического спойлера). Учитывая эту явную возможность, он должен быть активным сторонником использования RCV в 2024 году, поскольку это смягчит эффект спойлера. То же самое потенциально справедливо для любого другого кандидата в президенты от Республиканской партии в 2024 году (Cervas, Grofman, 2022, p. 4).

Анализ коммуникативно-речевого стиля общения Д. Трампа с фокусировкой на особенностях использования голоса представлен в научном исследовании Й. Кильдгаард-Кристиансена (Kjeldgaard-Christiansen, 2024, p. 290). Стратегию внутрипартийного поведения Трампа как в период его работы в Овальном кабинете (с 2016 по 2020 год), так и после своего президентского срока (после 2020 года), рассматривает в одной из работ М. Хезелтайн (Heseltine, 2023).

Определенному содержательно-смысловому наполнению коммуникативно-речевых технологий в контексте описания черт психологического портрета кандидатов на выборах США посвящен и текст коллектива авторов (Smith et al., 2024), обращающих внимание на существование угроз дезинформации в сфере презентации психологического портрета политиков, а также отмечающих значимую роль, которую может сыграть прямое взаимодействие между разными институциональными субъектами в противоборстве в коммуникативном пространстве.

Отдельное внимание ученые обращают на общий политический фон, сложившийся к 2024 году в США. Отечественные ученые (Рогов, Рогова, 2024) указывают на острейший социально-политический раскол в американском государстве и усилении межпартийных противоречий в ходе нынешней избирательной кампании. О глубокой поляризации среди американского электората по линии политической ангажированности, носящей антагонистический характер, пишет Е.В. Антонов (2023). Американские ученые также отмечают подобные факты и проявления, подчеркивая особенности политической поляризации современного общества, проявления ее ассиметричного характера на разных уровнях (Simon, Sonnicksen, 2024, p. 219). На избирательную кампанию в США 2024 года ссылается в одном из своих исследований и Б. Клементс. Он рассматривает образ США, складывающийся в британском общественном мнении XXI века в периоды президентства и республиканцев, и демократов (Clements, 2023).

Несмотря на наличие ряда уже опубликованных (указанных выше и не только) научных работ, где в той или иной степени обращается внимание на текущий электоральный цикл в США, разные аспекты избирательных процессов по-прежнему требуют проведения глубокого научного анализа.

Методы и материалы

Основные методы текущего исследования – количественный контент-анализ ненаправленного типа и фрейм-анализ. Первый позволяет выявить ряд ключевых слов (выражений-маркеров) и установить их популярность среди информационного массива. К ключевым словам (выражениям-маркерам) относятся только те лексемы и словосочетания, которые в содержательно-смысловом отношении созвучны запросам, на основании которых ИИ формирует соответствующие тексты.

Отдельное внимание необходимо обратить на формулирование ключевых текстовых запросов для приложения искусственного интеллекта. Наше предположение заключается в том, что целесообразнее использовать не прямые формулировки с вопросами и/или утверждениями о том, кто, по «мнению» ИИ, выиграет президентскую гонку 2024 года в США, а косвенные, где будут указаны фамилии двух кандидатов и оценка их эффективности с точки зрения решения значимых для американского общества проблем. В этой связи мы остановились на следующих вариантах текстовых запросов:

«Кандидат в президенты №...

- 1) ...будет проводить эффективную экономическую политику»;
- 2) ...будет проводить эффективную национальную политику»;
- 3) ...будет проводить эффективную внешнюю политику»;
- 4) ...сможет решить миграционные проблемы в США»;

- 5) ...сможет решить проблему роста цен в США»;
- 6) ...будет успешно защищать права и свободы человека»;
- 7) ...будет успешно защищать права женщин».

Содержание обозначенных текстовых запросов отражает основной спектр ключевых тем, интересующих американское общество в избирательный год (см., например, результаты недавнего опроса общественного мнения в США⁶). Вместо словосочетания «Кандидат в президенты №» в текстовом запросе будут последовательно указаны фамилии двух основных претендентов в период проведения исследования (июль 2024 года) – Дональда Трампа и Камалы Харрис.

Кроме того, чтобы протестировать разные варианты репрезентации обозначенных выше запросов, было решено использовать текстовые версии с отрицанием:

«Кандидат в президенты №...

- 1) ...будет проводить неэффективную экономическую политику»;
- 2) ...будет проводить неэффективную национальную политику»;
- 3) ...будет проводить неэффективную внешнюю политику»;
- 4) ...не сможет решить миграционные проблемы в США»;
- 5) ...не сможет решить проблему роста цен в США»;
- 6) ...не сможет успешно защищать права и свободы человека»;
- 7) ...не сможет успешно защищать права женщин».

Помимо текстовых запросов, посвященных ключевым предвыборным темам, использованы и запросы, связанные с личностными и профессиональными качествами политиков, причем с разной смысловой нагрузкой:

«Кандидат в президенты №...

- 1) – сильная личность»;
- 2) – яркий политик»;
- 3) – харизматичный политик»;
- 4) – слабый политик»;
- 5) – неопытный политик»;
- 6) – непоследовательный политик».

Применение запросов, относящихся как к конкретным предвыборным темам, так и к профессиональным и личностным качествам политических лидеров, позволит комплексно проанализировать содержательно-смысловые аспекты генерируемых текстов по интересующей тематике. В дополнение использован еще один запрос, где одновременно упоминаются имена обоих политических оппонентов: «Кто будет лучшим президентом США: Дональд Трамп или Камала Харрис?». Результаты сгенерированного по обозначенному запросу текста будут выполняться скорее

---

⁶ Lackson, A. (2024). State of the Union 2024: Where Americans stand on the economy, immigration and other key issues. *Official website of Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/03/07/state-of-the-union-2024-where-americans-stand-on-the-economy-immigration-and-other-key-issues/>

вспомогательную функцию, так как основной акцент целесообразно сделать на оценке каждого политика в отдельности ввиду их более мягкого (опосредованного) характера с точки зрения возможных «предпочтений» или «прогнозов» одного из приложений.

Результаты в дальнейшем будут обработаны при помощи фрейм-анализа, что позволит установить конкретные символично-смысловые (тематические) единицы и определить их популярность в текстах, полученных по указанным запросам. В свою очередь, информация о выявленных фреймах будет дополнена конкретными словами, словосочетаниями и выражениями, подкрепляющими тот или иной фрейм: популярность и весомость в общем информационном массиве данных конкретного фрейма, связанного с двумя кандидатами в президенты США, поможет понять, каким образом ИИ «оценивает» каждого из двух политиков. От этой «оценки» зависит, на наш взгляд, и «условный прогноз» ИИ относительно исхода изучаемой электоральной гонки.

Важно понимать, что генерируемые тексты фактически отражают работу конкретных алгоритмов и массивов данных, на которых система обучалась, то есть любая оценка, отличающаяся от простой констатации фактов, могла появиться только двумя способами: либо таким образом настроен алгоритм выдачи данных, либо их датасеты выраженно содержат какую-то обнаруженную позицию (либо и то, и другое).

Результаты и обсуждение

В ходе проведения работы (конец июля – начало августа 2024 года) в общей сложности приложением ChatGPT⁷ сгенерирован 41 текст, из которых по 20 текстов сформированы ИИ по текстовым запросам, где по очереди указывалась фамилия одного из кандидатов в президенты США (Дональд Трамп, Камала Харрис), а один текст – на основании запроса, в котором указывались фамилии сразу двух обозначенных политиков одновременно. Общий объем сгенерированных текстов составил 3503 слова, из которых 1731 слово, где указывалась фамилия Трампа, 1712 слов с фамилией Харрис, 60 слов, где приводились фамилии сразу двух политиков. Детальная статистика по конкретным текстовым запросам представлена в таблице 1 «Объем слов в сгенерированных текстах по фамилиям основных кандидатов в президенты США», составленной авторами⁸.

Отметим, что объем слов по каждому из текстовых запросов может свидетельствовать о различной степени «интереса» со стороны ИИ к той тематике, которая раскрывается в содержании запроса. «Интерес» может быть вызван как объемом текстов, представленных в интернете, так и их

⁷ Official website of ChatGPT. Retrieved from <https://www.chatgpt.org>

⁸ См.: URL: <https://disk.yandex.ru/i/rBpUY6Wwv8e-Ww>

тональностью по отношению к объекту изучения. Впрочем, вопрос о наличии либо отсутствии подобного «интереса» со стороны искусственного интеллекта по отношению к конкретной теме или объекту, а также о его природе вызывает активные дискуссии в научном сообществе.

В ходе анализа установлено наличие как минимум двух интересующих нас и противоположных по своему смысловому значению фреймов, которые можно условно обозначить как «эффективный политик» (*effective politician*) и «неэффективный политик» (*ineffective politician*). О наличии двух указанных фреймов свидетельствует значительное количество различных выражений, представленных при генерировании различных текстов. Например, в тексте, посвященном экономической политике Камалы Харрис, приложение ИИ пишет, что «...она будет продвигать справедливую торговую практику, защищать права трудящихся и инвестировать в инфраструктуру и чистую энергетику для стимулирования экономического роста» (*she will promote fair trade practices, protect workers' rights, and invest in infrastructure and clean energy to stimulate economic growth*), что, безусловно, характеризует ее как «эффективного политика». С другой стороны, формируя текст по противоположному запросу, приложение генерирует следующее выражение: «...экономическая политика Харрис может привести к замедлению экономического роста и негативно повлиять на бизнес и отдельных лиц в долгосрочной перспективе» (*may lead to slower economic growth and could negatively impact businesses and individuals in the long run*), что, в свою очередь, описывает ее скорее как неэффективного политика (аналогичная ситуация и в случае с текстами, посвященными Дональду Трампу).

В составленной авторами статьи таблице 2 «Фреймы “эффективный политик” и “неэффективный политик” в сгенерированных текстах по фамилиям основных кандидатов в президенты США»⁹ приведена общая информация о наличии (отсутствии) двух интересующих нас фреймов, сгенерированным приложением ChatGPT по конкретным запросам.

Результаты подсчета частоты встречаемости выявленных фреймов в разных запросах, отраженные в таблице 2, показывают, что, во-первых, в сгенерированных приложением текстах, посвященных Д. Трампу, в целом чаще встречаются обозначенные фреймы (в 30 текстах против 23, посвященных К. Харрис). Во-вторых, в ситуации с Д. Трампом фрейм «неэффективный политик» появляется в текстах чаще (в случаях с 17 текстовыми запросами), чем фрейм «эффективный политик» (в случаях с 13 текстовыми запросами). Ситуация с К. Харрис обратная: в 14 текстах встречается фрейм «эффективный политик», в 9 — «неэффективный политик». В-третьих, «эффективный политик» характерен для 14 текстовых запросов, связанных с именем Харрис, и 13 — с именем Трампа, то есть в абсолютных значениях о К. Харрис ИИ чаще, чем о Д. Трампе «говорит»

⁹ См.: URL: <https://disk.yandex.ru/i/10XuhwE0Njiexg>

как об эффективном политике. Кажется, что это относительно небольшие различия на фоне погрешности. Однако в сумме в относительных значениях различие выглядит довольно внушительно. В текстах, посвященных К. Харрис, доля фрейма «эффективный политик» составляет примерно 61%, а у Д. Трампа аналогичный показатель приблизительно 43%.

Подробная статистика с количеством ключевых выражений-маркеров для двух обозначенных фреймов по каждому из текстовых запросов представлена в составленной авторами таблице 3 «Количество ключевых слов (выражений-маркеров) для фреймов «эффективный политик» и «неэффективный политик» в сгенерированных текстах по фамилиям основных кандидатов в президенты США»¹⁰.

Во-первых, общее количество подобных выражений больше в текстах, посвященных Дональду Трампу (154 выражения против 139 о Камале Харрис).

Во-вторых, в текстах о Д. Трампе преобладают выражения-маркеры, говорящие скорее о проявлении фрейма «неэффективный политик» (94), чем о наличии фрейма «эффективный политик» (60). В текстах о К. Харрис ощутимым образом превалируют выражения-маркеры, характеризующие ее как эффективного политика (104 против 35 как неэффективного).

В-третьих, в текстах, сгенерированных ИИ по запросу, связанному с К. Харрис, количественно ключевых выражений-маркеров (104), свидетельствующих о наличии фрейма «эффективный политик» больше, чем в аналогичных текстах, посвященных Д. Трампу (60). Если указывать различия в относительных значениях, то выражения-маркеры, свидетельствующие о наличии фрейма «эффективный политик», для К. Харрис составляют примерно 75%, а у Д. Трампа только 39%.

В-четвертых, больше всего ключевых выражений-маркеров, свидетельствующих о фрейме «эффективный политик», в текстах, посвященных Камале Харрис, которые сгенерированы по запросам, относящимся к проведению ею эффективной экономической и внешней политики, а также к ее харизматичности. В текстах о Дональде Трампе чаще всего ключевые выражения-маркеры, отражающие фрейм «эффективный политик», представлены в словах, сгенерированных по запросам, относящимся к проведению им эффективной национальной и внешней политики, а также к его харизматичности.

В-пятых, необходимо обратить внимание на фрейм «неэффективный политик». Наибольшее количество выражений-маркеров указанного фрейма наблюдается в текстах, посвященных К. Харрис и сгенерированных по запросам, связанным с проведением ею неэффективной экономической и национальной политики. Наибольшее количество выражений-маркеров указанного фрейма наблюдается в сгенерированных

¹⁰ См.: URL: <https://disk.yandex.ru/i/CULp-mAnpkpK2g>

текстах по запросам, связанным с проведением Д. Трампом неэффективной внешней политики, с защитой прав и свобод людей в целом и защитой прав женщин в частности.

Выводы

Благодаря проведенному эмпирическому анализу можно сформулировать несколько выводов.

1. Популярное приложение искусственного интеллекта ChatGPT генерирует примерно близкие по показателю объема слов тексты на основании аналогичных запросов, посвященных двум кандидатам на пост президента США 2024 года, – Дональду Трампу и Камале Харрис (с некоторым преимуществом первого). Тексты наибольшего объема применительно к Трампу генерируются ИИ исходя из запросов, связанных с успешным решением кандидатом проблемы роста цен и миграции, а также невозможности удачной защиты прав женщин. В случае с К. Харрис 3 наиболее объемных текста формируются ИИ по запросам, посвященным благоприятному решению кандидатом проблем миграции в США, защиты прав и свобод человека и инфляции.

Важно отметить, что Харрис вступила в предвыборную гонку существенно позже, чем Трамп, так как долгое время основным кандидатом от демократической партии был действующий в 2024 году президент Байден. Камала Харрис же, занимая пост вице-президента, также называлась одним из вероятных кандидатов, однако основное внимание в СМИ уделялось противостоянию «Трамп – Байден».

2. Наиболее объемные тексты применительно к Харрис генерируются по текстовым запросам, в содержании которых подразумевается успешная реализация политики по важнейшим темам предвыборной гонки. В свою очередь, наиболее объемные тексты, посвященные Д. Трампу, ИИ формирует на основании как «положительных» запросов (где предполагается реализация успешной политики по той или иной проблематике), так и «отрицательных» (в частности, невозможность защиты прав женщин в США). Отметим, что два наиболее объемных текста из трех формируются ИИ применительно к двум политикам на основе одинаковых запросов (связанных с действиями в области миграции в США и инфляции в экономике), а третий – на очень близких по смыслу темах (права и свободы людей (Харрис), права и свободы женщин (Трамп)).

3. Наиболее значимые с точки зрения объема генерируемых текстов запросы подтверждают идею о том, какие темы сегодня особенно значимы в американском обществе. Любопытным выглядит и тот факт, что тексты наибольшего объема формируются ИИ применительно к запросам, которые посвящены возможной роли двух политиков в решении отдельных актуальных проблем американского общества, а не их личностным и

профессиональным чертам. Это свидетельствует о большем «интересе» ИИ и тех текстов и данных, на основании которых он производит «собственный» продукт, к конкретным проблемам, стоящими перед обществом США, а не к личности политиков. Вместе с тем трудно определить, являются ли эти запросы действительно значимыми для американского общества, или они формулируются как значимые в американских СМИ, так как обычно решение таких проблем связывают с одним из конкретных кандидатов.

4. Искусственный интеллект «производит» фреймы «эффективный политик» и «неэффективный политик» по отношению к обоим кандидатам, но в случае с К. Харрис первый встречается чаще (прежде всего в относительных значениях, поскольку в абсолютных – показатели примерно равны). Здесь необходимо отметить одну деталь: когда генерируются тексты по «положительным» текстовым запросам, посвященным политике каждого кандидата по конкретным направлениям, то проявляются оба фрейма (причем, в случае с Трампом это происходит особенно часто). Когда генерируются тексты по «отрицательным» запросам, посвященным политике каждого кандидата по конкретным направлениям, то в текстах о Трампе нередко проявляется только один фрейм – «неэффективный политик». В текстах о Харрис ситуация немного иная: чуть чаще присутствует фрейм «эффективный политик». Иными словами, «по положительным» текстовым запросам применительно к Трампу наблюдается большая неоднозначность в оценке его эффективности, чем в случае с «отрицательными» запросами, посвященными ему. С другой стороны, в текстах о Харрис по «положительным» и «отрицательным» запросам степень определенности проявления двух противоположных фреймов примерно одинаковая. Это свидетельствует о некотором «преимущество», которое в данном случае «выдается» искусственным интеллектом по отношению к Харрис.

Обозначенное «преимущество» становится еще осязаемее, если взглянуть на то, как ИИ «оценивает» личностные и профессиональные качества обоих политиков с точки зрения двух фреймов. В случае с Трампом в текстах чаще встречается «неэффективный политик», а в случае с К. Харрис – «неэффективный политик» (фрейм представлен только по результатам одного из 6 соответствующих текстовых запросов, в текстах о Д. Трампе он наблюдается во всех 6 случаях). Причем, в текстах о Харрис, генерируемых ИИ на основе запросов с положительными качествами политика, вообще отсутствует проявление указанного выше фрейма, что скорее свидетельствует об однозначном «отношении» ИИ к ее личностным и профессиональным качествам. Как упоминалось выше, это говорит о том, что либо были настроены алгоритмы выдачи информации соответствующим образом, либо используются массивы данных для обучения с достаточно конкретной расстановкой акцентов и приоритетов.

5. Статистические данные по ключевым выражениям-маркерам двух фреймов «эффективный политик» и «неэффективный политик» во многом подкрепляют уже сделанные заключения. Очевидно, что и в абсолютных, и в относительных значениях в текстах, посвященных К. Харрис, наблюдается ощутимо большее количество выражений-маркеров, свидетельствующих о проявлении первого из указанных фреймов, чем в текстах о Д. Трампе. Причем, наибольшее количество ключевых выражений фрейма «эффективный политик» сгенерировано в текстах о К. Харрис по запросам, посвященным успешному проведению ею экономической и внешней политики, а также ее харизматичности. Вместе с тем наибольшее количество выражений-маркеров противоположного по смыслу фрейма также представлено в текстах, сгенерированных по экономическому запросу (только в «отрицательной» формулировке), что все-таки указывает на наличие некоторой неопределенности относительно экономической политики Харрис и ее эффективности, или недостатка данных в датасетах, на основе которых шло обучение, относительно малое присутствие статей положительно оценивающих ее положение касающиеся экономики.

Вторым по количеству выражений-маркеров фрейма «неэффективный политик» применительно к ней стал текст, посвященный неуспешной национальной политике. Возможно, здесь сказывается высокий уровень критики со стороны республиканцев национальной политики при дуэте Байден – Харрис.

В случае с оппонентом К. Харрис – Д. Трампом – больше всего выражений-маркеров фрейма «эффективный политик» собрал текст по запросу об эффективной национальной политике, за ним идут тексты по эффективной внешней политике и о его харизматичности (подчеркнем, что применительно к обоим политикам искусственный интеллект «говорит» об их харизматичности). При этом ощутимо больше остальных текстов выражений-маркеров фрейма «неэффективный политик» собрал текст, посвященный неэффективности внешней политики Трампа, а также неуспешной защитой им прав и свобод человека в целом и женщин в частности. Здесь также проявляется неоднозначность «восприятия» искусственным интеллектом одного из направлений, а именно внешней политики Д. Трампа и степени ее эффективности. Только в случае с «отношением» ИИ к экономической политике К. Харрис преобладают «положительные» выражения-маркеры («эффективный политик»), в случае же с «восприятием» ИИ внешней политики Д. Трампа преобладает фрейм «неэффективный политик».

Подводя общий итог, отметим, что в сгенерированных текстах по разным запросам, посвященным двум основным кандидатам на президентский пост в США, в текстах о К. Харрис чаще представлен фрейм «эффективный политик», чем в аналогичных текстах о Д. Трампе.

В результате указанное популярное приложение искусственного интеллекта формирует и представляет свою «оценку» обоим политикам, тем самым влияя на пользователей (Petukhov et al., 2021; Petukhov et al., 2022). ИИ дает достаточно понятную оценку кандидатам и их перспективам на посту президента США, при этом сохраняя видимость «неангажированности», что может привести к искажению изначальной позиции пользователя, того, кто пришел получить информацию о происходящей предвыборной гонке.

Список литературы

- Антонов Е.В. Д. Трамп перед стартом президентской избирательной кампании 2024 года // Россия и Америка в XXI веке. 2023. Вып. 6.
- Беляков М.В., Максименко О.И. Диалоговые системы: история развития и чат-боты GPT как новая лингвосомиотическая реальность // Военно-гуманитарный альманах: материалы XVII Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. М.: Военный университет, 2023. С. 477–485.
- Рогов С.М., Рогова Н.В. Первый этап избирательной кампании в США. Март 2024 года // Россия и Америка в XXI веке. 2024. Вып. 3.
- Baum J., Villasenor J. The politics of AI: ChatGPT and political bias // Official Site of Brookings (commentary). 2023. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-politics-of-ai-chatgpt-and-political-bias/>
- Cervas J., Grofman B. Why Donald Trump should be a fervent advocate of using ranked-choice voting in 2024 // PS: Political Science & Politics. 2022. Vol. 1. No. 55. P. 1–6. <https://doi.org/10.1017/S1049096521001232>
- Gerken C. The Power to Exclude: The (mis)Treatment of unaccompanied minors under the Trump and Biden Administration // Human Rights Review. 2024. Vol. 25. P. 155–177. <https://doi.org/10.1007/s12142-024-00721-y>
- Heseltine M. Assessing Trump’s presidential endorsements while in and out of office (2018–2022) // Electoral Studies. 2023. Vol. 85. P. 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2023.102661>
- Himmelstein D.U., Woolhandler S. Recovering from Trump: Biden’s first 100 days // The Lancet. 2021. Vol. 10287. No. 397. P. 1787–1791. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)00979-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)00979-X)
- Kjeldgaard-Christiansen J. The Voice of the people: Populism and Donald Trump’s use of informal voice // Society. 2024. Vol. 3. No. 61. P. 289–302. <https://doi.org/10.1007/s12115-024-00969-7>
- abuz M., Nehring C. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 // European Political Science. 2024. <https://doi.org/10.1057/s41304-024-00482-9>
- Petukhov A.Yu., Polevaya S.A., Gorbov E.A. Modelling the Influence of RT and BBC on Cognitive Attitudes and Psychophysiological Indicators of Individuals // Opera Medica et Physiologica. 2021. Vol. 8. No. 3. P. 34–41. <https://doi.org/10.24412/2500-2295-2021-3-34-41>
- Petukhov A.Yu., Polevaya S.A., Polevaya A.V. Experimental Diagnostics of the Emotional State of Individuals Using External Stimuli and a Model of Neurocognitive Brain Activity // Diagnostics. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 125. <https://doi.org/10.3390/diagnostics12010125>

- Simon J., Sonnicksen J. A conservative (r)evolution? Constitutional–political crises, Trumpism, and long-standing trends of conservative transformations in the United States and beyond // *Politische Vierteljahresschrift*. 2024. Vol. 65. P. 213–232. <https://doi.org/10.1007/s11615-023-00527-6>
- Smith A., Bhugra D., Chisolm M.S., Oquendo M.A., Ventriglio A., Liebrez M. Ethics and disinformation on the campaign trail: psychiatry, the Goldwater Rule, and the 2024 United States presidential election // *The Lancet Regional Health – Americas*. 2024. Vol. 31. P. 100692. <https://doi.org/10.1016/j.lana.2024.100692>

References

- Antonov, E. (2023). D. Trump before the 2024 presidential electoral campaign. *Russia and America in the XXI century*, 6. (In Russ.) <https://doi.org/10.18254/S207054760029530-0>
- Baum, J., & Villasenor, J. (2023). The politics of AI: ChatGPT and political bias. *Official Site of Brookings (commentary)*. Retrieved from <https://www.brookings.edu/articles/the-politics-of-ai-chatgpt-and-political-bias/>
- Belyakov, M.V., & Maksimenko, O.I. (2023). Dialogue systems: history of development and GPT chatbots as a new linguosemiotic reality. *Voенно-gumanitarnyy al'manakh: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktual'nym problemam yazyka i kommunikatsii* (pp. 477–485). Moscow: Voenny universitet Publ. (In Russ.)
- Cervas, J., & Grofman, B. (2022). Why Donald Trump should be a fervent advocate of using ranked-choice voting in 2024. *PS: Political Science & Politics*, 1(55), 1–6. <https://doi.org/10.1017/S1049096521001232>
- Gerken, C. (2024). The Power to Exclude: The (mis)Treatment of unaccompanied minors under the Trump and Biden Administration. *Human Rights Review*, 25, 155–177. <https://doi.org/10.1007/s12142-024-00721-y>
- Heseltine, M. (2023). Assessing Trump's presidential endorsements while in and out of office (2018–2022). *Electoral Studies*, 85, 1–18. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2023.102661>
- Himmelstein, D.U., & Woolhandler, S. (2021). Recovering from Trump: Biden's first 100 days. *The Lancet*, 10287(397), 1787–1791. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)00979-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)00979-X)
- Kjeldgaard-Christiansen, J. (2024). The Voice of the people: Populism and Donald Trump's use of informal voice. *Society*, 3(61), 289–302. <https://doi.org/10.1007/s12115-024-00969-7>
- Labuz, M., & Nehring, C. (2024). On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023. *European Political Science*. <https://doi.org/10.1057/s41304-024-00482-9>
- Petukhov, A.Yu., Polevaya, S.A., & Gorbov, E.A. (2021). Modelling the Influence of RT and BBC on Cognitive Attitudes and Psychophysiological Indicators of Individuals. *Opera Medica et Physiologica*, 8(3), 34–41. <https://doi.org/10.24412/2500-2295-2021-3-34-41>
- Petukhov, A.Yu., Polevaya, S.A., & Polevaya, A.V. (2022). Experimental Diagnostics of the Emotional State of Individuals Using External Stimuli and a Model of Neurocognitive Brain Activity. *Diagnostics*, 12(1), 125. <https://doi.org/10.3390/diagnostics12010125>
- Rogov, S.M., & Rogova, N.V. (2024). The first stage of the US 2024 election campaign. *Russia and America in the XXI century*, 3. (In Russ.) <https://doi.org/10.18254/S207054760030461-4>
- Simon, J., & Sonnicksen, J. (2024). A conservative (r)evolution? Constitutional-political crises, Trumpism, and long-standing trends of conservative transformations in the United States and beyond. *Politische Vierteljahresschrift*, 65, 213–232. <https://doi.org/10.1007/s11615-023-00527-6>

Smith, A., Bhugra, D., Chisolm, M.S., Oquendo, M.A., Ventriglio, A., & Liebrez, M. (2024). Ethics and disinformation on the campaign trail: psychiatry, the Goldwater Rule, and the 2024 United States presidential election. *The Lancet Regional Health – Americas*, 31, 100692. <https://doi.org/10.1016/j.lana.2024.100692>

Сведения об авторах:

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; старший научный сотрудник Лаборатории когнитивной безопасности, Университет «Неймарк», Российская Федерация, 603057, Нижний Новгород, ул. Нартова, д. 6. ORCID: 0000-0002-3193-3423. E-mail: dmitkam@inbox.ru

Петухов Александр Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, заведующий Лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; заведующий Лабораторией когнитивной безопасности, Университет «Неймарк», Российская Федерация, 603057, Нижний Новгород, ул. Нартова, д. 6. ORCID: 0000-0002-7412-5397. E-mail: lectorr@yandex.ru

Bio notes:

Dmitriy I. Kaminchenko, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; Senior Researcher of the Cognitive Security Lab, Neimark University, 6 Nartova St, Nizhny Novgorod, 603057, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3193-3423. E-mail: dmitkam@inbox.ru

Aleksandr Yu. Petukhov, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Mathematical Methods of Political Analysis and Forecasting, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory St, Moscow, 119991, Russian Federation; Head of the Cognitive Security Lab, Neimark University, 6 Nartova St., Nizhny Novgorod, 603057, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7412-5397. E-mail: lectorr@yandex.ru

НЕЙРОСЕТИ И МЕДИА NEURAL NETWORK AND MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-788-798
EDN: RGCXVL
УДК 070:339.138

Научная статья / Research article

Нейросети для генерации иллюстраций: к проблеме адаптационных практик

О.С. Мухина , В.Ф. Олешко

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация*
 olga.mukhina@urfu.ru

Аннотация. Технологии стремительно трансформируют сферу журналистики. Феномен конвергенции давно стал нормой, а термин «текст» в медиа включает в себя не только вербальный компонент, но и многое другое: фото, видео, аудио, графику. Одним из вызовов современности стал искусственный интеллект. Многие его потенциальные возможности (генерация видео или аудио) на момент написания настоящей работы находятся на первом этапе своего развития. Однако генерация иллюстраций уже не только заслуживает внимания, но и становится значимым конкурентом для фотографов, дизайнеров и художников. Цель — показать этот процесс на примере наиболее гибкой части профессионального журналистского сообщества — медиафрилансеров, поскольку в свою деятельность они зачастую первыми внедряют новинки. В рамках исследования проведено несколько опросов с участием 281 респондента, осуществлен сравнительный анализ ситуации в штатной и внештатной журналистике. Несмотря на то что число журналистов, полностью заменивших фотобанки на генерацию иллюстраций в нейросетях, может показаться незначительным (3 и 8% соответственно), проявляется общая динамика этого процесса, который, в итоге, вряд ли приведет к полной замене творческих профессий, но, вполне возможно, оставит только лучших их представителей.

Ключевые слова: медиафриланс, журналист-фрилансер, внештатный журналист, внештатная журналистика, фотобанк, нейросеть, искусственный интеллект

Вклад авторов. О.С. Мухина — разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. В.Ф. Олешко — разработка идеи исследования, анализ данных, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мухина О.С., Олешко В.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 9 августа 2024 г.; отрецензирована 16 сентября 2024 г.; принята к публикации 10 октября 2024 г.

Для цитирования: Мухина О.С., Олешко В.Ф. Нейросети для генерации иллюстраций: к проблеме адаптационных практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 788–798. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-788-798>

Neural networks for illustration generation: towards the issue of adaptation practices

Olga S. Mukhina , Vladimir F. Oleshko

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

 olga.mukhina@urfu.ru

Abstract. Technologies are rapidly transforming the field of journalism. The phenomenon of convergence has long become the norm, and the term *text* in the media includes not only the verbal component, but also photos, videos, audio, graphics – that is, it represents a creolized text. One of the challenges of our time has become artificial intelligence. Many of its potential capabilities (video or audio generation) are at the beginning of their development at the time of writing this article. However, illustration generation is no longer just worth paying attention to, but is becoming a significant competitor for photographers, designers, and artists. The aim is to demonstrate this process using the example of the most flexible part of the professional journalistic community – freelance journalists, as it is shown in the article that they are often the first to introduce innovations into their activities. Within the framework of the research, several surveys were conducted involving 281 respondents and a comparative analysis of the situation in full-time and freelance journalism was carried out. Although the number of journalists who have completely replaced photo banks with neural network illustration generation may seem insignificant (3 and 8%, respectively), the general dynamics of this process is shown, which, ultimately, is unlikely to lead to a complete replacement of creative professions by artificial intelligence, but, quite possibly, will only leave the best of its representatives.

Keywords: freelance, media freelance, freelancer, media freelancer, freelance journalist, freelance journalism, photo bank, neural network, artificial intelligence

Author's contribution. *Olga S. Mukhina* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Vladimir F. Oleshko* – development of the research idea, data analysis, manuscript writing and editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 9, 2024; revised September 16, 2024; accepted October 10, 2024.

For citation: Mukhina, O.S., & Oleshko, V.F. (2024). Neural networks for illustration generation: Towards the issue of adaptation practices. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 788–798. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-788-798>

Введение

Цифровая эпоха кардинально трансформирует нашу жизнь в целом и сферу медиа в частности. Развиваются новые средства массовой информации, а блогеры, стримеры, гражданские журналисты и случайные свидетели событий становятся все более сильными конкурентами профессионалам. Активизируются и новые формы занятости. Фрилансеры занимают существенную и постоянную долю авторов в большинстве СМИ, а редакторы при планировании и создании контента все чаще полагаются на внештатных сотрудников (Josephi, O'Donnell, 2022; Norbäck, 2022), особенно после коронавирусной пандемии и локдауна (Himma-Kadakas, Möttus, 2021).

Новым и актуальным вызовом остается искусственный интеллект (ИИ). С его помощью уже можно создавать вполне читабельный текст, не требующий редактирования, фотореалистичные иллюстрации, делать грамотные переводы, анализировать большие объемы информации. Авторы из Московского государственного университета, изучающие вопрос использования нейросетей в СМИ, отмечают, что ведущие медиа давно используют эти технологии (Давыдов и др., 2023). Внедряют новинки в свою работу и ученые. Они даже публикуют научные статьи в соавторстве с искусственным интеллектом (Pavlik, 2023). Нейросети изучаются и в педагогических целях (Alkamel, Alwagieh, 2024), многие исследователи подчеркивают необходимость обучать этим навыкам и студентов (Rufai et al., 2024; Рогов, 2024). Не первый год исследуются и возможности генерации иллюстраций для медиа. В итоге выделяются такие популярные нейросети, как Midjourney, Stable Diffusion, DALL-E, Dream (Зими́на, 2023), описываются возможные риски того, что некоторые журналисты могут в будущем лишиться работы (Мальцев, 2022). Возникает проблема авторского права (Чумичева, 2024), поскольку точно не ясно, кто является автором конкретного изображения, сгенерированного в нейросети. Тем не менее, несмотря на некоторые проблемы, искусственный интеллект развивается и делает это очень быстро. Растет и его применение специалистами – медиакоммуникаторами, в том числе и журналистами.

В рамках настоящей статьи мы выдвинули гипотезу, что медиафрилансеры чаще генерируют изображения в нейросетях, чем их штатные коллеги. Предполагая это, мы отталкивались от следующих пунктов.

1. Труд фрилансеров больше востребован в нишевых изданиях, нежели общественно-политических, а они чаще не имеют собственных фотографий. Изображения, публикуемые в материалах таких СМИ, обычно имеют иллюстративный характер. Ранее подобные картинки медиафрилансеры искали в фотобанках. Однако в рамках развития нейросетей сгенерировать подходящий образец оказывается намного быстрее, нежели искать его, особенно если доступен только бесплатный контент.

2. Фрилансеры быстрее штатных коллег внедряют в работу новинки: они лишены обязанности многоэтапных утверждений революционных

решений; могут предложить свои услуги любому изданию — если текущий заказчик не принимает сгенерированные в нейросети иллюстрации, фрилансер легче уйдет в другое СМИ, чем штатный журналист; личная заинтересованность — ускорение работы увеличивает доход медиафрилансера, а не издания.

Методы и материалы

Проверяя свою гипотезу, мы провели несколько опросов. Формулировка вопросов была разной, поскольку они размещались на разных площадках. Безусловно, пост в социальной сети в формате «Подслушано» отличается от интервью в СМИ или опроса, проведенного лично. Однако, как бы ни был сформулирован конкретный вопрос, нас интересовало, предпочитает ли респондент нейросети фотобанкам, когда у него нет своей иллюстрации при создании контента для медиа. И ответ на данный вопрос был понятен на всех выбранных площадках.

1. Мы инициировали опрос в группе «ВКонтакте» — «Подслушано Копирайтинг»¹. Здесь стоит подчеркнуть, что границы журналистики как профессии размываются, а самоидентификация журналистов претерпевает трансформации. Современные журналисты чаще называют себя копирайтерами, райтерами, рерайтерами, контент-мейкерами, сторис-мейкерами и др. Вот и название данного паблика отражает эти тенденции, хотя его подписчики занимаются созданием контента для медиа как фрилансеры.

Вопрос был сформулирован следующим образом: «А вы чаще используете фотобанки или нейросети, когда нет своей иллюстрации, а надо?»² Варианты ответов: «фотобанки», «нейросети», «по ситуации, 50/50». Площадка также позволяет предложить собственный вариант ответа в комментарии. Вопрос был опубликован 17.04.2024 и проверен 11.05.2024.

2. Мы опубликовали опрос в группах «Медиа Фриланс»³ 09.05.2024, результаты проверили 11.05.2024. Это проект авторов настоящей статьи, созданный для медиафрилансеров. Вопрос стал частью более обширного исследования и был сформулирован следующим образом: «А вы заменили какие-то задачи на работу с ИИ? (То, что раньше вы делали регулярно, а сейчас делаете в нейросети.)» Один из ответов касался фотобанков: «Раньше приходилось искать в фотобанках иллюстрации, сейчас генерирую их в нейросети (всегда или чаще всего)».

¹ Подслушано Копирайтинг // ВКонтакте. URL: https://vk.com/pod_sory (дата обращения: 11.05.2024).

² Пост от 17.04.2024. Подслушано Копирайтинг // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-123495637_805318 (дата обращения: 11.05.2024).

³ Медиа Фриланс // ВКонтакте. URL: https://vk.com/media_freelance (дата обращения: 11.05.2024); Медиа Фриланс // Telegram. URL: <https://t.me/mediafreelance> (дата обращения: 11.05.2024).

3. В апреле 2024 года, с привлечением в качестве помощников студентов факультета журналистики Уральского федерального университета, мы провели опрос штатных и внештатных сотрудников. Вопросов было несколько. Респондент должен был обозначить свой статус (штатный или внештатный журналист). В числе вопросов: «Использовали ли Вы в работе фотобанки? Если да, то с появлением нейросетей стали ли Вы использовать фотобанки реже? Насколько реже? Например, совсем перестали использовать или используете 50/50? Какие нейросети используете?»

4. В мае 2024 года мы взяли пять экспертных интервью у медиафрилансеров на тему использования ими нейросетей в работе. Интересующий нас в рамках настоящего исследования вопрос чаще всего входил в более общий, например: «Какие виды деятельности вы заменили на работу с ИИ?», «Какими нейросетями и с какими целями вы чаще всего пользуетесь в работе?», «Давайте начнем с ваших любимых нейросетей: чем вы пользуетесь и в каких целях?» (только однажды мы сформулировали вопрос конкретнее: «Вы использовали в работе фотобанки? Заменили ли их сейчас на генерацию картинок с помощью нейросетей?»). Однако непосредственно в разговоре мы всегда конкретизировали, перечисляя возможные варианты, упоминали генерацию иллюстраций как замену фотобанков, поэтому в ответах позиция героя по данной теме во всех интервью отражена. Интервью опубликованы в пабликах «Медиа Фриланс» 5, 7, 9, 11 и 13 мая.

В общей сложности мы получили ответы от 281 респондента (101 штатного журналиста и 180 медиафрилансеров). Тем не менее, настоящее исследование мы, конечно, считаем пилотным, разведывательным и отражающим скорее общие тенденции и мнения, нежели точные цифры, поскольку для получения конкретных данных выборка должна быть не меньше тысячи человек. Кроме того, большинство наших респондентов проживает в Екатеринбурге, поэтому было бы неверно экстраполировать данные на всю Россию или мир. Относительно сферы медиа ситуация также может отличаться в различных СМИ и при выполнении разного типа работ. Ввиду указанных ограничений характер исследования мы определяем как пилотный.

В качестве дополнительного аргумента провели анализ посещаемости одного из популярных бесплатных фотобанков Pixabay⁴, предположив в качестве гипотезы, что посещаемость его падает с развитием нейросетей.

Мы также проанализировали популярный сайт вакансий HeadHunter⁵ на предмет упоминаний в тексте вакансий для журналистов нейросетей, осуществили поиск по удаленным вакансиям и на полный день, чтобы сравнить показатели. Мы предположили, что от внештатных авторов работодатели (заказчики) чаще требуют навыки работы с нейросетями.

⁴ Pixabay. URL: <https://pixabay.com> (дата обращения: 13.08.2024).

⁵ HeadHunter. URL: <https://hh.ru> (дата обращения: 13.08.2024).

Результаты и обсуждение

Говоря об иллюстрациях, создаваемых нейросетями, начнем с того, что сгенерированные картинки не используются (и не должны!) в общественно-политических изданиях при освещении реальных событий (хотя и здесь можно представить ситуацию, когда необходима графика или воссоздание события при отсутствии или недостаточности фотографий и видео).

Вместе с тем, как уже упоминалось выше, существует огромное количество нишевых, узкоспециализированных изданий, где изображения выполняют сугубо иллюстративную функцию. Ранее такие СМИ использовали фотобанки: крупные издания – собственные, средние – вкладывались в платную подписку (самым популярным остается Shutterstock), мелкие – бесплатные (наиболее востребованный – Pixabay). Однако в бесплатном фотобанке довольно сложно найти иллюстрацию, которая идеально подходит под формат издания и отражает содержание публикации. Из собственного опыта в практической журналистике добавим, что поиск одного нужного изображения может занять часы, и замена такой работы на генерацию в нейросети выглядит весьма логичным решением.

Однако наш опрос показал, что лишь немногие полностью заменили фотобанки на работу с нейросетями: всего 3% штатных журналистов и 8% медиафрилансеров.

Штатные журналисты чаще фрилансеров полностью отвергают идею использования нейросетей для генерации иллюстраций в СМИ (64 против 22%). Нередко это объясняется политикой и форматом издания («Наше СМИ предпочитает традиционные методы»; «Это будет противоречить формату издания»; «Работаю в госиздании, и тут не приветствуется использование других источников, в частности нейросетей»; «Мы про объективность и достоверность сведений – про реальность. И если к нашим материалам о “реальности” тут же добавлять “искусственные” фотографии, у наших читателей это вызовет диссонанс») или его тематикой («В спортивных СМИ фото эмоций важнее»; «Для нашего контента нужны реальные фотографии мест»).

В основном штатные журналисты считают, что генерация картинок в нейросети используется для развлекательного контента («ИИ сейчас используем только при работе с развлекательным контентом: создание мемов, генерация развлекательных картинок»; «На некоторые праздники можно повеселиться и, например, заставить нейросеть раскрасить пасхальные яйца»; «У нас мало развлекательного контента, который по большей части генерируют AI») или узких прикладных задач (инфографики, редактирования старых фотографий).

В противоположность этому подходу медиафрилансеры, отвергающие ИИ, объясняют свои действия низким качеством результата («Нейросеть все-таки генерирует не всегда то, что надо»; «Пока не полностью понимает, что я хочу»). Однако те, кто освоил навыки формулирования

промтов, отказываются от фотобанков в большей или меньшей степени («Раньше мы использовали фотобанки на полную катушку, но с появлением генеративных нейросетей лично для меня обращение к фотобанкам ушло в ноль, кроме очень точных репортажных фото»).

Показательно и сравнение штатных и внештатных журналистов, использующих и фотобанки и нейросети. Штатные коллеги при этом чаще склоняются к фотобанкам (22%, при незначительном проценте тех, кто использует ИИ, или и то, и другое 50/50). Фрилансеры, практикующие оба варианта, тоже чаще предпочитают фотобанки (29%), но доля остальных уже заслуживает внимания: почти 18% больше склоняются к ИИ и 24% используют их 50/50.

Таким образом, можно констатировать, что медиафрилансеры значительно чаще штатных коллег используют нейросети для генерации изображений. Данный вывод подтверждает нашу гипотезу и объясняется следующим:

- изображения с иллюстративной функцией чаще применяются в нишевых, узкоспециализированных изданиях, где работают в основном фрилансеры, а вот общественно-политические СМИ, имеющие большой штат, в большинстве случаев, конечно, должны иметь реальные фотографии и видео;

- фрилансер, работающий в одиночестве и нередко без посещения реальных мест и мероприятий, часто не имеет собственных фотографий — в противовес штатным коллегам, обычно имеющим фотографа и фотоархив издания.

Назовем также причины, озвученные ранее:

- личная заинтересованность фрилансера в ускорении процесса (когда сгенерировать быстрее, чем искать в фотобанке);

- отсутствие многоэтапных утверждений при внедрении новинок и возможность сотрудничать с любыми СМИ;

- мотивация фрилансеров к самообразованию, что позволяет им освоить искусство формулирования промтов.

Среди популярных для генерации иллюстраций нейросетей лидируют Midjourney и Kandinsky. Упоминались также Stable Diffusion, Leonardo, «Шедеврум», Dream by Wombo, ArtGeneration, Bing Image Creator, Starryai, DeepAI и др.

В дополнение 13.08.2024 мы провели поиск по вакансиям для журналистов, используя один из наиболее популярных и активных сайтов вакансий — HeadHunter. Мы зашли в расширенный поиск и указали следующие данные:

- специализация — «Журналист, корреспондент» и «Копирайтер, редактор, корректор»;

- убрали регион;

- график работы — «Удаленная работа»;

- выводить — «За все время»;

- остальное отметили как не имеющее значения.

В строке с ключевыми словами указали: «искусственный интеллект», OR нейросеть, OR Midjourney, OR Kandinsky, OR Stable Diffusion, OR Leonardo, OR «Шедеврум», OR Dream by Wombo, OR ArtGeneration, OR Bing Image Creator, OR Starryai OR DeepAI. Запрос означает, что мы просим систему найти любое из этих слов/словосочетаний и допускаем разные падежи. Галочками отметили, что искать данные слова надо только в названии или описании вакансии. Система выдала нам 272 вакансии, без ключевых слов – 1169.

Затем мы провели аналогичный поиск, только в качестве графика работы указали «полный день». Несмотря на то что такая опция предполагает офисную работу, мы не стали ограничивать поиск конкретным регионом. Результаты следующие: с указанными ключевыми словами – 57 вакансий, без ключевых слов – 1460.

Таким образом, если журналист ищет удаленную работу, то 23% предложений на рынке требуют умения работать с нейросетями, а если офисную, – то менее 4%. Логично, что медиафрилансеры больше стремятся освоить данный навык, чем штатные журналисты. Конечно, тут возможна погрешность: работодатель (заказчик) мог указать, например, слово «нейросеть» в рамках обязанности генерировать текст, а не иллюстрации, или написать: «В работе нельзя использовать нейросети». Он мог указать другую (не перечисленную нами) нейросеть или написать ее название с ошибкой. Однако в рамках данной статьи нас больше интересует разница между штатной и внештатной журналистикой, и, думается, наши цифры демонстрируют существенный разрыв.

Мы также изучили статистику посещаемости фотобанка, выбрав наиболее популярный из бесплатных – Pixabay. Проанализировали его с помощью сервиса Similarweb⁶. Он выдает информацию о посещаемости за последние три месяца, но у нас есть сведения с декабря 2023 по июль 2024 года включительно, поскольку мы проверили его 28.03.2024, 12.05.2024 и 13.08.2024. Руководствуясь полученной статистикой, можно сделать вывод, что за указанный период посещаемость фотобанка Pixabay упала с 36 до 32 млн посетителей в месяц, то есть более чем на 11%. Полагаем, что это также является подтверждением вышеизложенной статистики, которая демонстрирует, что для части журналистов фотобанки полностью или частично заменены нейросетями.

Заключение

Искусственный интеллект на данном этапе еще развивается. Однако уже сейчас он позволяет снять с человека примитивные задачи, а также позволяет создавать что-то тем, кто от природы не обладает творческими способностями. Креатив искусственного интеллекта подвергается (зача-

⁶ Similarweb. URL: <https://similarweb.com> (дата обращения: 13.08.2024).

стью справедливой) критике, но сложно спорить с тем, что индивид, не обладающий навыками художника, способен сделать иллюстрацию, которая будет в точности отражать заданную тему и будет в нужном стиле, в том числе фотореалистичном. Для этого нужно лишь освоить искусство формулирования промтов.

Профессиональные художники, дизайнеры и фотографы часто критикуют «искусственные» иллюстрации: иногда заслуженно, а порой из страха за собственное будущее. Но стоит согласиться с исследователями, отмечающими, что нейросеть – это просто инструмент. Настоящим творцам она не конкурент, а помощник, освобождающий время для истинного творчества. Некоторые издания определенно выберут сэкономить бюджет, если для их концепции сгенерированных иллюстраций вполне достаточно. И этот путь начинается с отказа от фотобанков.

Рискнем предположить, что с дальнейшим развитием искусственного интеллекта работа художника, дизайнера и фотографа останется преимущественно в самых крупных изданиях с большим бюджетом, а «ручной» труд в данной сфере будет оплачиваться выше, к примеру, как сейчас ручная вышивка или авторская мебель, если сравнивать услугу с привычным машинным производством. Эта работа перейдет в разряд VIP-качества: в профессии останутся только лучшие специалисты, а в числе заказчиков и потребителей – особые ценители.

Список литературы

- Давыдов С.Г., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Лукина М.М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 5. С. 3–21. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2023.321>
- Зимина Л.В. Нейросети в книгоиздательской индустрии // Библиография и книговедение. 2023. № 2. С. 48–66. <https://doi.org/10.25281/2411-2305-2023-2-48-66>
- Мальцев Н.Д. Использование нейросетевых технологий в масс-медиа // Журналистика в эпоху цифровых трансформаций: ценности и практики. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. С. 38–45.
- Рогов А.А. Технологии искусственного интеллекта и нейросети в дизайне // Дизайн-образование – XXI век. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Белгород: БГИИК, 2024. С. 40–43.
- Чумичева Н.В. К вопросу о правовом регулировании использования нейросетей для создания фото- и видеоконтента // Современные научные исследования: исторический опыт и инновации. Сборник материалов XX Международной (политематической) научно-практической конференции. Краснодар: ИМСИТ, 2024. С. 82–86.
- Alkamel M.A.A., Alwagieh N.A.S. Utilizing an adaptable artificial intelligence writing tool (ChatGPT) to enhance academic writing skills among Yemeni university EFL students // *Social Sciences & Humanities Open*. 2024. Т. 10. Р. 101095. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101095>

- Josephi B., O'Donnell P. The blurring line between freelance journalists and self-employed media workers // *Journalism*. 2022. Т. 24. No. 1. P. 139–156. <https://doi.org/10.1177/14648849221086806>
- Himma-Kadakas M., Möttus M. Ready to Hire a Freelance Journalist: The Change in Estonian Newsrooms' Willingness to Outsource Journalistic Content Production // *Central European Journal of Communication*. 2021. Т. 14. No. 1(28). P. 27–43. [https://doi.org/10.51480/1899-5101.14.1\(28\).2](https://doi.org/10.51480/1899-5101.14.1(28).2)
- Norbäck M. Maintaining a Freelance Career: How Journalists Generate and Evaluate Freelance Work // *Journalism Studies*. 2022. Т. 23. No. 10. P. 1141–1159. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2022.2073257>
- Pavlik J.V. Collaborating with ChatGPT: Considering the Implications of Generative Artificial Intelligence for Journalism and Media Education // *Journalism & Mass Communication Educator*. 2023. Т. 78. No. 1. P. 84–93. <https://doi.org/10.1177/10776958221149577>
- Rufai A.A., Khan M.S.H., Hasan M. An exploration of pedagogical approaches in teaching artificial intelligence courses: Experience from undergraduates students of Bangladesh // *Social Sciences & Humanities Open*. 2024. Т. 10. P. 101075. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101075>

References

- Alkamel, M.A.A., & Alwagieh, N.A.S. (2024). Utilizing an adaptable artificial intelligence writing tool (ChatGPT) to enhance academic writing skills among Yemeni university EFL students. *Social Sciences & Humanities Open*, 10, 101095. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101095>
- Chumicheva, N.V. (2024). On the issue of legal regulation of the use of neural networks to create photo and video content. *Modern scientific research: historical experience and innovations. Proceedings of the XX International (polythematic) scientific and practical conference* (pp. 82–86). Krasnodar: IMSIT Publ. (In Russ.)
- Davydov, S.G., Zamkov, A.V., Krashennnikova, M.A., & Lukina, M.M. (2023). The use of artificial intelligence technologies in Russian media and journalism. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika*, (5), 3–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2023.32>
- Josephi, B., & O'Donnell, P. (2022). The blurring line between freelance journalists and self-employed media workers. *Journalism*, 24(1), 139–156. <https://doi.org/10.1177/14648849221086806>
- Himma-Kadakas, M., & Möttus, M. (2021). Ready to Hire a Freelance Journalist: The Change in Estonian Newsrooms' Willingness to Outsource Journalistic Content Production. *Central European Journal of Communication*, 14(1), 27–43. [https://doi.org/10.51480/1899-5101.14.1\(28\).2](https://doi.org/10.51480/1899-5101.14.1(28).2)
- Malcev, N.D. (2022). The use of neural network technologies in mass media. In *Journalism in the era of digital transformations: Values and practices. Proceedings of the X International Scientific and practical Conference* (pp. 38–45). Tambov: Derzhavinsky Publ. (In Russ.)
- Norbäck, M. (2022). Maintaining a Freelance Career: How Journalists Generate and Evaluate Freelance Work. *Journalism Studies*, 23(10), 1141–1159. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2022.2073257>
- Pavlik, J.V. (2023). Collaborating with ChatGPT: Considering the Implications of Generative Artificial Intelligence for Journalism and Media Education. *Journalism & Mass Communication Educator*, 78(1), 84–93. <https://doi.org/10.1177/10776958221149577>
- Rogov, A.A. (2024). Technologies of artificial intelligence and neural networks in design. *Design education – the XXI century. Proceedings of the Russian scientific and practical conference with international participation* (pp. 40–43). Belgorod: BGIK. (In Russ.)

- Rufai, A.A., Khan, M.S.H., & Hasan, M. (2024). An exploration of pedagogical approaches in teaching artificial intelligence courses: Experience from undergraduates students of Bangladesh. *Social Sciences & Humanities Open*, 10. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101075>
- Zimina, L.V. (2023). Neural Networks in the Book Publishing Industry. *Bibliography and Bibliology*, (2), 48–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.25281/2411-2305-2023-2-48-66-23>

Сведения об авторах:

Мухина Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620000, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. ORCID: 0000-0001-8791-6086. E-mail: olga.mukhina@urfu.ru

Олешко Владимир Федорович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620000, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. ORCID: 0000-0003-3001-7391. E-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Bio notes:

Olga S. Mukhina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department Periodical Press and Online Media, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19 Mira St, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8791-6086. E-mail: olga.mukhina@urfu.ru

Vladimir F. Oleshko, Grand PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Periodical Press and Online Media, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19 Mira St, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3001-7391. E-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

АКСИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ AXIOLOGY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-799-809

EDN: RIMQJW

УДК 304

Научная статья / Research article

Структурирование метавселенной сквозь инфо-ноосферную оптику

А.А. Ефанов

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
✉ yefanoff_91@mail.ru*

Аннотация. Структурирование виртуальной вселенной рассматривается в контексте формирования глобального информационного пространства как обособления части ноосферы. Теоретико-методологическая основа исследования зиждется на ноосферной теории В.И. Вернадского и волновой концепции цивилизации Э. Тоффлера. Используется комплекс методов: структурный анализ; систематизация; моделирование; кейс-стади. В результате делаются выводы, что метавселенная – это инфо-ноосферное образование, приобретающее пространственную форму вследствие «бесшовной» симуляции, реализующее в своей диспозиции социальные практики и на данном основании выстраивающее общественную структуру современного неоинформационного общества. Метавселенная становится все более расширяющейся субформой социального пространства (внутри родовой категории), гармонично интегрирующей социокультурный и медийный уровни, обуславливая их значительную синкретичность. Метавселенная рассматривается как высший уровень реализации трансмедийных расширений, обеспечивающий подчиненность медиа-процессам как в онлайн-, так и офлайн-режимах. Метавселенная имеет усложненную структуру, аккумулирующую дифференцированные платформы, которые объединяются в экосистемы (цифровые), детерминируя «капитализм платформ», держателем которых выступает цифровая элита.

Ключевые слова: медиа, виртуальная реальность, ноосфера, инфосфера, экосистема, капитализм платформ, цифровая элита

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17 июля 2024 г.; отрецензирована 2 августа 2024 г.; принята к публикации 10 сентября 2024 г.

© Ефанов А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ефанов А.А. Структурирование метавселенной сквозь инфо-ноосферную оптику // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 799–809. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-799-809>

The structuring of the metaverse through the info-noospheric optics

Aleksandr A. Yefanov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ yefanoff_91@mail.ru

Abstract. The structuring of the virtual universe is considered in the context of the formation of the global information space as the separation of a part of the noosphere. The theoretical and methodological basis of the study is based on the noospheric theory of V.I. Vernadsky and the wave concept of civilization of E. Toffler. A set of methods is used: structural analysis; systematization; modeling; case study. Based on the results of the study, it is concluded that the metaverse is an info-noospheric formation, which, as a result of seamless simulation, acquires a spatial form, implements social practices in its disposition and, on this basis, builds the social structure of the modern neo-information society. The metaverse is becoming an increasingly expanding subform of social space (within its generic category), harmoniously integrating the socio-cultural and media levels, causing their significant syncretism. The metaverse is considered as the highest level of implementation of transmedia extensions, ensuring subordination to media processes both in online and offline modes. The metaverse has a complex structure, accumulating differentiated platforms that are united into ecosystems (digital), determining platform capitalism, as holders of which is the digital elite.

Keywords: media, virtual reality, noosphere, infosphere, ecosystem, platform capitalism, digital elite

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted July 17, 2024; revised August 2, 2024; accepted September 10, 2024.

For citation: Yefanov, A.A. (2024). The structuring of the metaverse through the info-noospheric optics. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 799–809. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-799-809>

Введение

Рубеж второго и третьего десятилетий XXI века во многом стал своего рода точкой невозврата в области коммуникаций и медиа – интенсификантом цифровой революции, «цифровой метаморфозы» (Беск, 2016), «цифровой цивилизации» (Экосистема..., 2021). В 2021 году основатель

во многом беспрецедентной платформы – социальной сети Facebook¹ (Pugachev et al., 2023, p. 468) – заявил о прорывном направлении не только для своей корпорации, но и для интернета в целом – взятом курсе на конструирование метавселенной (Volkova et al., 2024, p. 167). Понятие «метавселенная» автор позаимствовал из культового фантастического романа Н. Стивенсона «Лавина» (1992), которым вдохновился еще в юности. В романе повествуется о том, как в недалеком будущем крупные корпорации воссоздадут трехмерную не столько виртуальную, сколько дополненную реальность, где люди посредством медиатехнологий смогут значительно «расширять» свои возможности (Стивенсон, 2019, с. 61). Это своего рода отсылка к фундаментальным положениям теории Г.М. Маклюэна, – приобретению иных социокультурных ролей и статусов (Маклюэн, 2003), наращиванию символического капитала. Если апеллировать к подходу структуралистского конструктивизма П. Бурдьё, можно заметить усиление триады базовых разновидностей символического капитала: социального, культурного и экономического (Бурдьё, 2005, с. 49), а также публичного (Ефанов, 2023).

Провозгласив для своего флагманского проекта Facebook название Meta², по сути запустив процессы ребрендинга и рестайлинга (Volkova et al., 2023, p. 251), М. Цукерберг объяснил изменения (которые, по мнению автора, якобы не преследуют исключительно бизнес-интересы корпорации) следующим образом: «Facebook по-прежнему является популярным приложением среди наших пользователей. Но есть люди, которые хотят просто использовать WhatsApp или Instagram³, или быть в VR или AR. Поэтому важно, чтобы пользователи знали, что независимо от того, что произойдет с учетной записью Facebook или аккаунтом Instagram, все равно останется весь контент и купленные виртуальные товары. Вы сможете привязать свой аватар к одной из этих учетных записей или к вашей общей личности в различных семействах приложений»⁴.

Перефразируя идиому о том, что дьявол кроется в деталях, О.Н. Гуров придерживается критической позиции относительно метавселенной: «Очевидно, идет ли речь о расширении сферы развлечений, получении большего доступа к персональным данным пользователей, или же об обретении полного контроля над пользователями, – главным для метавселенных остается извлечение сверхприбыли, и ради этого концепция метавселенных будет продвигаться и интегрироваться в культуру под самыми

¹ Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Организация Meta признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³ Социальная сеть Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Meta-вселенная Facebook: главное из интервью Марка Цукерберга The Verge // РБК Тренды. 2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fbbc79a79476037fa0591> (дата обращения: 12.03.2024).

благозвучными предложениями, как благо и как инструмент улучшения качества жизни, предлагающий человеку новые возможности для самовыражения. Текущее развитие цифровых технологий, безусловно, несет риски расчеловечивания и потери человеком своих позиций при конвергенции антропосферы с техносферой» (Гуров, 2022, с. 40). Указанное утверждение корреспондирует с тезисом о постчеловеке и идеей о трансгуманизме.

Несмотря на то что проект М. Цукерберга претендует на революционность в мире современных медиакоммуникаций (реализация коммуникации посредством аватаров, представленность контента голограммами), нельзя не обратить внимание на продвижение продуктов своей корпорации (создание виртуального дома *Horizon Home* и виртуального рабочего пространства *Horizon Workrooms*), а значит, сохранение за базовыми проектами (преимущественно *Meta*) статуса лидеров субполя социальных медиа, которые, очевидно, в медиакоммуникационных реалиях усиливают свое влияние на повседневность субъектов по всему миру (Ефанов, 2022, с. 10). Однако не только сам концепт метавселенной не является новаторским и абсолютно оригинальным, но и ряд обозначенных идей уже активно реализуется в креативных индустриях, с теоретических позиций предполагая некоторую артикуляцию (актуализацию знания) в контексте новой медиакоммуникационной парадигмы.

Методология исследования

Цель исследования – фиксация структуры метавселенной на основании критического (пере)осмысления базовой категории, сопряженной с объектом изучения. Теоретико-методологической основой выступают ноосферная теория В.И. Вернадского и волновая концепция цивилизации Э. Тоффлера. Примеряются структурный анализ, систематизация, моделирование, кейс-стади.

Результаты и обсуждение

Основной методологической уязвимостью предлагаемого М. Цукербергом понимания метавселенной на индустриальном уровне является выстраивание трехмерной виртуальной реальности, позволяющей реализовывать прежде всего коммуникативные практики: «Определяющим качеством метавселенной будет ощущение присутствия – будто ты прямо там с другим человеком или в другом месте. Чувствовать себя по-настоящему присутствующим с другим человеком – это конечная мечта социальных технологий. Поэтому мы сосредоточены на построении этого»⁵. Впоследствии на презентации своей концепции М. Цукерберг все же

⁵ Цукерберг в роли волшебника страны ОЗ // *Завтра.ру*. 2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/tcukerberg_v_rol_i_volsheb_nika_strani_oz (дата обращения: 12.03.2024)

попытался уточнить: «Метавселенная — это больше чем виртуальная и/или дополненная реальность, — сам концепт *virtus* особым образом обозначается в основных проектных материалах (тезисы о создании виртуального дома и рабочего пространства). Исходя из активно наблюдаемого в настоящих социокультурных и медиакоммуникационных реалиях метапроцесса глубинной медиатизации, происходит расширение возможностей VR- и AR-технологий» (Ефанов, 2021, с. 324), тем самым обуславливая (вос)создание особой формы социального пространства. Метавселенная функционирует посредством наиболее органично инкорпорируемых в среду генеративных моделей искусственного интеллекта, предназначенных для работы с «большими данными».

В этой связи следует обратить внимание на предложенную М. Боллом интерпретацию метавселенной как «обширной сети постоянных, визуализируемых в реальном времени трехмерных миров и симуляций, которые поддерживают непрерывность идентичности, объектов, историй, платежей, прав и могут быть испытаны синхронно практически неограниченным количеством пользователей, каждый с индивидуальным чувством присутствия» (Ball, 2022, р. 38). Очевидно, можно подтвердить правомочность постулирования, что метавселенная выступает как высшая степень «симуляции социальной реальности» (Бодрийяр, 2015), за счет современных медиатехнологий позволяя осуществлять основные социальные практики. Обеспечивая гармонизацию (с точки зрения восприятия со стороны социальных субъектов — пользователей) реализации технологий нативности и таргетинга, метавселенная глобализирует медиавоздействие, при этом делая его максимально адресным и фокусированным.

Однако стоит подчеркнуть, что М. Болл уделяет недостаточное внимание осмыслению архитектоники метавселенной (вероятно, это обусловлено усеченностью используемого автором теоретико-методологического аппарата). Для понимания сущности метавселенной высвечивание данного аспекта имеет принципиальное значение.

Обоснование структуры метавселенной представляется возможным осуществить, прежде всего, посредством обращения к ноосферной концепции В.И. Вернадского. В своих трудах ученый последовательно объясняет, что ноосфера — это «биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшими сотнями миллионов, может быть миллиардов, лет процессом, создавшим *Homo Sapiens Faber*, не есть кратковременное и преходящее геологическое явление... Цивилизация “культурного человечества”, поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически сложившейся организованности биосферы» (Вернадский, 1988, с. 46). Иными словами, поступательно разворачиваемый научно-технический прогресс предопределяет установившийся призмат разума и, соответственно, появление «человека разумного».

При этом стоит подчеркнуть, что научная рефлексия В.И. Вернадского преимущественно сопряжена с социокультурными прецедентами конца XIX – первой половины XX веков и не фокусировалась на динамическом развитии медиакоммуникаций второй половины XX века, когда стала особенно устойчиво обозначаться прямая связь между разумом и знанием, а также начала наиболее интенсивно развиваться медиакультура. В этой связи, базируясь на научных разработках В.И. Вернадского, в 1970 году К. Боулдинг заявляет о существовании инфосферы (наряду с пятью другими взаимосвязанными, но в то же время дискретными сферами «жизни», в широком смысле – социосферой, биосферой, гидросферой, литосферой и атмосферой), которая, по мнению автора, «состоит из входных и выходных данных разговоров, книг, телевидения, радио, выступлений, церковных служб, занятий и лекций, а также информации, полученной из физического мира путем личного наблюдения... Очевидно, что это самостоятельный сегмент социосферы, и он действительно претендует на доминирование над другими сегментами. Можно утверждать, что разработка любого рода – это по сути процесс обучения, который в первую очередь зависит от сети информационных потоков» (Boulding, 1970, p. 43). Инфосфера находится в диспозиции ноосферы, выступает ее корневой основой, обеспечивающей реализацию когнитивных процессов.

Впоследствии Э. Тоффлер дополняет: «Что неизбежно ясно, во что бы мы ни верили, так это то, что мы коренным образом меняем нашу инфосферу.. Мы добавляем совершенно новые слои коммуникации в социальную систему. По сравнению с формирующейся инфосферой третьей волны инфосфера эпохи второй волны, в которой доминировали средства массовой информации, почта и телефон, кажется безнадежно примитивной» (Тоффлер, 2009, с. 318). Несмотря на то что авторское утверждение было впервые обозначено в легендарной книге «Третья волна» еще в 1980 году, задолго до приобретения полем интернета статуса доминирующего канала коммуникации, в целом ключевые положения теории Э. Тоффлера кажутся весьма перспективными, опередившими свое время (прежде всего, за счет представления волн, сопряженных с развитием медиакоммуникаций).

В свою очередь, метавселенная – это инфо-ноосферное образование, вследствие «бесшовной» симуляции приобретающее пространственную форму, реализующее в своей диспозиции рутинизированные и ритуализированные социальные практики и на данном основании выстраивающее социальную структуру современного неоинформационного общества. Метавселенная становится все более расширяющейся субформой социального пространства (внутри своей родовой категории), гармонично интегрирующей социокультурный и медийный уровни, обуславливая их значительную синкретичность. Метавселенная – высший уровень

реализации трансмедийных расширений (Algavi et al., 2023), обеспечивающий подчиненность медиапроцессам как в онлайн-, так и офлайн-режимах.

Несмотря на то что в медиадискурсе нередко присутствует номинация метавселенной во множественном числе, подобное понимание выглядит не совсем релевантным и обоснованным. Метавселенная – единое конгломератное образование с разветвленной усложненной структурой, аккумулирующей дифференцированные платформы, которые зачастую объединяются в (цифровые) экосистемы – «системы взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов среды, обеспечивающих на базе информационных технологий качественно новые способы и механизмы хозяйствования, включая электронное взаимодействие участников гражданского и торгового оборота, единое цифровое пространство, а также взаимопроникновение цифровой культуры, сознания и ценностей в современном обществе» (Barykin et al., 2020, p. 5). Данные экосистемы преимущественно позволяют интегрировать различные сервисы одной компании-гиганта либо компаний-партнеров, наблюдается синтез ресурсов компании-лидера и ее дочерних активов (Поляков, 2023).

При этом подобные экосистемы, как правило, ориентированы на функционирование под единым брендом, обеспечивающим позиционирование на уровне нейминга, следовательно, формирование лояльности, а вместе с тем успешное продвижение предлагаемой линейки разнородных товаров и услуг. Однако в некоторых случаях сервисы данных экосистем могут не соотноситься с родовым брендом. Указанные закономерности могут быть связаны как с поглощением со стороны компании-гиганта определенных субъектов (например, приобретение «Яндексом» «Деливери» у VK в обмен на «Яндекс.Дзен» и «Яндекс.Новости»), так и в случае попытки сделать тот или иной актив менее сопряженным с родовым брендом на уровне нейминга – для расширения сферы влияния на рынке (ренейминг «СберМаркета» в «Купер»).

Наиболее успешные практики конструирования (цифровых) экосистем на российском рынке принадлежат компаниям «Яндекс» (около 50 сервисов) и «Сбер» (около 30). Усиливают свои позиции в развитии (цифровых) экосистем МТС (более 10 сервисов) и VK (порядка 40 – за счет слияния с активами Mail.ru), во многом ориентирующиеся на трансмедийные расширения своих флагманских проектов – мероприятий МТС Live и VK Fest. Данные компании по принципу диверсификации расширяют сферы услуг, упрочивают свое положение в семи основных сегментах (E-Commerce, Food-Tech & Mobility, Развлечения, Здоровье, B2B-сервисы, Маркетинг, Прочие нефинансовые услуги).

Таким образом, компаниям удается укрепить сферу своего влияния, детерминируя «капитализм платформ» как ключевой тренд западной культуры начала XXI века. Платформа становится все более влиятельной формой организации бизнеса, заточенной на то, чтобы монополизировать

данные, затем извлекать их, анализировать, использовать и, наконец, продавать (Срничек, 2019, с. 78). Однако не стоит ограничивать властный ресурс платформ исключительно влиянием на потребительскую культуру (в узком смысле). «Капитализм платформ» непосредственно воздействует на массовую и медиакультуру, а также непрямым образом (в том числе латентно для пользователей) проявляется относительно политической культуры.

В этой связи в современном неоинформационном обществе наблюдается институционализация цифровой элиты как устойчивой привилегированной группы, представители которой оказывают управленческое воздействие посредством таких инструментов, как цифровые платформы, новые формы контроля над различными ресурсами. Влияние на траектории цифровой трансформации традиционных политических институтов позволяет им создавать как публичную повестку дня, так обуславливать принятие социально значимых решений (Кочетков, Мамычев, 2024, с. 135). Цифровая элита выступает в качестве держателей основных платформ метавселенной, объединенных в доминирующие (цифровые) экосистемы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что метавселенная – это инфо-ноосферное образование, вследствие «бесшовной» симуляции приобретающее пространственную форму, реализующее в своей диспозиции социальные практики и на данном основании выстраивающее социальную структуру современного неоинформационного общества. Метавселенная становится все более расширяющейся субформой социального пространства (внутри своей родовой категории), гармонично интегрирующей социокультурный и медийный уровни, обуславливая их значительную синкретичность. Метавселенная – высший уровень реализации трансмедийных расширений, обеспечивающий подчиненность медиапроцессам как в онлайн-, так и офлайн-режимах.

Метавселенная имеет усложненную структуру, аккумулирующую дифференцированные платформы, которые объединяются в экосистемы (цифровые), детерминируя «капитализм платформ», держателем которых выступает цифровая элита.

Список литературы

- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 238 с.
- Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

- Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
- Гуров О.Н.* Метавселенная – из сумерек во тьму перелетая? // Наука телевидения. 2022. Т. 18. № 1. С. 11–46. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2022-18.1-11-46>
- Ефанов А.А.* Интенсификация медиатизации социальных институтов в детерминантах пандемии коронавируса // Пользовательский контент в современной коммуникации: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Челябинск, 22–23 апреля 2021 г. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2021. С. 322–325.
- Ефанов А.А.* Метавселенная как новый медиафеномен: первые исследовательские штрихи к концептуализации // Журналистика цифровой эпохи: антропологический поворот: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 14–15 апреля 2022 г. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. С. 10–12.
- Ефанов А.А.* Структура символического капитала в современной коммуникационной среде: цифросетевая прогрессия // Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 2. С. 51–57. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-2-51-57>
- Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 135–145. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10>
- Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Жуковский: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
- Поляков М.Л.* Взаимодействие цифровых платформ и государств: события и явления 2019–2022 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 116–120.
- Срничек Н.* Капитализм платформ // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 1. С. 72–82.
- Стивенсон Н.* Лавина. М.: Fanzon, 2019. 544 с.
- Тоффлер Э.* Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова. М.: АСТ, 2009. 795 с.
- Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / И.И. Волкова, И.Н. Кемарская, Л.К. Лободенко и др.; под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. 252 с.
- Algavi L., Volkova I., Kovalev G., Budtsov G.* Qanon as a Transmedia Storytelling // Media Education. 2023. No. 1. P. 3–9. <https://doi.org/10.13187/me.2023.1.3>
- Ball M.* The Metaverse: and how it will revolutionize everything. New York: Liveright, 2022. 352 p.
- Barykin S., Kapustina I., Kirillova T., Yadykin V.* Economics of Digital Ecosystems // Journal of Open Innovation. 2020. Vol. 6. № 4. P. 2–16. <https://doi.org/10.3390/joit-mc6040124>
- Beck U.* The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016. 200 p.
- Boulding K.E.* Economics as a Science. New York: McGraw-Hill, 1970. 157 p.
- Pugachev A., Kharchenko A., Volkova I.* Representation of Players' Experiences in Fanfiction: A Case Study of Gacha-game Genshin Impact // Media Education. 2023. No. 3. P. 466–472. <https://doi.org/10.13187/me.2023.3.466>
- Volkova I., Chen X., Shilina M.* Gender Social Media Marketing: The Female Dimension in China // International Journal of Media and Information Literacy. 2023. Т. 8. No. 1. P. 246–254. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2023.1.246>
- Volkova I., Han J., Algavi L., Lazutova N.* The Impact of Cultural Factors on Chinese Teenagers' Self-presentation in Douyin's Videos // Media Education. 2024. No. 1. P. 164–171. <https://doi.org/10.13187/me.2024.1.164>

References

- Algavi, L., Volkova, I., Kovalev, G., & Budtsov, G. (2023). Qanon as a Transmedia Storytelling. *Media Education*, (1), 3–9. <https://doi.org/10.13187/me.2023.1.3>
- Ball, M. (2022). *The Metaverse: and How it will Revolutionize everything*. New York: Liveright.
- Barykin, S., Kapustina, I., Kirillova, T., & Yadykin, V. (2020). Economics of Digital Ecosystems. *Journal of Open Innovation*, 6(4), 2–16. <https://doi.org/10.3390/joitmc6040124>
- Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and Simulations*. Moscow: POSTUM Publishing House. (In Russ.)
- Beck, U. (2016). *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Boulding, K.E. (1970). *Economics as a Science*. New York: McGraw-Hill.
- Bourdieu, P. (with Shmatko, N.A.) (2005). *Social Space: Fields and Practices*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russ.)
- Gurov, O.N. (2022). Metaverse – Flying from Twilight into Darkness? *Science of Television*, 18(1), 11–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2022-18.1-11-46>
- Kochetkov, A.P., & Mamychyev, A.Yu. (2024). Digital Elite: Trends of Formation and Development. *Polis. Political Studies*, (4), 135–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10>
- McLuhan, G.M. (2003). *Understanding Media: External Extensions of Man*. Moscow; Zhukovsky: Canon-Press-C, Kuchkovo Pole Publ. (In Russ.)
- Polyakov, M.L. (2023). Interaction of digital platforms and states: events and phenomena of 2019–2022. *Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism*, (1), 116–120. (In Russ.)
- Pugachev, A., Kharchenko, A., & Volkova, I. (2023). Representation of Players' Experiences in Fanfiction: A Case Study of Gacha-game Genshin Impact. *Media Education*, (3), 466–472. <https://doi.org/10.13187/me.2023.3.466>
- Srnicek, N. (2019). Platform Capitalism. *Economic Sociology*, 20(1), 72–82. (In Russ.)
- Stevenson, N. (2019). *Avalanche*. Moscow: Fanzon. (In Russ.)
- Toffler, E., Burmistrov, K.Yu. (Trans.) (2009). *The Third Wave*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Vernadsky, V.I. (1988). *Philosophical Thoughts of a Naturalist*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Volkova, I., Chen, X., & Shilina, M. (2023). Gender Social Media Marketing: The Female Dimension in China. *International Journal of Media and Information Literacy*, 1(8), 246–254. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2023.1.246>
- Volkova, I., Han, J., Algavi, L., & Lazutova, N. (2024). The Impact of Cultural Factors on Chinese Teenagers' Self-presentation in Douyin's Videos. *Media Education*, (1), 164–171. <https://doi.org/10.13187/me.2024.1.164>
- Volkova, I., Kemarskaya, I., Lobodenko, L., & Urazova, S. (Ed.) (2021). *Media Ecosystem: digital modifications: monograph*. Chelyabinsk: South Ural State University.
- Yefanov, A.A. (2021). Intensification of Mediatization of Social Institutions in the Determinants of the Coronavirus Pandemic. *User Content in Modern Communication: Collection of Materials of the I International Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, April 22–23* (pp. 322–325). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ. (In Russ.)
- Yefanov, A.A. (2022). Metaverse as a New Media Phenomenon: First Research Strokes to Conceptualization. *Journalism of the Digital Age: An Anthropological Turn: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Yekaterinburg, April 14–15* (pp. 10–12). Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russ.)
- Yefanov, A.A. (2023). The Structure of Symbolic Capital in the Modern Communication Environment: Digital Network Progression. *Digital Sociology*, 6(2), 51–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-2-51-57>

Сведения об авторе:

Ефанов Александр Александрович, доктор философских наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры теории и практики общественных связей, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, 6; доцент Института медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. ORCID: 0000-0002-9979-9224. E-mail: yefanoff_91@mail.ru

Bio note:

Aleksandr A. Yefanov, Grand PhD in Philosophy, PhD in Sociology, Professor of the Department of the Theory and Practice of Public Relations, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation; Associate Professor of the Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9979-9224; e-mail: yefanoff_91@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-810-821

EDN: RJFLAS

UDC: 316.4

Research article / Научная статья

Social media driven mediatization of youth in BRICS

Zamaswazi P. Cele¹✉, Marina G. Shilina^{2,3}, Ndivhuho Tshikovhi¹

¹*Durban University of Technology, KwaZulu-Natal, Durban, South Africa*

²*Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation*

³*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

✉Zamaswazi.pc@gmail.com

Abstract. Over the years, social media has emerged as the largest source for global communication. In post-COVID-19 times and especially in the New Reality, social media consumption patterns have shifted significantly. As these platforms become more open and widespread, they also exacerbate issues related to information and news consumption, mediation and mediatization. This is particularly crucial for young populations in developing nations such as those in the BRICS (Brazil, Russia, India, China, and South Africa) group, who face both high external pressures and internal challenges. Examines the state of social media usage among youth in BRICS countries, focusing on data from 2023 to find the specificity of social media driven mediatization. Research indicates that youth in BRICS nations have been active social media users over the past decade. The authors identify key consumption patterns among Generation Z and millennials in Brazil, Russia, India, China, and South Africa in 2023, and conduct a comparative analysis of social media usage in these nations. Provides a brief overview of the mediatized challenges posed by social media in the BRICS nations, particularly the spread of fake news. The study reveals that the increasing reliance on social media for news and information by younger generations underscores the need for identifying specific field of media studies in BRICS countries (Media Studies based on the concept of BRICSology). The conclusion highlights the social media consumption patterns and challenges that need attention in future research.

Keywords: mediatization, media studies, generation Z, millennials, media challenge, BRICSology

Author's contribution. *Zamaswazi P. Cele* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing. *Marina G. Shilina* – data analysis, manuscript writing and editing. *Ndivhuho Tshikovhi* – data analysis, manuscript editing.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 18, 2024; revised September 1, 2024; accepted September 4, 2024.

For citation: Cele, Z.P., Shilina, M.G., & Tshikovhi, N. (2024). Social media driven mediatization of youth in BRICS. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 810–821. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-810-821>

© Cele Z.P., Shilina M.G., Tshikovhi N., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Социальные медиа как фактор медиатизации молодежи в странах БРИКС

З.П. Селе¹ , М.Г. Шилина^{2,3} , Н. Чикови¹

¹Дурбанский технологический университет, Квазулу-Натал, Дурбан, Южно-Африканская Республика

²Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ Zamaswazi.pc@gmail.com

Аннотация. В последнее время социальные сети стали крупнейшим источником глобальной коммуникации. В постковидное время, особенно в так называемой новой реальности, модели потребления информации в социальных сетях существенно изменились. Платформы стали более открытыми и популярными, что приводит к обострению проблем, связанных с обработкой информации, потреблением новостей, коммуникацией и медиатизацией. Понимание этих вопросов особенно значимо для молодежи в развивающихся странах (Бразилии, России, Индии, Китае, Южной Африке), которые сталкиваются с сильным внешним давлением и внутренними вызовами. Рассматривается использование социальных сетей молодежью в странах БРИКС с фокусировкой на данных 2023 года, чтобы выявить актуальную специфику медиатизации. Исследователи констатируют, что молодые люди в странах БРИКС – активные пользователи социальных сетей на протяжении последнего десятилетия. Авторы определяют ключевые модели потребления цифровой информации поколения Z и миллениалов в Бразилии, России, Индии, Китае и Южной Африке в 2023 году, проводят сравнительный анализ использования социальных сетей в этих странах. Представлен также краткий обзор проблем медиатизации в социальных сетях, в частности распространение фейковых новостей. Исследование показывает, что растущая зависимость молодого поколения от социальных сетей в контексте получения информации определяет необходимость выделения особой области медиаисследований в странах БРИКС (на базе концепции БРИКСологии). В заключении выделены модели потребления информации в социальных сетях и проблемы, на которые стоит обратить внимание в будущем.

Ключевые слова: медиатизация, медиаисследования, поколение Z, миллениалы, медиавызов, БРИКСология

Вклад авторов. З.П. Селе – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание рукописи. М.Г. Шилина – анализ данных, написание и редактирование рукописи. Н. Чикови – анализ данных, редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 июня 2024 г.; отрецензирована 1 сентября 2024 г.; принята к публикации 4 сентября 2024 г.

Для цитирования: Cele Z.P., Shilina M.G., Tshikovhi N. Social media driven mediatization of youth in BRICS // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 810–821. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-810-821>

Introduction

Social media has experienced significant growth over the years, with youth, Generation Z and millennial, being a particularly active demographic groups. In 2020s, nearly 95% of millennial use social media, with 86% engaging daily (Rideout, Craig Watkins, 2019). Social media driven far-reaching mediation provokes significant social effects (Hu, 2024), for example in the area family bonds (Tabatabaei et al., 2024). In this era of New Reality, characterised by global transitions and ideological conflicts, young generations who grew up with gamification (Varghese, Deepa, 2023; Conlin, Santana, 2021; Volkova, 2013) face the pressure of rapidly changing information flows in political, economic, cultural and other spheres.

Social media offers timely updates and wide dissemination of information, and one of the primary opportunities and challenges associated with social media is news consumption and lack of control over content (Galindo, Garcia-Marco, 2017). Social media platforms often serve as the first source of global news, making the verification of information crucial, especially in political contexts. Murray points out that millennials are particularly vulnerable to scams and fake news due to their heavy social media usage¹. Headlines on social media target millennials, who are likely to engage with these stories (Levy, Akiva, 2019).

Since the onset of the New Normal and the spread of COVID-19, the specifics of social media consumption have evolved. Social media has become a crucial platform for sharing updates about the pandemic, personal stories, and initiating conversations that often becomes trending topics worldwide, f. e., on political issues and campaigns (Paul, Das, 2023). Social media has established itself firmly in developed countries, while developing nations are striving to catch up with this technological era. Despite potential challenges, developing countries like South Africa have shown significant growth in social media usage².

Nowadays, social media driven mediation transformed into specific mediatization. The increasing openness and global reach of social media have introduced new challenges, particularly for young users. This is particularly crucial for young populations in developing nations such as those in the BRICS (Brazil, Russia, India, China, and South Africa) group, who face both high external political pressures and internal challenges.

BRICS countries as a growing world union bears the responsibility to adapt and thrive their youth in a globally connected world which means in particular higher level of effective and responsible use of social media.

A decade ago, global statistics indicated that millennials in BRICS countries extensively used social media for news consumption (Gangadharbatla et al.,

---

¹ Murray, C. (2023). Gen Z and Millennials More Likely to Fall For Fake News Than Older People, Test Finds. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/conormurray/2023/06/28/gen-z-and-millennials-more-likely-to-fall-for-fake-news-than-older-people-test-finds/?sh=33ba21a35885>

² Cowling, N. (2023). Main sources of news in South Africa in 2023. Retrieved from <https://www.statista.com/statistics/1318943/main-sources-of-news-in-south-africa/>

2014). This research aims to explore the specificities of social media usage among young people (individuals aged 16–24, so called Generation Z and the 25–34 age group, which primarily includes millennials) in the BRICS nations, focusing on information and news consumption data from 2023.

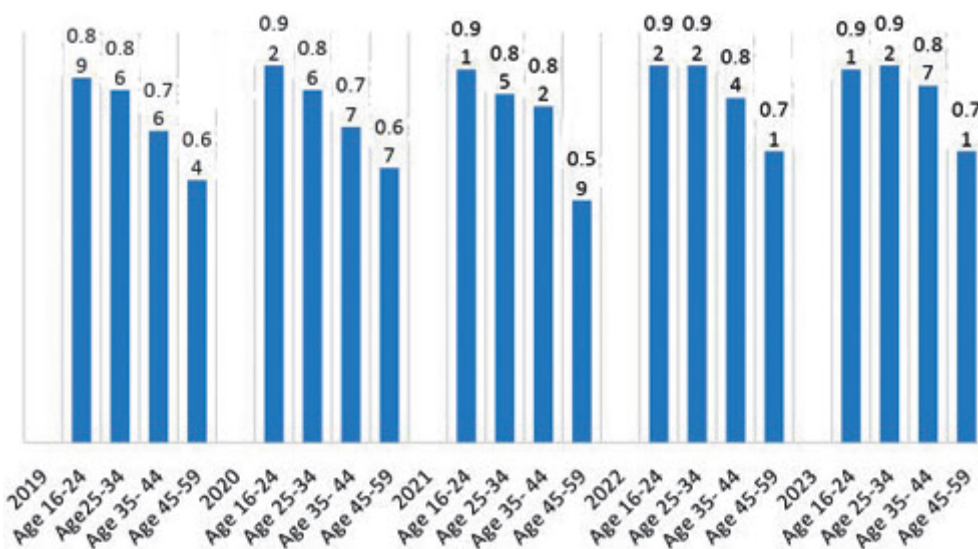
The aim of the study is to describe social media usage specifics of Generation Z and millennials in Brazil, Russia, India, China, and South Africa in 2023, identifying their social media consumption patterns and media driven challenges.

Methodology of the research

First, the identification of the main features of social media consumption patterns by Generation Z and millennials in Brazil, Russia, India, China, and South Africa in 2023 is providing through the secondary open data analysis. The second step is to conduct a comparative analysis of social media usage specifics in these BRICS nations. Finally, we identifying the challenges associated with social media, directing attention to areas that require future research.

Results and discussion

Brasil. Bianchi (2023) explains that Brazil has experienced significant growth in social media usage from 2019 to 2023, with a consistent increase in engagement, particularly among Generation Z and millennials (Gen Y)³.

Figure 1. Age group of consuming social media in the five years

Source: compiled based on Bianchi, 2023.

³ Bianchi, T. (2023). Penetration rate of social media use among internet users in Brazil from 2017 to 2023, by age. Retrieved from <https://www.statista.com/statistics/1083577/brazil-social-media-usage-rate-age/>

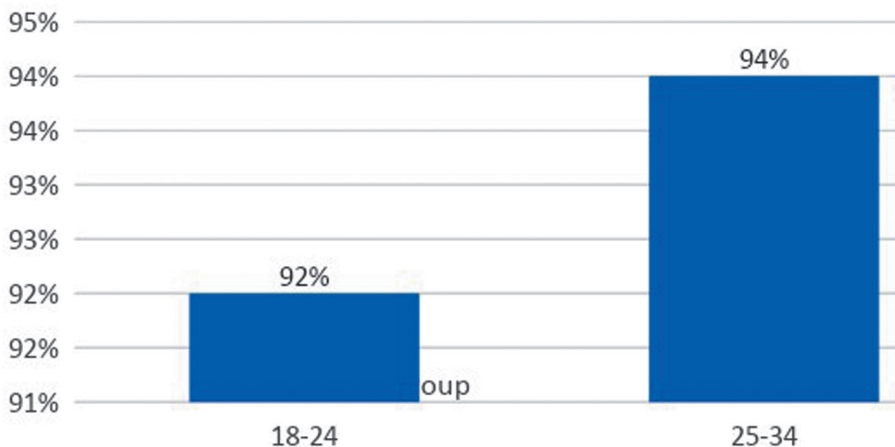
Figure 1 highlights this trend, showing that in 2019, 89% of individuals aged 16–24 used social media, a figure that rose to 91% in 2023. This 2% increase indicates a growing engagement among Generation Z. Similarly, the 25–34 age group, which primarily includes millennials, saw a rise from 86 in 2019 to 92% in 2023, marking a 6% increase.

These statistics confirm that social media usage in Brazil is on a steady incline, especially among younger generations. The rise in social media and internet usage has also transformed how news is disseminated. News is no longer confined to traditional media; it has migrated to social media platforms to ensure that the youth remain informed about global events.

Moreover, social media usage is not limited to younger age groups. Individuals aged 45–59 have also shown a growing interest in social media, with usage rates increasing from 64% in 2019 to 71% in 2023, a 7% rise.

Thus, this data underscores the broader trend of increasing social media adoption across various age groups in Brazil, with a particularly notable uptake among Generation Z and millennials. This shift highlights the growing importance of social media as a primary source of information for Brazilians.

Russia. In 2023, the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)⁴ conducted a survey to gauge public opinion on social media usage and to understand the demographics and motivations behind internet consumption.

Figure 2. Age group consumes social media platforms

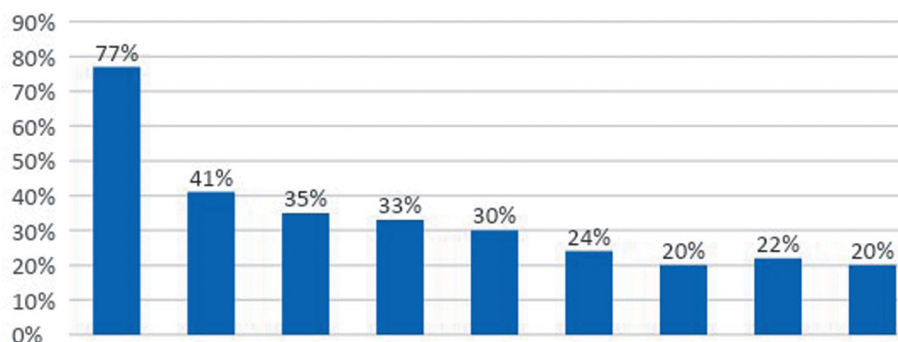
Source: compiled based on VCIOM, 2023.

The results revealed that 80% of Russians use social media platforms almost daily. Figure 2 shows that this usage is predominantly among millennials, with 94% of individuals aged 25–34 using social media, closely followed by the

⁴VCIOM (2023). Social Networks and Messengers: Involvement and Preferences: Most of the Russians use social media platforms and messengers on a daily basis. Every second Russian signs up with a new platform only as a last resort. Retrieved from <https://wciom.com/press-release/social-networks-and-messengers-involvement-and-preferences#:~:text=Eighty%2Dsix%20percent%20of%20the,34%2Dyear%2Dolds>

younger generation (aged 16–24) at 92%. This indicates that millennials are the most active social media users in Russia.

The survey also explored the types of content consumed on social media. It was found that Russians engage with various platforms for different purposes. Figure 3 highlights that news is the most consumed content, with 77% of respondents indicating they use social media to stay informed (chart column 1 – News, 2 – Education, 3 – Humor, 4 – Entertainment, 5 – Science, 6 – Travelling, 7 – Nature & pets, 8 – Psychology, 8 – Medicine).

Figure 3. Content consumed by Russians mostly

Source: compiled based on VCIOM, 2023.

In Russia, the changes in global and local social media landscape after 2022 provokes even more challenges addressing the spread of fake news on social media, as a significant portion of Russian youth relies on these platforms for their news. Given the high engagement levels, especially among millennials, ensuring the accuracy and reliability of information on social media is crucial for informed public discourse.

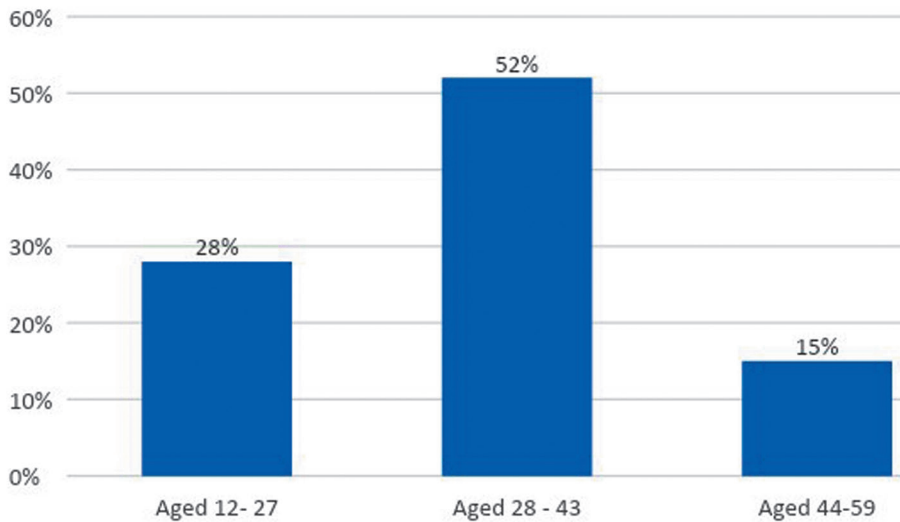
India. India, with its substantial population, ranks among the leading countries in internet access and social media adoption (Mude, Undale, 2023). In 2019, the number of social media users in India was recorded at 330 million, with projections suggesting this figure could rise to 448 million by 2030.

Figure 4 highlights that millennials are the primary social media users in India. Specifically, 52% of individuals aged 28–43 spend the most time on social media, followed by the 12–27 age group at 28%, and the 44–59 age group at 15%.

Rajput (2014) notes that the Indian government has actively supported digital initiatives, which have significantly contributed to the growth of social media usage among millennials. These initiatives aim to educate citizens and facilitate their adaptation to the digital landscape, including social media platforms.

This governmental support has been instrumental in fostering digital literacy and engagement, particularly among younger generations. The increasing social media usage among millennials reflects this successful integration into the digital space, underscoring the transformative impact of these initiatives on India’s social media landscape.

Figure 4. Social media users in India

Source: compiled based on Mude, Undale, 2023.

China. According to China Internet Network Information Center (CNNIC)⁵, social media consumption is highest among individuals aged 30 to 40, who account for 20% of users. Figure 5 reveals that they are followed by those aged 40–49 and 50–59, each comprising 17% of users. This data illustrates that social media usage is widespread across various age groups in China, with those aged 20–29 (and 60 and above) each representing 14% of users.

The Chinese government places significant emphasis on regulating social media, particularly concerning political content and public postings. Since December 2012, regulations require individuals to provide personal details to online service providers to use the internet and social media platforms. These measures are part of the government’s broader strategy to monitor and control online discourse, ensuring that social media remains a regulated space, particularly regarding politically sensitive content.

This regulatory environment underscores the unique dynamics of social media usage in China, where digital platforms serve as both a venue for public expression and a closely monitored space by the authorities.

In fact, despite the presence of such modern social media platforms as Weibo, a Chinese microblogging platform with more than 500 million users, the use of social media in China is not so widespread among younger generations.

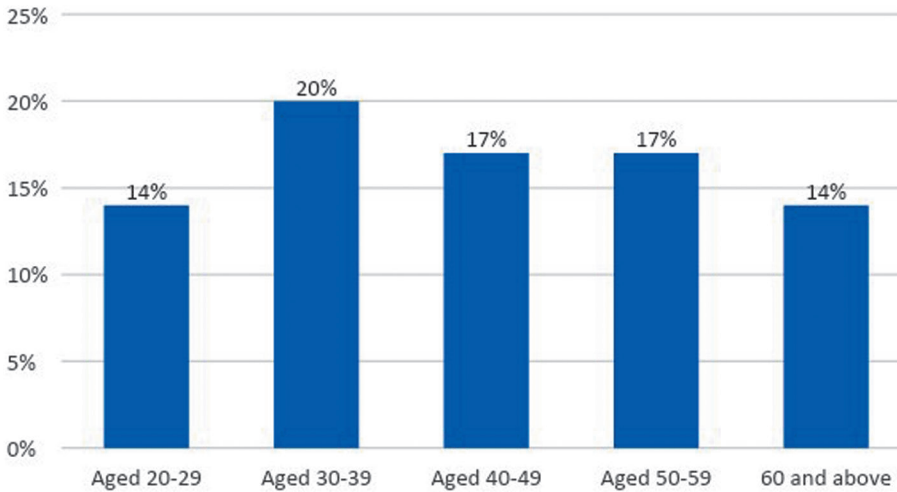
South Africa. In 2023, the population of South Africa was recorded at 60.14 million, with 43.48 million internet users (McInnes, 2023)⁶.

⁵ CNNIC. (2023). The 51st Statistical Report on China’s Internet Development. Retrieved from <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202307/P020230707514088128694.pdf>

⁶ McInnes, K. (2023). South African Social Media Statistics. Retrieved from <https://www.meltwater.com/en/blog/social-media-statistics-south-africa>

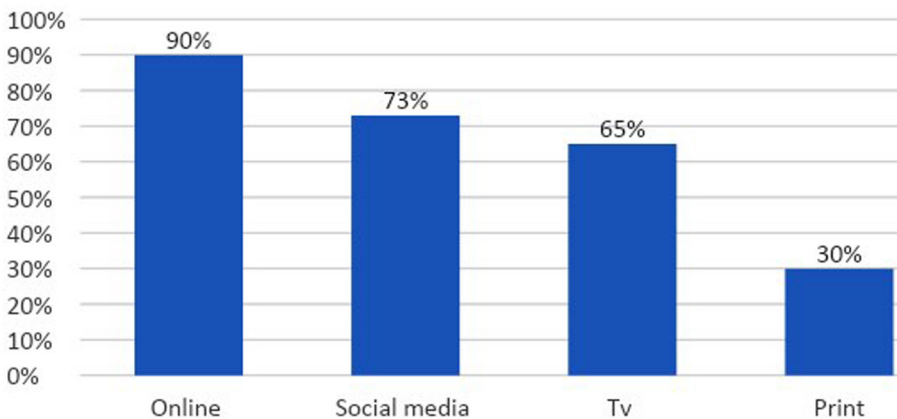
Figure 6 explains that in South Africa, 90% of the population prefers to get their news online, followed by 73% who use social media, 65% who watch TV, and 30% who still use print media. This shift indicates a clear transition from traditional media to digital platforms for information and news consumption.

McInnes highlights the growth of social media usage in South Africa over the years. 25.8 million of 43.48 million internet users are active social media users. The primary reason for using social media is to find information, suggesting there is still room for further growth in social media adoption in South Africa.

Figure 5. Age group of social media users in China

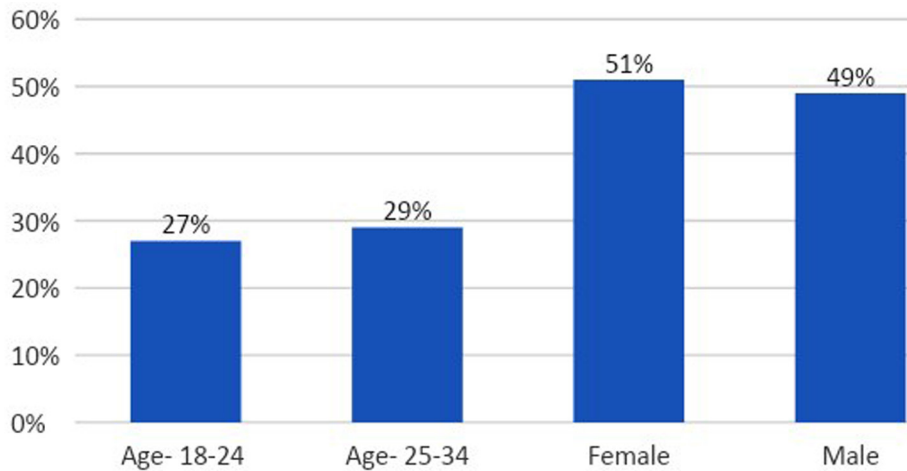
Source: compiled based on CNNIC, 2023.

Figure 6. Main News stream in South Africa

Source: compiled based on Cowling, 2023.

Figure 7 shows the predominant users of social media by age group. Millennials (aged 25–34) are the largest group at 29%, followed by the 18–24 age group at 27%. Thus, more than a half of social media users (56%) are young people.

Figure 7. Social media consumption in South Africa

Source: compiled based on McInnes, 2023.

Additionally, the data reveals that there are more females (51%) than males (49%) among social media consumers. These figures indicate that females aged 18–34 are the active social media users in South Africa. This trend highlights significant opportunities for targeting this demographic group in digital strategies and initiatives aimed at development and engagement.

In total, youth in South Africa is not the main group of social media consumers with less the one third part of users.

The provided analysis of the 2023 statistics on the predominant young users of social media from BRICS countries shows that youth continue to consume a significant amount of social media, consistent with patterns observed a decade earlier by Gangadharbatla, Bright, and Logan (2014). The age group from 25 to 43 years is the most active on social media across these nations. Specifically, the age group 25–34 recorded the highest usage rates: 92% in Brazil, 94% in Russia, 52% in India (age group 28–39), 20% in China (age group 30–39), and 29% in South Africa.

So digital natives from Generation Z are paradoxically less “mediated” by social media than millennials (Gen Y). Many millennials primarily use social media for personal expression and social validation, often lacking awareness of global events. The pressure to post frequently and achieve social media popularity can overshadow their engagement with meaningful content. Generation Z with its less presence on social media is actually consumes less information and news, which means that it is susceptible to the influence of misinformation, disinformation and fake news.

It means that millennials are more exposed to potentially misleading information, as they are likely to encounter and follow up on attention-grabbing headlines (Levy, Akiva, 2019). The allure of sensational headlines often leads to the spread and belief in fake news, which is a significant concern.

Despite the prevalence of fake news, people will not stop using social media. Even more, users frequently share news articles without verifying their accuracy, sometimes causing harm (Moravec et al., 2018). According to these researchers, 23% of social media users have admitted to sharing fake news either mistakenly or intentionally, and around 60% have encountered fake news despite that it left them confused. That is millennials are more likely to be at risk while consuming information and news on social networks.

The research demonstrates that social media usage is on a steady incline, especially among younger generations such as Generation Z and millennials from BRICS nations in 2023.

The increasing consumption of social media, particularly for obtaining information and news by youth definitely depends on state support. As it was found different state approaches give different results. In India, the initiatives of the government to support digital initiatives and citizens education and facilitate their adaptation to the digital landscape, including social media platforms, reflect their successful integration into the digital space. In China, despite the presence of several national wide-spread social media platforms, the usage of social media by younger generations is only up to 20%. In South Africa, more than a half of social media users are young people. In Brazil and Russia, the highest rates of social media consumption reflect in particular the state attention to internet development.

Conclusion

The rising amounts of young users in social media highlights the focuses of ongoing research and challenges for practice. The main reasons to use social media for youth, especially for digital natives, are socialization, self-actualization, satisfaction of psychological needs, and media activity in the social and political context. The specific of media consumption faces the problem of gender differences (like in the South Africa), gender identity and even a sort of specific social media addiction.

The rise of social media and internet usage also means the rise of misinformation and disinformation (Wardle, Derakhshan, 2017), news and fake news (Zhang, Ghorbani, 2020) and underscores the necessity of identifying their features that can help young users recognize and avoid it (Zhou et al., 2020).

In developing countries, like BRICS nations, fake news presents a major challenge in the social media landscape, especially concerning politics, where informed decision-making is crucial for the health of democracy. South Africa is facing significant fallout from disinformation, particularly as the 2024 elections approach, with the potential for digital disinformation to change the narrative and mislead the public.

The widespread failure to verify information sources on social media erodes public trust and underscores the need for vigilance.

The increasing consumption of social media, particularly for obtaining information and news by younger generations needs specific support in theory and practice both.

From the theoretical point of view, BRICS group as a developing countries union demonstrates national specifics of social media usage by younger generations which has to be identified into common research paradigm relevant for all BRICS countries, like BRICSology media studies paradigm. It opens up more specific framework of the reasearch like Afrikology in Afican Studies or Sovietology in Soviet/Russian Studies.

Enhancing digital literacy and critical thinking skills among young users is essential to mitigate the adverse effects of misinformation and to promote a more informed and engaged citizenry.

Reference

- Conlin, R.P., & Santana, S. (2021). Using Gamification Techniques to Enable Generation Z's Propensity to Do Good. *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*, 34(5), 553–571. <https://doi.org/10.1080/10495142.2021.1941498>
- Galindo, F., & Garcia-Marco, J. (2017). Freedom and the Internet: empowering citizens and addressing the transparency gap in search engines. *European Journal of Law and Technology*, 8(2). Retrieved from <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/476/762>
- Gangadharbatla, H., Bright, L.F., & Logan, K. (2014). Social Media and news gathering: tapping into the millennial mindset. *The Journal of Social Media in Society*, 3(1), 45–63.
- Hu, S. (2024). The Psychological Impact of Social Media on Gen Z. *Interdisciplinary Humanities and Communication Studies*, 5(5). <https://doi.org/10.61173/4aqek196>
- Levy, B.L.M., & Akiva, T. (2019). Motivating political participation among youth: An analysis of factors related to adolescents' political engagement. *Political Psychology*, 40(5), 1039–1055. <https://doi.org/10.1111/pops.12578>
- Moravec, P., Minas, R., & Dennis, A.R. (2018). Fake News on Social Media: People Believe What They Want to Believe When it Makes No Sense at All. *Kelley School of Business Research Paper No. 18–87*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3269541>
- Mude, G., & Undale, S. (2023). Social media usage: A comparison between Generation Y and Generation Z in India. *International Journal of E-Business Research*, 19(1), 1–20. <https://doi.org/10.4018/IJEER.317889>
- Paul, S., & Das, S. (2023). Investigating information dissemination and citizen engagement through government social media during the COVID-19 crisis. *Online Information Review*, 47(2), 316–332. <https://doi.org/10.1108/OIR-06-2021-0307>
- Rajput, H. (2014). Social media and politics in India: A study on Twitter usage among Indian Political Leaders. *Asian Journal of Multidisciplinary Studies*, 2(1), 63–69.
- Rideout, V., & Craig Watkins, S. (2018). *Millennials, Social Media, and Politics*. Austin: The University of Texas at Austin, Institute for Media Innovation.
- Tabatabaei, S., Bulgarova, B.A., Kotecha, K., Pati, S., Volkova, I.I., & Barabash, V.V. (2024). Digital citizenship and paradigm shift in Generation Z's emotional communication: Social media's role in shaping Iranian familial bonds. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*, 8(7), 5443. <https://doi.org/10.24294/jipd.v8i7.5443>
- Varghese, J., & Deepa, R. (2023). Gamification as an Effective Employer Branding Strategy for Gen Z. *National HRD Network Journal*, 16(3), 269–279. <https://doi.org/10.1177/26314541231170438>

- Volkova, I.I. (2013). Four pillars of gamification. *Middle East Journal of Scientific Research*, 13, 149–152. <https://doi.org/10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1427>
- Wardle, C., & Derakhshan, H. (2017). *Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policymaking*. Council of Europe Strasbourg Publ.
- Zhang, X., & Ghorbani, A.A. (2020). An overview of online fake news: Characterization, detection, and discussion. *Information Processing & Management*, 57(2), 102025. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2019.03.004>
- Zhou, X., Jain, A., Phoha, V.V., & Zafarani, R. (2020). Fake news early detection: A theory-driven model. *Digital Threats: Research and Practice*, 1(2), 1–25. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1904.11679>

Bio notes:

Zamaswazi P. Cele, PhD student, Faculty of Management Sciences, Durban University of Technology, 41/43 Sultan Rd., Greyville, Durban, 4001, South Africa. ORCID: 0009-0004-6344-5709. E-mail: zamaswazi.pc@gmail.com

Marina G. Shilina, Grand PhD in Philology, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhsnov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Per., Moscow, 117997, Russian Federation; Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Ndivhuho Tshikovi, PhD in Social and Political Sciences, Researcher Fellow, Faculty of Management Sciences, Durban University of Technology, 41/43 Sultan Rd., Greyville, Durban, 4001, South Africa. ORCID: 0000-0002-3647-9223. E-mail: NdivhuhoT@dut.ac.za

Сведения об авторах:

Селе Замасвази Притти, аспирантка факультета управленческих наук, Дурбанский технологический университет, Южная Африка, Дурбан, 4001, Грейвилл, Султан Роуд, д. 41/43. ORCID: 0009-0004-6344-5709. E-mail: zamaswazi.pc@gmail.com

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36; профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Чиковхи Ндивухо, доктор социальных и политических наук, научный сотрудник факультета управленческих наук, Дурбанский технологический университет, Южная Африка, Дурбан, 4001, Грейвилл, Султан Роуд, д. 41/43. ORCID: 0000-0002-3647-9223. E-mail: NdivhuhoT@dut.ac.za

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-822-834

EDN: RJXZSM

UDC 811:070

Research article / Научная статья

Translation of King Abdullah's speeches in the context of his media image

Ismail A. Ismail¹ , Bella A. Bulgarova^{2,3} , Haya Y.J. Ashour⁴ ,
Sara Tabatabaei² , Natalya E. Rastorgueva²

¹ Ninevah University, Mosul, Republic of Iraq

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

³Alnoor University, Mosul, Republic of Iraq

⁴American University in the Emirates, Dubai, United Arab Emirates

 ismail.a.ismail@alnoor.edu.iq

Abstract. An in-depth analysis was carried out of rhetorical approaches to the translation of the speech of King Abdullah bin Hussein of Jordan in order to identify social and humanitarian values in his speeches. The relevance of the research lies in emphasizing the importance of preserving authenticity in translation, taking into account cultural and ideological aspects, as well as the role of critical analysis of the discursive approach in understanding and transmitting values. The analysis methodology chosen by the authors of the study is complex and includes Critical Discourse Analysis (CDA), structural linguistic and rhetorical analysis, as well as comparative analysis of translations from Arabic into English. The methodology is applied in three stages: the selection of the corpus, analysis and evaluation of the effectiveness of translations. The empirical basis of the study was five texts of speeches by King Abdullah II, reflecting the social and humanitarian values of the reigning monarch. The results of the analysis reflect the humanistic orientation of the original texts, preserving concepts such as justice, responsibility, hope, solidarity, despite the fact that sometimes there is a discrepancy from the exact correspondence to the original. The authors of the article emphasize that despite this, the translations convey the monarch's basic ideas about the importance of a world without violence, solidarity, justice and responsibility. The researchers emphasize the need to take into account cultural and ideological factors in translation in order to convey a more accurate meaning and an appropriate image of King Abdullah bin Hussein of Jordan.

Keywords: media, critical discourse analysis, translation of values, Jordan, English, Arabic, humanization, rhetorical devices

Authors' contribution: *Ismail A. Ismail* – development of the research concept and research program, text writing and editing. *Bella A. Bulgarova* – development of the research program, text writing and editing. *Haya Yu.J. Ashour* – collection and analysis of material, text

© Ismail A.I., Bulgarova B.A., Ashour H.Y.J., Tabatabaei S., Rastorgueva N.E., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

translation. *Sara Tabatabaei* – collection and analysis of material. *Natalya E. Rastorgueva* – analysis of material.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 14, 2024; revised November 1, 2024; accepted November 15, 2024.

For citation: Ismail, A.I., Bulgarova, B.A., Ashour, H.Yu.J., Tabatabaei, S., & Rastorgueva, N.E. (2024). Translation of King Abdullah's speeches in the context of his media image. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 822–834. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-822-834>

Перевод речей короля Абдаллы II в контексте его медиаобраза

И.А. Исмаил¹ , Б.А. Булгарова^{2,3} , Х.Ю.Д. Ашур⁴ ,
С. Табатабаи² , Н.Е. Расторгуева²

¹Университет Ниневиц, Мосул, Ирак

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

³Университет Альнур, Мосул, Ирак

⁴Американский университет в Эмиратах, Дубай, Объединенные Арабские Эмираты

 ismail.a.ismail@alnoor.edu.iq

Аннотация. Проведен углубленный анализ риторических подходов к переводу речей короля Иордании Абдаллы II ибн Хусейна для выявления социальных и гуманитарных ценностей в его выступлениях. Актуальность заключается в необходимости сохранения аутентичности и передачи материала при переводе с учетом культурных и идеологических аспектов в контексте медиаобраза. Методика, выбранная авторами, является комплексной и включает критический дискурс-анализ, структурный лингвистический и риторический анализ, а также сопоставительный анализ переводов с арабского на английский. Исследование проводилось в три этапа: отбор и обработка текстов, анализ и оценка эффективности переводов. Эмпирическая база – пять текстов речей короля Абдаллы II, которые транслируют гуманистические приоритеты политики правящего монарха. Полученные результаты демонстрируют гуманистическую направленность оригинальных текстов, показывают сохранение в переводе таких понятий, как справедливость, ответственность, надежда, солидарность. Отмечено также, что в некоторых случаях наблюдается отклонение от точного следования оригиналу. Авторы статьи подчеркивают, что переводы передают основные идеи монарха о важности мира без насилия, необходимость учета культурных и идеологических факторов при переводе для более точной передачи смысла и создания соответствующего образа короля Иордании Абдаллы II ибн Хусейна.

Ключевые слова: СМИ, критический дискурс-анализ, трансляция ценностей, Иордания, английский язык, арабский язык, гуманизация, риторические средства

Вклад авторов: *Исмаил И.А.* – разработка концепции и программы исследования, написание и редактирование текста. *Булгарова Б.А.* – разработка программы исследования, написание и редактирование текста. *Ашур Х.Ю.Д.* – сбор и анализ материалов, перевод текста. *Табатабаи С.* – сбор и анализ материалов. *Расторгуева Н.Е.* – анализ материалов.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14 октября 2024 г.; отрецензирована 1 ноября 2024 г.; принята к публикации 15 ноября 2024.

Для цитирования: *Ismail A.I., Bulgarova B.A., Ashour H.Y.J., Tabatabaei S., Rastorgueva N.E.* Translation of King Abdullah’s speeches in the context of his media image // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 822–834. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-822-834>

Introduction

Global leaders today frequently handle a number of political disputes in addition to humanitarian problems, demonstrating the necessity of their advancing social and humanitarian ideals. Jordan’s King Abdullah II, who is renowned for his compassion and unity, is an example of a leader who has held his ground. Using a discourse method, the study examines five speeches that serve as examples of social and humanitarian principles. Upon closer inspection, it appears that the topics of these talks include social responsibilities, peace advocacy, unity, and conflict resolution. It becomes clear from the categorization and theme extraction procedure that the King’s social ideals and humanitarian beliefs rank among the primary strategies. Throughout antiquity, three distinct genres and oratory stylistic functions arose. The first is forensic oratory, often known as judicial oratory, and it is the type utilized in law courts. Next a form of speaking is intentional oratory. This kind of speech is connected to the political arena’s use of rhetoric. The third is known as epideictic oratory. This type of oratory is referred to as panegyric, ceremonial, demonstrative, or display oratory. It is the praise-or-blame rhetoric. It’s common to refer to these three speech kinds as “special” themes (Burke, 2023, p. 26). This study examines the strategic communication techniques used by leaders — using King Abdullah II’s speeches as an example — to spread these ideals both nationally and internationally. By examining these statements, one may observe the leadership ideology and contrast it with humanitarian ideals. Concepts like as determination, empathy, unity, and accountability have a heightened importance. This has helped to shape King Abdullah II’s positive image even in Russia (Volkova, Ashur, 2021). Therefore, the purpose of this study is to provide an overview of how King Abdullah II presents social and humanitarian principles in his talks. The implications and linguistic style are part of the analytical strategy.

Recent contemporary studies have focused on the analysis of the speech of the King of Jordan. The main themes of the King’s messages, such as the unity of the nation, a tolerant community and a willingness to sacrifice (Khotaba, Alfaqara, 2024) are highlighted. The study also examines the strategies and tactics used in the monarch’s speech to achieve the desired effect. The data obtained indicate that assertive speech actions dominate the illocutionary acts performed by the king, while the semantic principles of empathy and concern are most prominent in statements. Many researchers analyze the persuasion

tactics of the ruler of Jordan and his oratorical skills (Almahasees, Mahmoud, 2022; Kareem, 2024; Asmaa, 2024) the personality of the king is considered through his speech tactics, rhetorical strategies (Al-Khawaldeh et al., 2024), translation features of Abdullah ii's political speeches (Al-Kaabneh, Abdullah, 2023), the other studies focus on critical discourse analysis of speech (Van Dijk, 1993; Prayitno et al., 2021).

Analysis framework

Critical Discourse Analysis (CDA) is the most useful method for analyzing communicative interaction in the subject of translation studies. In general, CDA examines text structural patterns that are linked to two fundamental ideas: power and ideology (Baker, 2018). In this way, translators are the insiders to the process of resolving ideological differences and power relations in the process of translating texts from one language to another cultural context (Sch ffner, Bassnett, 2010; Bassnett, Lefevere, 1998). This multidisciplinary approach emphasizes the socio- political issues of translation. These days, translation studies provide a critical instrument for expressing the power and ideology in the discourse, the translation method, the stylistic functions, and the cultural fit (Chesterman, 2018). One may observe how SL communications are translated into many contexts and that there is a TL language of expression for each kind of message, whether it be linguistic or cultural, by looking at the translations of peacemakers' messages (Munday, 2016). In light of the fact that political speeches are translated to reflect various ideologies through the efforts of translators, Venuti (1993) examines this phenomenon as an example of cultural politics. According to Sch ffner and Bassnett (2010) and Baker (2018), translation is a dynamic process in which the translator interprets the power dynamics between languages and cultures and serves as a representative of cultural and ideological negotiation rather than just being a means of conveying a message.

It is true that translators face challenges in maintaining the original meaning while also taking into account the cultural nuances and linguistic context of the target language, as well as the political sensitivities of the target communities (Cronin, 2006; Bassnett, Lefevere, 1998). Any understanding of translators' translation techniques also contributes to the understanding of the production, dissemination, and even contestation of culture and ideology in translated works. Thus, Venuti (1993) highlights the tactics translators might employ to involve ideologies through domestication regimes. When it comes to translating speeches, Smith (2018) discusses discourse analysis. Jones (2020) studies resilience of discourse translation, where translators use these techniques to ensure that the content is conveyed accurately while maintaining the original notions. To find methods of translating political discourse is a goal shared by the fields of CDA and translation studies, particularly when it comes to social and humanitarian themes (Pym, 2012; Venuti, 2021; Bielsa, Bassnett, 2009; Winterton, 2017).

Methodology and data collection

In this research, 5 speech texts are exemplified and analyzed according to the following methodology. 1. Corpus Selection: speeches and their translation are selected according to the social and human values. 2. Performing CDA referring to the linguistic and rhetoric tools and also the context-bound clues that came up in both SL and TL. 3. Examination of Strategies is done through investigating strategies of translations to bring out humanitarian and social values truthfully and clearly. 4. Efficacy Analysis associates the translations according to the essence, tone, and emotion of King Abdullah II's rhetoric, also finding out how well they resonate with different audiences.

This methodology aims to give a clear depiction of how humanitarian and social values are conveyed in king Abdullah II speeches by showing that it is the translators who shape the perceptions and bring the world together. And at the same time, they shape the media image of the leader.

Results and discussion

*Speech 1*¹. Identification of Humanitarian and Social Values of Speech 1². The expressions in speech (1) have created a variety of aims representing humanitarian values, but at the same time, they are all contributing to the concept of solidarity, commitment to make the world a better place. The pledge to keep standing with Palestinian people in the face of aggression and occupation, is the essence of the Arabic phrase “عم ان واقشأ يف، ني طيلن لذبن لك ان تاقاط نم لجأ فؤو ن اودعلا” “لص اويس فوؤولا”

The parallelism is additionally shown in the Arabic proverb, “يؤنيس مه عم ادنيس”، “ايؤو انوعو انيما يلعو دهغلا”، “We will remain committed to the pledge to be their strong supporters”. The translation refers to a reflection of a steadfast commitment to aid Palestinians, and the style of social value towards the text.

The dedication to building a modern Jordan and honoring its legacy, as conveyed in the Arabic phrase: “نيرش عل او”، “نيرش عل او”، “We continued together the journey of building modern Jordan at the onset of the 21st century, and we remained committed to the legacy of Al Hussein and the generations of nation builders”, this refers to the commitment to the progress and honoring past achievements. Moreover, the focus on solidarity and determination, as expressed in the phrase “يؤنيس مه عم ادنيس”

، راهمزل او ةعنملا نم ديزملا امود غلطن، ان تدحوو ان رارص او ان مزب، ان دهع.

¹ King Abdullah II (2024, February 7). *Address on the 25th anniversary of his assumption of constitutional powers* [Speech]. Jordan, Amman. May 19, 2024. Retrieved from <https://www.kingabdullah.jo/en/speeches/25th-anniversary-his-assumption-constitutional-powers>

² See Tables 1–5. Identification of Humanitarian and Social Values of Speech 1–5. Retrieved from <https://disk.yandex.ru/d/DzGzhyqdYeUPTg>

Recognizing citizens' contributions and celebrating shared achievements articulates patriotism, as reflected in the SL phrase: “مكعم لمح، قناملأا مبنانك لهأ مزغلا ” نمو ضرأ، مزغلا مكنمو يباتك مئازغان ذابو الله لصاون

Courage is exhibited by challenging the traditional values and by making the world a better place through peace and non-violent strategies during conflicts and aggression. The ability to recover and bounce back is deepened when we learn from the past. This can be seen in the example of Rwanda where they have learnt not to tolerate the kind of language that can cause conflicts as shown in both the SL and TL texts. Hope is instilled by recognizing the potential for respect, justice, and compassion to lead to a better future, a sentiment echoed in both SL and TL. Finally, solidarity is demonstrated through active support for Palestinians and organizations like UNRWA, showcasing a commitment to standing together in support of those in need, as effectively conveyed in both Arabic and English translations. These expressions collectively convey a rich tapestry of humanitarian values, all contributing to a broader ideology of empathy, solidarity, and commitment to building a more just and compassionate world.

Speech 2³. The nature of King Abdullah II's speeches is very evident when he refers on the Rwandan Genocide, which, was a tragedy. The translation uses statements like “This memorial is full of power that reminds us that behind every person killed was a world unto itself”, and thereby builds empathy and compassion. Moreover, the text also stress on the empathy towards the survivors and the significance of reconciliation, as illustrated in the statements such as: ‘Your story can be a source of hope to all of us.’ Also, human dignity becomes the fundamental value, and the emphasis is given to the fact that dehumanizing rhetoric must be defeated in order to avoid conflicts. In TT, the expression of “Rwanda's experience has shown us that the elimination of the dehumanizing language can only be achieved in a system of Justice”. Justice is also recognized as a key aspect of peace and stability as indicated by phrases like “Peace and stability will be elusive in the absence of a just peace”. Peacebuilding activities are proved to be of the utmost priority since a new world is created based on the concepts of justice, honesty, and benevolence. The TT offers an opportunity of conveying the concept of hope and possibilities in a clear and direct manner through the use of “It shows us how tolerance, justice, and compassion can lead to a better future”. Thereafter, the concept of equity and social equality is affirmed and cooperation is highlighted as the remedy for most of the major challenges shadowing the poor. In the translation, there is a reinforcement to the concepts because of the particular phrases being used, such as “The only way we can have a healthy global community is when the weak and the poor are not forgotten”.

³ King Abdullah II. (2024, January 8). *Remarks at the Kigali Genocide Memorial* [Speech]. Kigali, Rwanda. Retrieved from <https://kingabdullah.jo/en/speeches/kigali-genocide-memorial>

*Speech 3*⁴. The speeches of King Abdullah II are imbued with his ardent belief in the possibility of a peaceful and just coexistence between the Palestinian people. This vow is confirmed with a translation like “ققحن امل اس لاداع امى ادو بعش لل ” “قح ين طر لن فلنا نل حيرت سن ى تح ”, which bears no empty words but a firm determination to obtain peace and justice for the Palestinian people.

Also, the support towards cooperation in the reconciliation of conflicts is highly portrayed throughout the speeches. The translations have vividly illustrated the mentioned engagement in the phrases like “We shall go on working with our partners to find the ways out of our struggle,” showing a deep persistence in cooperating with partners in finding these ways out.

The main theme of the speeches is the indicators of certain methods like a two state solution that is the only prerequisite for lasting peace. The translation of this phrase ‘we are committed to the cause of achieving a just, lasting, and sustainable settlement of the two states by recognizing that it is the only route to just peace’ expresses King Abdullah II’s devotion to this goal. One of the common idea in these poems is the theme of unity and the collaboration for the society to move forward. These translations are aimed at sending messages of unity that are reinforced through the use of expressions like “اعيم ج اعم ءان بل لبقت سم لضفأ ان ل ا ف ط ل أ ” “بجى نأ لم عن ” which allude to the collective necessity of building a safer future for our children. Nationalism and the feeling of pride for the native country is as well demonstrated in these speeches, through translations like “نوروخ ان ل لب ان بعش و ” “ن ح ن ” which reflect the national pride and the patriotism. On the other hand, we notice the consideration of our generations to come, for instance, through the pronouncement of “our responsibility is to protect our children and to give them a future better than we currently have,” which spring forth the thought that we should make certain that our children have good lives and future than we currently have. While translation captures the same message of courage and endurance, it puts emphasis on the triumph of many challenges, such as “Fear is not the right reason to keep us from defending the truth” and “We have passed many crises, and we shall overcome this one”. Other themes, such as the hope of a better future and the support of those who are less fortunate, are also noteworthy. Sentences like “We have hope for a brighter future” and “We are with the Palestinians in their efforts to achieve freedom and justice” are capable of conveying not only a positive message but also showing solidarity. On average, the translations offer a full reading of the speeches of King Abdullah II by transferring its essence and his messages of humanity and social values which are clearly and with emotion delivered. There are critical discourse analyses that the linguistic details and rhetorical techniques used in both the Arabic and English versions of speeches are highlighted. This ultimately leads to increased comprehension and admiration for their effects on different groups.

⁴ King Abdullah II. (2023, December 13). *Address at the Global Refugee Forum in Geneva* [Speech]. Geneva, Switzerland. Retrieved from <https://kingabdullah.jo/en/speeches/global-refugee-forum-geneva>

*Speech 4*⁵. King Abdullah II's speech highlights the source of mercy and solidarity between the refugees by quoting the sentence like this, "We shouldn't close our eyes towards the miseries of the refugees and that is what we are." This translation shows the essence of mercy to those who are in need and reminds us on the act of accompanying the refugees. King Abdullah II of Jordan, who is the monarch of Jordan, has compassion with Syrian refugees through his words such as "Let us not be hard-hearted and turn our backs on Syrian refugees as I have stated earlier: 'Just a few months ago, I was before the UN General Assembly and I urged the world not to forget Syrian refugees.'" This shows the empathy towards the Syrian refugees and the world. The same statement conveys the King's engagement and support for Palestinians and UNRWA as King Abdullah II says, "We are with Palestinians and UNRWA in whatever we can." The translation has expressed the state of respect and the backing the agency has for the Palestinian people and those who are in charge of dealing with the Palestinian refugees. The responsibility of preserving the dignity of refugee communities is a very crucial assignment for King Abdullah II, as he said, "Our country takes the heavy burden of costs and the hardships due to the presence of refugees in our midst". King Abdullah II asserts that justice and long-term solutions are a must when dealing with humanitarian crises and warns against short-term remedies in his statement, "We don't stop at short-term solutions and go on to solve the next crisis." The translation conveys the essence of addressing justice and long-term solutions as a vital component of dealing with humanitarian crises. The call for that people get involved in the work of peacebuilding is contained in the phrase "Therefore, use this workshop as a tool to make a difference". The King emphasizes cooperation and collective responsibility in dealing with global problems, by saying that "it is a long-lasting collaboration between us on behalf of the international community". He emphasizes that co-operation is essentially the way to solve societal problems, but this depends on whether the youth of the age are provided for or they are abandoned which means they will become part of the lost generation. Through the bringing in the foreground of the significance of inclusiveness and lowered attention on pivotal problems, King Abdullah II argues, "We see attention waning." The translation simply conveys the need for constant attention on critical issues by bringing forward the significance of inclusiveness. King Abdullah II emphasizes that equality and inclusiveness features should be incorporated into all global development programs. He argues, "A community that has a sense of its global nature cannot be healthy unless the most vulnerable of its members are not left behind." The translation should be able to convey that there should be equality and inclusion in the global endeavors for the overall well-being of the community. Finally, the translations do not lose the humanitarian and social values of King Abdullah II as well as his

---

⁵ King Abdullah II. (2023, November 11). *Remarks at the joint Arab-Islamic Extraordinary Summit on Gaza in Riyadh* [Speech]. Riyadh, Saudi Arabia. Retrieved from <https://kingabdullah.jo/en/speeches/joint-arab-islamic-extraordinary-summit-gaza-riyadh>

calls for emotions, while being able to retain the essence of his rhetorics. The discourse analysis reveals that Arabic and English versions of the speech utilize linguistic intricacies and rhetoric strategies which, in combination, make the speech more effective on the multicultural audience.

Speech 5⁶. A statement by King Abdullah II about his intention to stay with the people of Yemen to seek peace and stability is indicated in the statement: “We will continue to help Yemenis until their quest for peace and stability is completed”. Proving his wish to interact, King Abdullah II says, “We are fully dedicated to cooperate with our partners in their search for a political solution to the Yemen crisis.” The translation is clear enough: it shows a strong determination to work along with others to find a political solution to the Yemen conflict. The translation manages to emphasize the kind of strength of commitment because the King Abdullah II says that, “We will not rest until we see justice and lasting peace in Yemen.” His Majesty King Abdullah II strongly advises that unity and action be the main focus, he said, “The people of Yemen and the whole population must work together in helping the Yemeni people”. The idea of the message is sufficiently expressed in the translation of such an utterance. King Abdullah II, in an effort to incite a feeling of patriotism, says: “We are proud of our country and our people.” The translation serves this purpose well by suggesting a sense of pride and national loyalty. Regarding responsibility of future generations, King Abdullah II said, “We are the custodians of the future of our children and we must do our absolute best to protect them and give them the best possible future”. The translation clearly shows the kind of duty that should be assumed to protect children and provide them with the best opportunities in the future. King Abdullah II emphasizes the need to face the challenge timidly, as he says, “Let us not be afraid of standing for what is right.” The translation is very precise in that it shows how crucial bravery is in the fight for justice and truthfulness.

King Abdullah II’s addresses are fashioned out of a combination of linguistic devices in the form of rhetoric to convey his thoughts thus: humanity and societal matters. These particular words are emphasized to highlight their importance. These words like “commitment,” “unity,” and “solidarity” are repeated several times in that context. However, in the course of time, these ideas become the main concepts. Firstly, the speeches make use of emotions and use emotional words when giving the impressions of refugees and the conflict victims. In a similar manner, the theme of religion is also prevalent in the sentences like when the mention of God and words like ‘resolve’ and ‘dignity’ are used, this teaches the readers that the arguments are fair and moral. Not only that, but a clear and explicit appeal also can be heard that sums up the interdependence, interconnectedness, and vigor of the whole world. Through the speakers’ vivid

⁶ King Abdullah II. (2023, December 1). *Remarks at the United Nations Climate Change Conference (COP28) hosted by the United Arab Emirates* [Speech]. Dubai, United Arab Emirates. Retrieved from <https://www.kingabdullah.jo/en/speeches/united-nations-climate-change-conference-cop28-hosted-united-arab-emirates>

imagery with the harrowing details, they are able to paint a truly powerful picture, namely the life of anguish, fortitude and hope. These strategies together support King Abdullah II's message of compassion and social responsibility which makes the speeches of his very engaging and memorable. Emotional appeals are a powerful method of engaging the audience which engenders empathy and thus the supporters for the issues promoted by the king. Being of religious nature, these citations further support the arguments by appealing to the common values. Also, through the usage of visual imagery, the viewer will be shown how hardships are experienced by the vulnerable populations thus creating an urge to take action and stand in solidarity. The distribution of values in King Abdullah II's speech shows that the greatest (68.75%) part of his discourse points to humanitarian values, including, but not limited to, compassion, empathy, and camaraderie with the vulnerable. Social values that include dignity, justice, and peace are also in the group of the discourse, they take up 31.25%. Under the category of social values, peace and solidarity are each for 12.5%, cooperation takes 8.33%, inclusiveness takes 4.17%, and equality takes 2.08%. With references to translations, there may be minor discrepancies between the original Arabic text and the translated version, but still the main sense and impact are delivered in an effective manner. The translators, in turn, show their mastery of cultural subtleties; the result is an accurate message that is not lost on a diverse audience.

Conclusion

The translations succeeded in preserving the main gist and core messages of King Abdullah II's speeches, mainly highlighting human and social values. Although there are some differences in the choice of words and form of wording among the translations, the main meaning is always the same. Translators have skillfully embodied in their translations the feelings of determination, loyalty, unity, patriotism, duty, courage, fortitude, hope, unity, compassion, empathy, respect, dignity, justice, peace, cooperation, inclusiveness, and equality that are present in the original speeches.

Cultural Sensitivity. Interpreters show deep comprehension of cultural nuances and sensitivities, and this allows them to successfully translate phrases and words so that they are understood by the target audience. This method corresponds with Baker's (2018) assumption that translation is deeply rooted in particular cultural context.

Political Context. Viewing the speeches as political, the translators thought about the political background and the political meanings of some words. They dealt skillfully with controversial issues such as the Israeli-Palestinian conflict, taking into account what Venuti (2021), Schaffer and Bassnett (2017) have to say on the topic.

Audience Consideration. Translators adapted their translations fit the purpose of the audience they aimed at, whether it was domestic or international. They made sure of the clarity and relevance of the speeches' messages; this way, they

were able to translate the messages to different listeners, as Hatim and Mason (1997) stated.

Tone and Style. Translators adapted concisely the formal expressions and the flow of the speeches to preserve the speaker's authority and to convey the appropriate level of formality or emotion. This strategic approach demonstrates Mossop's (2020) recommendations for doing translation effectively.

Interpretation. During the translation of phrases and expressions, translators might have come up with different interpretations depending on their knowledge of a speaker's intents. This is all in line with Even-Zohar's (1990) talk about factors and norms in translation.

The spread of King Abdullah II's advocacy on a global scale is achieved through translation, thus increasing the awareness and understanding of the relevant issues reflected in the translation studies' agenda of Cronin (2006) and Lefevere (2016). Perpetual endeavours aimed at improving translation quality and ensuring the language and cultural accuracy are key to achieving the highest impact of such messages in the multicultural context as Pym (2012) and others (Bassnett, Lefevere, 1998) suggest.

Jordan's policy towards the whole world and its neighboring areas is substantially influenced by the fact that the humanitarian and social values are the major constituents upon which Jordan's policy is based, as highlighted by King Abdullah II's speeches. The speeches again and again echoed compassion, empathy, justice and peace, the themes that the King stood for strongly. They were the King's organizing principle, whereby he was a champion of people's welfare and harmony in society.

The larger part of the speeches (68.75%) is connected with the humanitarian matters, among the Syrian refugees and the Palestine-Israel conflict. It makes it explicit that Jordan is the country that deals with alleviation of humanitarian crises. During this time the social values took second place (31.25%) and the patriotism, responsibility, and courage are still the main treasures of this moral code. The findings indicate that Jordan's role encompasses that of a regional peace broker and humanitarian actor in the Middle East. This makes the country an extremely good example of commitment, compassion and a symbol of cohesion in the Middle East. This accordingly forms King Abdullah II positive attractive image.

References

- Al Khotaba, E.H., & Alfaqara, W.M. (2024). An Analysis of English Commemorative Expressions of King Abdullah II on the Silver Jubilee Day (2024). *Annals of the Faculty of Arts*, 52, 316–335.
- Al-Kaabneh, B.I.M., & Abdullah, A.T.H. (2023). Equivalence in the Translation of Metaphors and Idioms in King Abdullah II'S Political Speeches. *International Journal of Humanities, Philosophy Language*, 6(22), 01–08. <https://doi.org/10.35631/IJHPL.622001>

- Al-Khawaldeh, N., Rababah, L., & Al-Khawaldeh, S. (2024). The ideology of tolerance in King Abdullah's speeches: A critical discourse analysis study. *International Journal of Arabic-English Studies*, 24(2), 17–34. <https://doi.org/10.33806/ijaes.v24i2.589>
- Almahasees, Z., & Mahmoud, S. (2022). Persuasive Strategies utilized in the Political Speeches of King Abdullah II: A Critical Discourse Analysis. *Cogent Arts & Humanities*, 9(1), 2082016. <https://doi.org/10.1080/23311983.2022.2082016>
- Asmaa, S.K. (2024). A stylistic-critical discourse Analysis of persuasive strategies in King Abdullah II's Speeches. *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 21(02), 1486–1498. <https://doi.org/10.30574/wjarr.2024.21.2.0539>
- Baker, M. (2018). *In other words: A Coursebook on Translation*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315619187>
- Bassnett, S., & Lefevere, A. (1998). *Constructing cultures: Essays on literary translation*. London: Routledge.
- Bielsa, E., & Bassnett, S. (2009). *Translation in global news*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203890011>
- Burke, M. (2023). Rhetoric and Poetics: The Classical Heritage of Stylistics. In M. Burke (ed.) *The Handbook of Stylistics* (pp. 11–30). Routledge Press.
- Chesterman, A. (2018). *Memes of translation: The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/btl.132>
- Cronin, M. (2006). *Translation and identity*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203015698>
- Even-Zohar, I. (1990). The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem. *Poetics Today*, 11(1), 45–51.
- Hatim, B., & Mason, I. (1997). *The translator as communicator*. London: Routledge.
- Kareem, A.S. (2024). A stylistic-critical discourse analysis of persuasive strategies in King Abdullah II's Speeches. *World Journal of Advanced Research and Reviews*. 21(02), 1486–1498. <https://doi.org/10.30574/wjarr.2024.21.2.0539>
- Lefevere, A. (2016). *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315458496>
- Mossop, B. (2020). *Revising and editing for translators*. London: Routledge.
- Munday, J. (2016). *Introducing translation studies: Theories and applications*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315691862>
- Prayitno, H. J., Huda, M., Inayah, N., Ermanto, E., Ardi, H., Giyoto, G., & Yusof, N. (2021). Politeness of directive speech acts on social media discourse and its implications for strengthening student character education in the era of global education. *Asian Journal of University Education*, 17(4), 179–200. <https://doi.org/10.24191/ajue.v17i4.16205>
- Pym, A. (2012). *On Translator Ethics Principles for mediation between cultures*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/btl.104>
- Schäffner, C., & Bassnett, S. (Eds.). (2010). *Political discourse, media and translation*. Cambridge Scholars Publishing.
- Van Dijk, T.A. (1993). Principles of critical discourse analysis. *Discourse & society*, 4(2), 249–283. <https://doi.org/10.1177/0957926593004002006>
- Venuti, L. (1993). Translation as cultural politics: Regimes of domestication in English. *Textual Practice*, 7(2), 208–223. <https://doi.org/10.1080/09502369308582166>
- Venuti, L. (2021). *The Translation Studies Reader*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429280641>
- Volkova, I.I., & Ashour, H.Y. (2021). Media Image of Jordan in Runet Media: Specifics of Non Personification. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(1), 39–50. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).39-50](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50) (In Russ.)
- Winterton, J. (Ed.). (2017). *Legal discourse across languages and cultures*. Bloomsbury Publishing.

Bio notes:

Ismail A. Ismail, PhD, Dr., Vice Rector for Academic Affairs, College of Arts, Alnoor University, Mosul, 41012, Republic of Iraq. ORCID: 0000-0001-6592-5846. E-mail: ismail.a.ismail@alnoor.edu.iq

Bella A. Bulgarova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; Professor, Department of Digital Media, College of Arts, Alnoor University, Mosul, 41012, Republic of Iraq. ORCID: 0000-0001-6005-2505. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

Haya Yu.J. Ashour, PhD in Philology, Assistant Professor Mass Media, College of Media and Mass Communication, American University in the Emirates, Dubai Intl. Academic City, Dubai, 503000, United Arab Emirates. ORCID: 0000-0002-5532-5924. E-mail: haya.ashour@aue.ae

Sara Tabatabaei, Postgraduate Student of the Department of Mass Communications, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-6165-6978. E-mail: saratabatabayee@gmail.com

Natalya E. Rastorgueva, PhD in Philology, Senior lecturer of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7540-0848. E-mail: rastorgueva-ne@rudn.ru

Сведения об авторах:

Измаил Абдулваххаб Измаил, доктор наук, проректор по учебной работе, Колледж гуманитарных наук, Университет Альнур, Республика Ирак, 41012, Мосул. ORCID: 0000-0001-6592-5846. E-mail: ismail.a.ismail@alnoor.edu.iq

Булгарова Белла Ахмедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор кафедры цифровых медиа, Колледж гуманитарных наук, Университет Альнур, Республика Ирак, 41012, Мосул. ORCID: 0000-0001-6005-2505. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

Ашур Хая Юсеф Джамиль, доктор философии в области филологии массовых коммуникаций, доцент, Колледж медиа и массовых коммуникаций, Американский университет в Эмиратах, Объединенные Арабские Эмираты, Международный академический городок Дубая, 503000, Дубай. ORCID: 0000-0002-5532-5924. E-mail: haya.ashour@aue.ae

Табатабаи Сара, аспирантка кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0003-6165-6978. E-mail: saratabatabayee@gmail.com

Расторгуева Наталья Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-7540-0848. E-mail: rastorgueva-ne@rudn.ru

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

INTERVIEW

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-835-839

EDN: RNQWNZ

УДК 791:070

Преподавание журналистских дисциплин в эпоху панмедиатизации: интервью с профессором Владимиром Тулуповым

История статьи: поступила в редакцию 29 августа 2024 г.; отрецензирована 30 сентября 2024 г.; принята к публикации 10 октября 2024 г.

Для цитирования: *Проскурнова Е.Л.* Преподавание журналистских дисциплин в эпоху панмедиатизации: интервью с профессором Владимиром Тулуповым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 835–839. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-835-839>

Teaching journalism in the age of panmediatisation: an interview with Professor Vladimir Tulupov

Article history: submitted August 29, 2024; revised September 30, 2024; accepted October 10, 2024.

For citation: Proskurnova, E.L. (2024). Teaching journalism in the age of panmediatisation: An interview with Professor Vladimir Tulupov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 835–839. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-835-839>

Воспоминания об учебе в университете для каждого студента связаны в первую очередь с преподавателями. Их слова, наставления, шутки, замечания, характерные жесты невозможно забыть. За 45 лет преподавательской карьеры Владимир Васильевич Тулупов, которому в августе 2024 года исполнилось 70, запомнился тысячам молодых людей. Профессор, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета, главный редактор научного журнала «Вестник ВГУ. Филология. Журналистика» и научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации», автор сотен научных и художественных текстов, преподаватель,

© Проскурнова Е.Л., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

который в плотном графике всегда найдет время для коллег и учеников. Во время интервью, приуроченного к юбилею выдающегося российского ученого, мы обсудили настоящее и будущее отечественной журналистики и науки.

– Владимир Васильевич, на заре карьеры Ваш исследовательский интерес был сфокусирован на дизайне СМИ. Позже Вы стали уделять много внимания менеджменту и рекламе в медиа. Какие направления, вопросы, проблемы журналистской сферы занимают Ваши мысли сегодня?

– Проблемы доверия к современным СМИ и нюансы управления редакциями, новые профессиональные стандарты журналистской деятельности, осмысление роли журналиста в медиасистеме XXI века – эти вопросы волнуют меня и как исследователя, и как преподавателя. Разумеется, приходится знакомиться с новыми инструментами и алгоритмами генерации медиаконтента для традиционных и новых средств массовой информации. Однако есть направление, которое интересовало меня всегда – фундаментальные принципы функционирования журналистской отрасли, ее онтология. Студенты сегодня довольно быстро осваивают материал, который касается практической стороны деятельности. Но крайне необходимо вместе с ними искать ответы на базовые вопросы нашей научной сферы: где проходит демаркационная линия между качественной журналистикой и ее низкопробной версией; в какой информации действительно нуждается аудитория; как журналистскому сообществу научиться производить сбалансированный объем данных, который, с одной стороны, позволял бы читателю или зрителю обладать нужным количеством знаний о мире, а с другой – не провоцировал бы возникновение нервозности в обществе. Многие уже сознательно отказываются, например, от чтения новостей. Журналистика жива, пока на нее есть спрос. В цифровую эпоху, когда господствует субъект-субъектная коммуникация, мы, журналисты, должны понимать новые запросы аудитории, что, как мне кажется, непросто. Важно научиться «отключать» внешние раздражители, различать сиюминутные тенденции и действительно базовые современные потребности общества в контексте потребления информации. Как звезды можно увидеть только ночью, так и нам нужен луч в темноте.

– Многие выпускники Воронежского государственного университета работают и в Воронеже, и в соседних городах. Какие ключевые тенденции развития современной региональной журналистики Вы отмечаете? На какие страны стоит ориентироваться в контексте развития местных медиа?

– Важнейшим источником информации для жителей регионов об их родных городах становятся телеграм-каналы, а также местные паблики. Новости разного характера публикуются молниеносно, в сжатом формате, с использованием аудиовизуальных материалов. Разумеется, аудитории

такой способ потребления информации удобен и интересен. С сожалением констатирую тяжелое положение, в котором оказывается локальная пресса. Для огромного количества изданий основным источником финансирования является региональный бюджет, что, конечно, сказывается на информационной политике. С другой стороны, падает спрос со стороны читателей. В научном и профессиональном сообществах ведется дискуссия, а есть ли смысл вообще в ближайшей перспективе сохранять редакции муниципальных изданий. На мой взгляд, ответ положительный. Они нужны обществу. Ведь все еще сохраняется близость к аудитории, сформировавшаяся за много лет доверия со стороны большого числа людей, которые привыкли сообщать о своих проблемах журналистам и надеются, что они и сегодня могут привлечь внимание к острым социальным вопросам. Именно у печатных СМИ есть возможность размещать развернутые статьи, журналисты могут углубиться в проблему, узнать мнения всех причастных лиц. Но мне также хочется отметить и неочевидные сильные стороны цифровых платформ. Россияне сегодня знают намного больше о происходящем в разных уголках страны. Потребителями новостей конкретного региона становятся не только местные жители. На локальные каналы и паблики подписываются люди из других регионов. И, кстати, это важный источник сведений для журналистов федеральных изданий.

– Какие функции массмедиа выходят на первый план? Журналистика эпохи панмедиатизации, по Вашему мнению, – это сервис, обслуживающий потребность общества в информации, или она все еще сохраняет статус важнейшего социального института?

– Я на стороне тех ученых и журналистов, которые продолжают считать средства массовой информации такой субстанцией, которая не просто влияет на общество, но и во многом является формообразующим фактором социальной системы. Аудиторию и автора любого материала объединяет ментальная связь. Читая даже небольшую, лишённую эмоциональной окраски заметку, человек неизбежно вступает в диалог с журналистом. Это то, чего не в состоянии дать людям искусственный интеллект. Можно, конечно, вступить в диалог и с деревом, но такой разговор продлится недолго. Человеку нужен человек. Автор влияет на публику, даже если он не высказывает прямо свое мнение: совокупность данных, подборку которых он делает, выбранные слова, то, что он упоминает и не упоминает, формирует представление людей о действительности.

– Вы не только руководите журфаком, но и проводите для будущих журналистов лекции и семинары. Что сегодня самое сложное в преподавании предметов, связанных с историей, эволюцией и функционированием медиа?

– Наверное, убедить студентов в том, что невозможно избежать постижения непростых для понимания идей. Для построения успешной карьеры недостаточно просто научиться размещать посты в телеграме.

– В чем специфика преподавания журналистских дисциплин в региональном вузе? Оказывает ли этот статус значительное влияние на формирование учебных программ?

– Я бы не сказал, что степень влияния этого фактора значительна. Но, конечно, мы не можем игнорировать то, что многие наши студенты не собираются работать в нашем регионе, а хотели бы, например, уехать в Москву или другой большой город. Для нас важно сформировать у них положительный образ локальной медиасистемы. Наши СМИ по-прежнему нуждаются в профессиональных кадрах.

– Существует мнение, что журналистику нельзя считать наукой. Справедливо ли, хотя бы отчасти, такое утверждение? На чем оно основано?

– Это вечная проблема всех гуманитарных наук. Если идею нельзя уложить в математическую формулу и в конце получить простой ответ, само ее право на существование в научном поле отрицается обществом. Я, если честно, не хотел бы вступать в спор с людьми, которые придерживаются такого мнения. Есть журналистика как исторически востребованная духовно-практическая деятельность, и есть теория журналистики. Журналистику, конечно же, необходимо изучать. Тенденции, законы, проблемы, степень влияния на социум, перспективы отрасли, – все это оказывается в фокусе внимания коллег. Не претендую на то, что журналисты-практики читают наши научные исследования, скорее, вижу противоположное. Но, что важно, научное сообщество, обмениваясь новыми знаниями, релевантными данными, полученными в результате большой работы, формирует общее понимание конкретных вопросов. И впоследствии мы делимся этими знаниями со студентами, будущими профессионалами.

– Какие надежды связывают современные студенты с профессией журналиста?

– Многих, как это было во все времена, привлекает публичность, им хочется блистать на телеэкране, создать популярный блог. Разумеется, ребята рассчитывают, что эта профессия будет приносить им хороший доход. Есть и такие студенты, которые надеются что-то изменить в окружающем мире в лучшую сторону. Не могу не сказать и об учащимся, планирующих связать свое профессиональное будущее с военной журналистикой. У нас на факультете есть отдельная специальность, которая так и называется, – «Военная журналистика».

– Россия остро нуждается в ученых. Но даже до защиты кандидатской диссертации доходит один из десяти аспирантов. Вы начинали как журналист-практик, сотрудничали с несколькими популярными газетами. Что привело лично Вас в науку? И что нужно сделать, чтобы мотивировать молодежь проводить исследования, преподавать, предлагать новые идеи?

— Очень часто молодые люди приходят в аспирантуру, уже работая в какой-то сфере, часто полный день. И у них физически не остается времени на подготовку большой работы. Некоторые при поступлении не осознают, насколько сложно писать кандидатскую, другие не могут найти интересную тему. Важно сказать, что большой отсев в аспирантуре — это не только российская проблема. Такую же ситуацию мы наблюдаем во многих странах, в том числе с сильными научными школами. На мой взгляд, нужны два принципиально важных фактора, чтобы успешно завершить проект: характер (таланта недостаточно, нужно уметь, невзирая на обстоятельства, методично уделять внимание тексту, писать, пусть по три предложения в день, но писать) и хороший научный руководитель, который поддержит, когда мучают сомнения, не даст бросить все на полпути. Последнее тоже редкость. И одна из моих задач как декана факультета журналистики ВГУ привлекать действительно талантливых педагогов к работе с аспирантами.

*Интервью провела Е.Л. Проскурнова /
Interviewed by Evgeniya L. Proskurnova*

Сведения об авторах:

Проскурнова Евгения Леонидовна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры коммуникационных технологий, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38. ORCID: 0000-0002-2985-7898. E-mail: karikh.el@gmail.com

Тулупов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская площадь, д. 1. ORCID: 0009-0000-2292-7972. E-mail: vlvtul@mail.ru

Bio notes:

Evgeniya L. Proskurnova, Lecturer, Department of Communication Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2985-7898. E-mail: karikh.el@gmail.com

Vladimir V. Tulupov, Grand PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Public Relations, Advertising and Design, Dean of the Faculty of Journalism, Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-2292-7972. E-mail: vlvtul@mail.ru

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-840-857

EDN: RRFEQJ

UDC 821.111

Review / Обзорная статья

Readers' acceptance of Ian McEwan novels in Mainland China: a systematic review

Wen Nie¹, Leng Chan Siaw¹, Shobihah Dayang¹✉, Ayuni Nur²

¹University Putra Malaysia, Sarawak, Malaysia

²University Putra Malaysia, Serdang, Malaysia

✉shobihah.abai@upm.edu.my

Abstract. With the accelerated development of globalisation and the deepening of cultural exchanges, cross-cultural translation and literary reception have become important topics in contemporary literary studies. This review aims to explore readers' acceptance of Ian McEwan's novels in mainland China. To this end, the databases of CNKI, EBSCO, Web of Science, Taylor and Francis, and Science Direct have been explored, and twenty-one studies published between 2000 and 2024 have been analysed. A systematic review was used as a research methodology, and the studies were analysed using a content analysis method. The findings revealed that there is rich research on Ian McEwan's novels but very few significant studies on how ordinary readers accept translated Ian McEwan novels in mainland China. Moreover, other studies have concluded that Chinese readers widely and extensively accept Ian McEwan's novels as they provoke emotional feelings, arouse ethical considerations, and compel readers to reflect critically. The findings have provided researchers in literature, translation, and intercultural studies with a comprehensive understanding of the current state of reception of Ian McEwan novels in China.

Keywords: reception, translation, novel, methodology, work, content analysis, reader, reading

Author's contribution. *Wen Nie* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Leng Chan Siaw* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Shobihah Dayang* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Ayuni Nur* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing.

Conflicts of interests: The authors declare that there is no conflict of interest.

© Nie W., Siaw L.C., Dayng S., Nur A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history: submitted August 5, 2024; revised September 20, 2024; accepted October 1, 2024.

For citation: Nie, W., Siaw, L.Ch., Dayang, Sh., & Nur, A. (2024). Readers' acceptance of Ian McEwan novels in Mainland China: A systematic review. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 840–857. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-840-857>

Читательское восприятие романов Иэна Макьюэна в материковом Китае: систематический обзор

В. Нье¹, Л. Ч. Сяо¹, Ш. Даян¹✉, А. Нур²

¹Университет Путра Малайзия, Саравак, Малайзия

²Университет Путра Малайзия, Серданг, Малайзия

✉shobihah.abai@upm.edu.my

Аннотация. С ускоренным развитием глобализации и расширением межкультурной коммуникации перевод и рецепция стали важными темами современных литературных исследований. Обзор направлен на изучение восприятия читателями романов Иэна Макьюэна в материковом Китае. В рамках исследования использованы базы данных CNKI, EBSCO, Web of Science, Taylor and Francis, Science Direct, а также проанализирована двадцать одна работа, опубликованная с 2000 по 2024 год. В качестве методологии исследования проведена систематическая проверка, а изучение материала осуществлено с применением контент-анализа. Результаты показали, что несмотря на богатую исследовательскую базу произведений Иэна Макьюэна, существует крайне мало значительных изысканий, посвященных восприятию переведенных романов автора рядовыми читателями в материковом Китае. Более того, другие ученые пришли к выводу, что китайские читатели широко и глубоко принимают романы Макьюэна, поскольку они вызывают эмоциональные переживания, побуждают к этическим размышлениям и стимулируют критическое осмысление текста. Результаты проведенного сопоставительного анализа позволяют всесторонне оценить текущее состояние рецепции романов Иэна Макьюэна в Китае.

Ключевые слова: рецепция, перевод, роман, методология, произведение, контент-анализ, читатель, чтение

Вклад авторов. В. Нье – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. Л. Ч. Сяо – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. Ш. Даян – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. А. Нур – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 августа 2024 г.; отрецензирована 20 сентября 2024 г.; принята к публикации 1 октября 2024 г.

Для цитирования: Nie W., Siaw L.C., Dayng S., Nur A. Readers' acceptance of Ian McEwan novels in Mainland China: a systematic review // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 840–857. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-840-857>

Introduction

Background of this study

In contemporary literary studies, literary translation and cross-cultural acceptance are among the most important directions that attract attention (Yue, 2021). As a cultural product, the translation and reception of literary works in different cultural contexts involves a complex process of cultural exchange and cognition (Li, 2016). Intercultural communication continues to be an active subject in modern philology (G'aniyevna, 2023). Universal human values are exalted through the general and special characteristics of cultures specific to representatives of other nationalities and the opportunities for mutual understanding that are established between peoples (Gyekye, 2004). Reception concerns in fiction play a significant role (Holub, 2013).

As an outstanding novelist, McEwan's work is widely recognised and accepted not only in British literature but has also won him international acclaim (Head, 2013). His works have been translated into many languages and have struck a chord with readers worldwide (Luo, 2017). According to Luo (2017), the success of McEwan's writings has also been reflected in China, where Chinese translations of his novels have earned growing attention and admiration from Chinese readers. McEwan's works play an essential role in literary creation and have a far-reaching influence on literary theory and cultural studies (Yang, 2017). By undertaking a thorough analysis of McEwan and his work, the researcher acquires a better understanding of the evolution and transformation of current English literature, as well as important subjects such as human existence and social ethics, with related research being able to contribute to theoretical and practical advances in cross-cultural communication, but it also deepens the discussion in the subject of literary translation studies (Yang & Zhang, 2017).

This review aims to clarify the research landscape of the literary acceptance of Ian McEwan novels in China, casting light on what we already know and what still needs further investigation. The research originates from diverse fields of study, namely literary studies, translation studies, media and communication, cultural studies, and psychological studies. It furthermore argues for the relevance of understanding this phenomenon and reflecting on tools for interdisciplinary research.

First, this study introduces the perspective that leads us to undertake a review of this kind and presents the research question. Second, the selection and analysis of the research are illustrated. The third and fourth sections follow with the analysis of findings and discussion. The last gives a conclusion of this review and the implications it is meant to bring about.

Studies on Ian McEwan novels in Mainland China

The reception theory holds that readers in different countries have different expectations and aesthetic concepts due to their different language habits, cultural backgrounds and values (Holub, 1992). Before the 1990s, there was a

gap in the translation and study of how McEwan's works are accepted in China (Shang, 2018). In 1992, *Foreign Literature and Art*, a journal under the Shanghai Translation Publishing House, published McEwan's short story *The Moment of Dying* (translated by Wang Yiqun) (1992), which was the first time that McEwan's work was published in China. In 1998, *Foreign Literature* magazine published two short stories by McEwan, respectively *Two Fragments: March 199...* (1978; translated by Zuo Xiaolan) and *To and Fro* (1978; translated by Zhang Jige). Since then, McEwan's works slowly began entering Chinese readers' reading field (Jin, 2021).

Entering the 21st century, the translation of McEwan's works began to take off. On the one hand, periodicals and magazines continued to translate McEwan's short works and long selections; on the other hand, major publishing houses began to compete to buy the Chinese copyrights of McEwan's works and released translations one after another (Huang & Wang, 2021). The translation and publication of McEwan's long stories by Chinese translators is the most complete and systematic of all his works, and at present, all his long stories published before 2022 have been published in Chinese (Shanghai Translation Publishing House, 2024).

Research on McEwan's works in China has proved fruitful. In addition to macroscopic studies of McEwan's books, various researchers have done in-depth investigations of individual novels (Zheng, 2020). The general acceptance of McEwan's novels in China has largely occurred in the 20 years since the beginning of the twenty-first century when both the reception environment and Chinese readers have taken on a distinct personality (Liu, 2021). The unique Internet communication environment during this period also influenced how readers accessed information, which affected the acceptance of McEwan's novels in China. In recent years, due to many Chinese translations of McEwan's works published, and the popularity of movies based on his works, especially the movie *Atonement*, McEwan's attention in China has been heating up rapidly.

Existing research results of the reception of Ian McEwan are mainly focused on some of his novels, such as *Atonement* and *The Child in Time*, while McEwan, as a versatile writer in the British literary world today, has not yet received enough attention for his other types of literary works. In terms of research perspectives, most existing research focuses on the themes of growth, time, postmodern narrative techniques, ethics and morality in McEwan's works. However, the acceptance of McEwan in China and related research mainly focuses on academics, and few studies have taken ordinary readers as the research object to explore the reception of McEwan's works in Chinese society and the reading experience of ordinary readers. Therefore, this field lacks a systematic literature review of research on accepting Ian McEwan's works in China. There is a need to conduct a comprehensive review of research within this paradigm as it could help literary studies and translation studies researchers to develop a comprehensive understanding of the current state of the reception of foreign literature in China by critically evaluating the existing literature, conceptually and theoretically. The present study fills this gap by reviewing the relevant research and highlighting the gap for future research within this paradigm. The present study has attempted to answer the following research question: What is the acceptance of Ian McEwan novels in China?

Methods

Literature research strategy

This study employed a systematic review method based on the research question that guide which studies should be included for review (Snyder, 2019). Systematic literature reviews, either quantitative or qualitative, are valuable tools for acquiring conclusions from enormous amounts of research and advancing scientific theory and evidence-based practice (Harari et al., 2020).

The current review follows established guidelines designed to ensure the research question is addressed comprehensively, using relevant literature that reflects the issue under discussion (Seluk, 2019). This study intended to investigate the acceptance of Ian McEwan's novels in China.

Data collection and analysis

Five electronic databases were searched to identify research articles that are relevant to the research question and aim of this research, including CNKI, EBSCO, Web of Science, Taylor and Francis, and Science Direct. The collected articles were written in English or Chinese, from peer-reviewed journals, and published from 2000 to 2024. This study investigated the acceptance of Ian McEwan's novels in China in the 21st century. The selection of search terms, "Ian McEwan", "Ian McEwan novels", "McEwan", "reader", "reading experience", "reception", "acceptance", and "accept" was guided by the research question. Boolean (AND/OR/NOT) operators were used to link terms to return literature in the databases.

From the corpus of related analysis, the researchers included only relevant research works for analysis in this research. The included studies were analysed by utilising content analysis. It allows researchers to compare, contrast and categorise the data (Fink, 2019).

Selection criteria

After inputting the search terms on CNKI, EBSCO, Web of Science, Taylor and Francis, and Science Direct, only articles/theses which met the search criteria were included: articles that are completely accessible, articles on the reception of Ian McEwan novels, publications between 2000 and 2024. Excluded articles were repetitive publications, books, and chapters on the acceptance of Ian McEwan novels and research articles written in languages other than English or Chinese. Thus, the selected articles initially from the databases are 123 from CNKI, 29 from EBSCO, 37 from Web of Science, 38 from Taylor and Francis, and 11 from Science Direct. After removing duplicated studies by Zotero, the resulting studies are 182.

The inclusion criteria of the studies included: a) research on Ian McEwan novels, b) research about Chinese readers' acceptance, and c) research articles. The exclusion criteria of the studies included a) book reviews, b) research on the novelist Ian McEwan himself, and c) non-literary studies.

Data extraction and synthesis

Initial data extraction was performed utilizing a review template that captured essential details such as each study’s theoretical perspective or framework, data sources, methodologies, and primary conclusion. Two reviewers independently carried out the screening process, with the extracted information consolidated and organised into a summary table.

After examining the title and abstract, 85 studies were excluded as they did not fit the inclusion criteria or the full articles could not be retrieved. The rest of the 97 studies were reviewed for eligibility in terms of full-text screening. Among these studies, 77 were removed as they dealt with the non-literary genre, discussing subjects other than Ian McEwan’s novels, reviewing novels of Ian McEwan, or not revealing the acceptance of Chinese readers. After the mentioned process, the 20 studies were reviewed in the present study (refer to Figure 1).

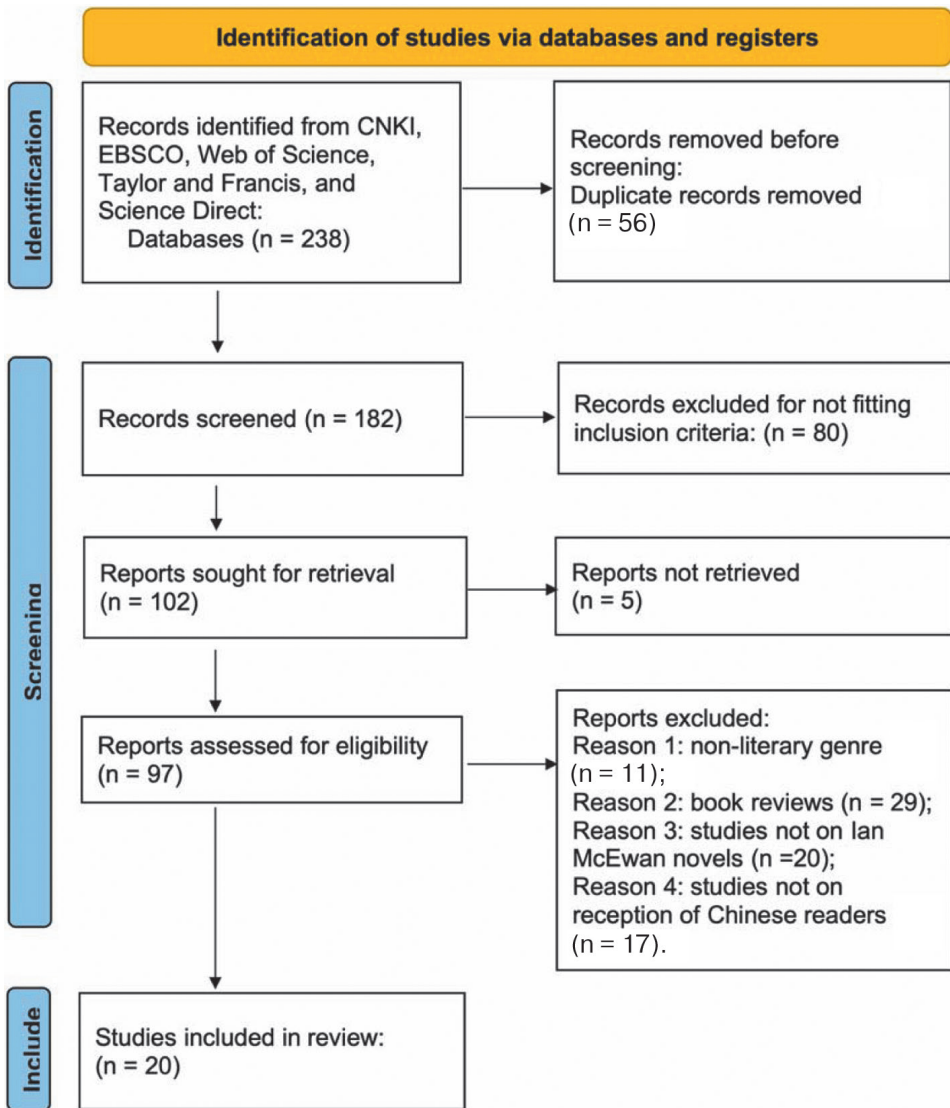

Figure 1. Flow diagram of the studies included in this study

Source: compiled by Wen Nie, Leng Chan Siaw, Shobihah Dayng, Ayuni Nur.

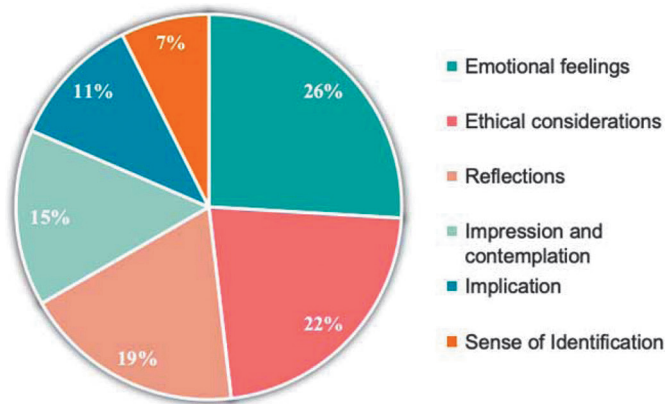

Results

This section presents an overview of the results found on the extracted aspects regarding the acceptance of Ian McEwan novels in China.

Reader acceptance of Ian McEwan novels in China

The authors of the 20 included studies, as readers of Ian McEwan's novels, engage in critical analysis and reflection on the characters, ethics, and narrative strategies within McEwan's works (Figure 2). Additionally, through their reading and interpretation of the novels, these researchers also represent the broader Chinese readership of McEwan's works.

Figure 2. An overview of reader acceptance in various response

Source: compiled by Wen Nie, Leng Chan Siaw, Shobihah Dayng, Ayuni Nur.

A significant response readers get from reading is that McEwan's novels evoke emotional feelings among readers. Hu (2014) asserts that McEwan's early novels often evoke feelings of depression and unease, compelling readers to grapple with complex motives that influence their moral judgments and to engage in intricate, self-reflective interpretations. Shang (2018, 2019, 2021) stated several times that reading Ian McEwan's works brings striking emotional experiences to the reader. Li (2021) posits that the use of irony in *Enduring Love* elicits sympathy and compassion in readers, compelling them to consider whether and how the narrative ultimately culminates in a queer ending. In the words of Zhou & Wu (2022), as the narrative of *Machines Like Me* unfolds, readers increasingly sympathise with Adam and become progressively more distrustful and alienated from the protagonist, Charlie.

Another noteworthy aspect is the ethical considerations for readers while engaging with McEwan's novels. Wang (2015) argues that McEwan's novels captivate readers with its clever and engaging plot but also prompts them to engage in deep ethical reflection. Yang (2017) also contends that McEwan, by depicting the inner struggles and self-healing of different characters after traumatic events, reveals the universality of trauma while also posing numerous

thought-provoking ethical questions for readers. However, there are also opposing ideas on ethical reflection. Geng (2016) states that readers are not required to adopt a specific stance on the issue of violence, as not all works aim to make moral judgments; instead, readers can approach the circumstances surrounding violence with a critical perspective.

In addition to ethical considerations, readers are often compelled to reflect while engaging with McEwan novels. According to Qiu (2007), McEwan compels readers to reflect critically on this idealised notion of hegemonic masculinity. Similarly, according to Geng (2014), McEwan guides readers to reflect on the complementary roles of science and art. While literary works may not fully resolve the need for confession, they significantly encourage readers to reflect on both the narrative and themselves (Wang & Tian, 2024).

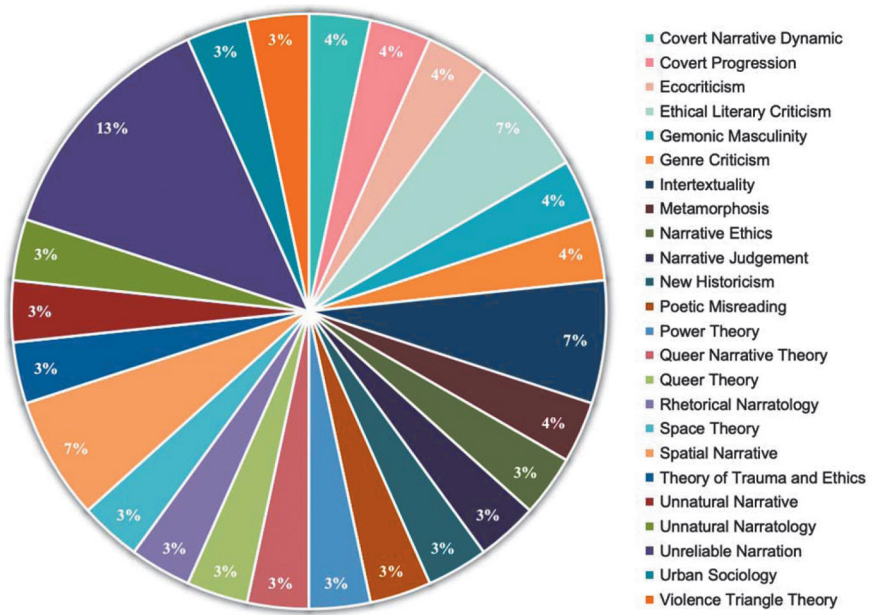
Other than reflecting critically, readers are also given space for contemplation and interpretation of the impression they get in the process of literary reception. Geng (2014) holds that the precise descriptions of the human brain in *Saturday* leave a profound impression on readers. McEwan's portrayal of the characters' urban lifestyle and his focus on human nature anchor this Gothic novel more firmly in social reality, providing readers with ample space for rational contemplation (Geng, 2014). As was pointed out by Wang (2016), readers interpret the same text differently due to variations in their cultural backgrounds, class status, knowledge structures, and social experiences. The numerous quotations and references to literary works and authors in *Atonement* provide readers with ample space for imaginative interpretation of the novel (Wang, 2016).

While reflecting and contemplating on readers' self-perceptions and societal dynamics, the studies also highlight the significant historical and contemporary implications of reading and receiving Ian McEwan's novels. Fu (2016) argues that the author's creative and the reader's interpretive processes serve as the text's historical embodiment. Zhao & Liu (2017) suggest that McEwan's call for a harmonious ecology in the novel *Solar* instils hope for readers to break free from cycles of alienation and achieve ecological salvation. Moreover, He (2024) contends that an analysis of the violent themes in *Saturday* reveals not only the hidden violence within British society but also McEwan's plea for a harmonious society.

Researchers hold varied opinions regarding whether readers can identify with the characters or plots in Ian McEwan's novels. According to Zhang, Xin & Li (2014), the plot of *The Cement Garden* makes readers experience a sense of engaging with a vividly realised character brought to life by McEwan but complicates the reader's ability to trust a narrator whose self-representation and ethical alignment are profoundly misaligned. On the contrary, in reading *Comfort of Strangers*, Wang (2011) thinks that the narrator maintains a deliberate distance from the characters, making it challenging for readers to identify with any of them fully.

Theoretical Perspectives of Ian McEwan novels in China

This section analysed research methods and theoretical perspectives utilised in the included studies. In terms of the research methodology, all the included studies have not explicitly mentioned, while after screening the full texts, it can be drawn that they all adopted qualitative approaches, and 18 of them applied case study methods, as the most defining feature of case study research is its clear delineation of the object of study, which is the case itself (Merriam & Tisdell, 2015). The included research employed diverse theoretical perspectives to analyse literary texts (Figure 3).

Figure 3. Theoretical perspectives adopted by included studies

Source: compiled by Wen Nie, Leng Chan Siaw, Shobihah Dayng, Ayuuni Nur.

Discussion

Limitations of the research reviewed

The overall evidence base regarding the acceptance of Ian McEwan’s novels in China remains relatively underdeveloped. Notably, despite a comprehensive literature search from 2000 onward, only studies published between 2007 and 2024 were deemed sufficiently rigorous for inclusion in this review. Earlier studies focused more on book reviews and the author himself, lacking the analytic depth necessary for literary reception studies. The selected studies concentrated on various novels by Ian McEwan, whose diverse styles and themes contribute to the richness of the research. However, this review’s geographical scope is confined to China, limiting the study of McEwan’s reception to a specific cultural and regional context.

The databases reviewed exhibit several imbalances. There is a significant geographical concentration in the study locations, with most research written in

Chinese and a paucity of English-language studies on the reception of McEwan's works. Moreover, the reception studies predominantly focus on scholars and literary experts as readers, with few studies investigating the responses of ordinary readers in China. While scholars reference general Chinese readers, including academic and ordinary readers, their analyses tend to be framed from an academic perspective rather than based on lived reading experiences. Consequently, the findings regarding how McEwan's novels are accepted are rarely substantiated by the perspectives of ordinary readers.

Methodologically, the consistency of approaches used in the reviewed studies poses a challenge for evaluation. The included studies predominantly utilise descriptive case studies, analysing individual novels from specific perspectives or general qualitative studies focusing on particular aspects of McEwan's work. None of the studies employed quantitative approaches or other qualitative methods to explore actual reading experiences. While qualitative case studies offer in-depth descriptions and analyses of bounded systems, incorporating multiple cases is a common strategy for enhancing research findings' external validity or generalizability (Merriam & Tisdell, 2015).

In many studies, the findings are primarily or exclusively reliant on the researchers' academic disciplines. Researchers often adopt a theoretical stance, presuming that McEwan's intended reader responses can be realised, that readers will accept the novels as the researchers interpret, and that readers will respond in the ways illustrated. For instance, *The Cement Garden* and *The Comfort of Strangers* are often regarded as McEwan's "small masterpieces", according to Shanghai Translation Publishing House (2024). However, Zhang, Xin & Li (2014) argue that readers engage with the vividly realised characters in *The Cement Garden*, while Wang (2011) suggests that it is challenging for readers to identify with any characters in *The Comfort of Strangers* fully.

Despite these limitations and the apparent shortage of relevant research in this field, the reviewed studies provide sufficient evidence to address the questions posed by this review and indicate areas where further investigation is warranted.

Contributions of the review to answering the research question

Few of the studies included in this review directly address the research question posed. Relevant evidence is often embedded within broader inquiries concerning general readers of McEwan's novels, which researchers rarely undertake. Among the studies that examine McEwan's works from literature-related perspectives, most mention what and how readers perceive the novels. Others suggest the broader implications that readers, particularly modern audiences, might derive from his works, or discuss how translations could be improved to enhance the reception of McEwan's novels. These studies raise the broader question of the applicability of findings to general readers who do not approach novels from an academic perspective.

Nevertheless, the evidence base suggests that the reception of Ian McEwan's novels in China is gaining increased attention and popularity. Readers engage emotionally and critically with the settings, plots, and thematic implications presented by the author. Some of these responses are rooted in ethical considerations of the characters' behaviours, reflections on cultural and societal backgrounds, or contemplations of quotations and references within the novels, while others emerge from McEwan's narrative styles. Furthermore, Chinese readers' perspectives in analysing these novels are becoming increasingly diverse. Interdisciplinary studies and approaches enrich the reception studies of world literature, including perspectives from literary studies, cultural studies, psychology, media studies, and more.

The findings regarding the acceptance of Ian McEwan novels in China offer a vividly diverse picture. For one thing, the reader response to Ian McEwan's novels varies from researcher to researcher. Yet some commonly acknowledged emotional feelings, ethical considerations and critical reflections exist. As Hu (2014) believes, some of the elements in McEwan's novels make readers feel depressed and uneasy; at the same time, readers have to think about the complex motives that affect their moral judgments, thus making self-reflective interpretations; in addition, readers can also feel an emotional upheaval in an instant and gain a strong sense of artistic beauty. In addition, through McEwan's call for a harmonious ecology in the novel, readers see the hope of breaking out of the cycle of alienation and achieving ecological salvation (Zhao & Liu, 2017), and sometimes readers also reflect on the current situation of "distance" communication in Chinese society (Geng, 2018).

In addition, the theoretical perspectives utilised in the included studies of Ian McEwan's novels in China have presented a refreshing view. Chinese scholars have attempted to use new critical perspectives to interpret McEwan's works, opening up new dimensions for studying the acceptance of McEwan's novels. A total number of 24 theoretical or analytical perspectives were utilised in the selected studies. Among which Narrative Techniques are the most commonly adopted. Unreliable Narrative, literary ethics criticism, including exploring sexual ethics, ecological ethics and technological ethics, also provides a unique analytical perspective for McEwan's research.

Conclusion

This systematic review, drawing on studies from 2000 to 2024, reveals that the acceptance of McEwan's works in China and related research has gradually deepened and expanded over the past two decades. The extensive research on McEwan's novels reflects the mainstream Chinese academic community's acceptance of this contemporary British writer and recognition of his literary achievements. However, the existing body of work remains relatively small, and there is a noticeable lack of systematic and comprehensive studies on reader acceptance. Additionally, the research primarily focuses on academic

perspectives, with few studies exploring the reception of McEwan's works among ordinary readers and their reading experiences within Chinese society.

The findings suggest several implications for future research and translation practice. Notably, considering Ian McEwan's broad recognition and acceptance as a novelist, research focusing solely on the reception of his novels within China is insufficient. Future studies should broaden their data sources beyond journal databases to include dissertations, news reports, online book review platforms, and other relevant mediums. In terms of research methodology, future investigations could benefit from incorporating a more diverse range of approaches. This might include quantitative methods, such as distributing questionnaires to general readers of McEwan's novels, qualitative approaches like phenomenological studies, which emphasise the essence of experience (Merriam & Tisdell, 2015), or mixed-methods research. Additionally, expanding the scope of research to encompass other genres of McEwan's work, such as children's novels, drama scripts, and screenplays, could offer new perspectives and deepen research content. Finally, research on the acceptance of McEwan's novels could also provide valuable insights into Western literature's translation studies and practices in China.

References

- Armstrong, P. (2009). Imagining institutional rationality? A fictional encounter between Ian McEwan and Wolfgang Iser. *Culture and Organization*, 15(2), 185–201. DOI: 10.1080/14759550902925351
- Bradford, R. (2009). *The novel now: Contemporary British fiction*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons.
- Cameron, O.C. (2002). A lacanian look at English elegance: Some reflections on Ian McEwan's *Enduring Love*. *The International Journal of Psychoanalysis*, 83(5), 1153–1167. DOI: 10.1516/69DY-3T45-YBEV-AQH4
- Chen, L., & Chen, B. (2020). Ziyou yu jiaolv: Maikē yu en Xingqiliu zhongde yihua shuxie. 陈丽 & 陈兵. 自由与焦虑: 麦克尤恩《星期六》中的异化书写 [Freedom and anxiety: the alienated writing in McEwan's *Saturday*]. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, 43(2), 128–134. (In Chinese.)
- Childs, P. (2007). *Ian McEwan's Enduring Love: A Routledge Study Guide*. Milton Park, Abingdon, Oxfordshire: Routledge.
- Durach, C.F., Kembro, J., & Wieland, A. (2017). A New Paradigm for Systematic Literature Reviews in Supply Chain Management. *Journal of Supply Chain Management*, 53(4), 67–85. DOI: 10.1111/jscm.12145
- Fink, A. (2019). *Conducting research literature reviews: From the internet to paper*. New York: Sage publications.
- Fu, C.L. (2021). Lun Shuzui de xushi shixue jiangou. 付昌玲. 论《赎罪》的叙事诗学建构 [On the construction of narrative poetics in *Atonement*]. *Dongyue Luncong*, 42(5), 106–112, 192. (In Chinese.) DOI: 10.15981/j.cnki.dongyueluncong.2021.05.011
- Fu, M. (2016). Textuality of History and Historicity of Text: New Historical Analysis of Ian McEwan's *Black Dogs*. *English Language and Literature Studies*, 6(3), 98. DOI: 10.5539/ells.v6n3p98
- G'aniyevna, S.A. (2023). Issues of intercultural communication and reception. *Ijodkor O'qituvchi*, 3(28), 191–195. DOI: 10.5281/zenodo.7802979

- Geng, X. (2014). Xingqiliu de gete wenlei shuxing yanjiu. 耿潇. 《星期六》的哥特文类属性研究[Reading Ian McEwan's Saturday as an Urban-Gothic Novel]. *Contemporary Foreign Literature*, 35(3), 83–91. (In Chinese.) DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2014.03.014
- Geng, X. (2016). Yien Maikeyouen xiaoshuo Xingqiliu zhongde baoli xushu. 耿潇. 伊恩·麦克尤恩小说《星期六》中的暴力叙述 [The Narration of Violence in Ian McEwan's Saturday]. *Journal of Sichuan International Studies University*, 32(1), 36–40. (In Chinese.)
- Geng, X. (2018). Dushi getijian juli miaoshu: wenxue yuyan de chengshi shehuixue yanjiu – yi Yien Maikeyouen xiaoshuo Xingqiliu weili. 耿潇. 都市个体间距离描述:文学语言的城市社会学研究——以伊恩·麦克尤恩小说《星期六》为例 [Description of urban interpersonal distance: a sociological study of urban literature language—taking Ian McEwan's novel Saturday as an example]. *Journal of South-Central Minzu University (Humanities and Social Sciences)*, 38(4), 111–115. (In Chinese.)
- Geng, X., & Li, Z. (2017). Yien Maikeyouen xiaoshuo Xingqiliu zhongde lundun shuxie. 耿潇 & 李增. 伊恩·麦克尤恩小说《星期六》中的伦敦书写 [London writing in Ian McEwan's novel Saturday]. *Journal of Xi'an Foreign Languages University*, 25(1), 87–90. (In Chinese.) DOI: 10.16362/j.cnki.cn61-1457/h.2017.01.017
- Guo, X.J. (2013). Fengzhan de wenben, banbo de shishi-xiaoshuo Xingqiliu de kongjian xushi yanjiu. 郭先进. 丰赡的文本, 斑驳的“史诗”——小说《星期六》的空间化叙事研究 [A rich text, a patchwork of 'epics' – a spatial narrative study of the novel Saturday]. *Foreign Language Education*, 9, 43–48, 78. (In Chinese.) DOI: 10.16362/j.cnki.cn61-1023/h.2013.05.005
- Guo, X.J. (2017). Geren de yiyu yu wenhua de yiyu – Heiquan de chuangsahng xushi yanjiu. 郭先进. 个人的抑郁与文化的抑郁——《黑犬》的创伤叙事研究 [Personal Depression and Cultural Depression: Trauma Narrative in Black Dogs]. *Contemporary Foreign Literature*, 38(1), 75–82. (In Chinese.) DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2017.01.012
- Guo, X.J., & Liu, L.M. (2016). Cong renwu de jiaolv xinli toushi Xingqiliu zhongde “Yingguo xianzhuang”. 郭先进 & 刘利民. 从人物的焦虑心理透视《星期六》中的“英国现状” [Viewing the “Condition of England” of Saturday from the Character's Psychological Anxiety]. *Journal of Yan'an University (Social Sciences Edition)*, 38(6), 89–92. (In Chinese.)
- Guo, X.J., & Liu, L.M. (2020). Yingguo manbuke jiang huodezhe jiqi zuopin zai zhongguo de yanjiu (1969–2019). 郭先进 & 刘利民. 英国曼布克奖获得者及其作品在中国的研究(1969–2019) [On Winners of Man Booker Prize and Their Works in Mainland of China (1969–2019)]. *Journal of Kaili University*, 38(5), 66–73. (In Chinese.)
- Gyeyke, K. (2004). *Beyond cultures: Perceiving a common humanity* (9). Washington: CRVP.
- Harari, M.B., Parola, H.R., Hartwell, C.J., & Riegelman, A. (2020). Literature searches in systematic reviews and meta-analyses: A review, evaluation, and recommendations. *Journal of Vocational Behavior*, 118, 103377. DOI: 10.1016/j.jvb.2020.103377
- He, J. (2024). On Violence Writing in Ian McEwan's Saturday. *Education, Language and Sociology Research*, 5(1), 114. DOI: 10.22158/elsr.v5n1p114
- Head, D. (2013). *Ian McEwan*. Manchester: Manchester University Press.
- Holub, R.C. (1992). *Crossing borders: Reception theory, poststructuralism, deconstruction*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Hou, W.R., & Li, W.P. (2005). Yingguo xiaoshuoshi (shang). 侯维瑞, & 李维屏. 英国小说史 (上) [A History of British Fiction (I)]. Nanjin: Yilin Publishing House. (In Chinese.)
- Hu, H.Y. (2014). Cong “jingsong” dao “jingdian” – Maikeyouen xiaohsuo lunli daode wei-ji zhuti tanwei. 胡慧勇. 从“惊悚”到“经典”——麦克尤恩小说论理道德危机主题探微 [From “Macabre” to “Classic”: The Ethical and Moral Crises in Ian McEwan's

- Fiction]. *Contemporary Foreign Literature*, 35(2), 85–92. (In Chinese.) DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2014.02.013
- Huang, H., & Wang, Q.L. (2021). Xin shiji 20 nian de waiguo wenxue yanjiu: huiguayu qianzhan. 黄晖 & 王青璐. 新世纪 20 年的外国文学研究: 回顾与前瞻 [Foreign Literature Studies in the Early 20 Years of the New Century: Review and Prospect]. *Interdisciplinary Studies of Literature*, 5(2). (In Chinese.)
- Huang, W.L. (2018). Yien Maikeyouen zuopin de yixue lunli jiedu – cong Xingqiliu yu Shuzui shuoqi. 黄伟龙. 伊恩·麦克尤恩作品的医学伦理解读——从《星期六》与《赎罪》说起 [An interpretation of Ian McEwan's works from the perspective of medical ethics: taking Saturday and Atonement as examples]. *Journal of The Fourth Military Medical University*, 9(1), 48–51. (In Chinese.) DOI: 10.13276/j.issn.1674-8913.2018.01.012
- Huang, Y.C. (2010). Fuza renxing de zhixun – lun Shuzui de jieyou xushi xiaoying. 黄一畅. 复杂人性的质询——论《赎罪》的解构叙事效应 [Inquiry into the Complexity of Humanity: On the Effect of Deconstructive Narration in Atonement]. *Journal of Foreign Languages*, 33(6), 89–94. (In Chinese.)
- Huang, Y.C. (2015). Xiuci xushi shiyu xiade hou xiandai yuedu zhile – yi Yien Maikeyouen Tianya wei li. 黄一畅. 修辞叙事视阈下的后现代阅读至乐——以伊恩·麦克尤恩《甜牙》为例 [Postmodern reading from the perspective of rhetorical narrative: a case study of Sweet Tooth by Ian McEwan]. *Journal of Xi'an Foreign Languages University*, 23(3), 104–107. (In Chinese.) DOI: 10.16362/j.cnki.cn61-1457/h.2015.03.024
- Jiang, C.Y. (2022). Yingguo xiaoshuo fazhanshi. 蒋承勇. 英国小说发展史 [Historical development of British fiction]. Hangzhou: Zhejiang Gongshang University Publisher. (In Chinese.)
- Jiang, Y.Y. (2013). Lun xiaoshuo Shuzui zhong de fanfeng. 姜燕燕. 论小说《赎罪》中的反讽 [On the irony in the novel Atonement]. *The Ideological Front*, 39(S2), 237–238. (In Chinese.)
- Jin, Y.R. (2021). Yien Maikeyouen changpian xiaoshuo guonei yanjiu shuping. 金言睿. 伊恩·麦克尤恩长篇小说国内研究述评 [Review of research on Ian McEwan's novels in China]. *Master and Masterpiece*, 4, 122–123. (In Chinese.)
- Kogan, I. (2014). Some Reflections on Ian McEwan's Atonement: ENACTMENT, GUILT, AND REPARATION. *The Psychoanalytic Quarterly*, 83(1), 49–70. DOI: 10.1002/j.2167-4086.2014.00076.x
- Kraus, S., Breier, M., Lim, W.M., Dabić, M., Kumar, S., Kanbach, D., Mukherjee, D., Corvello, V., Piñeiro-Chousa, J., Liguori, E., Palacios-Marqués, D., Schiavone, F., Ferraris, A., Fernandes, C., & Ferreira, J.J. (2022). Literature reviews as independent studies: Guidelines for academic practice. *Review of Managerial Science*, 16(8), 2577–2595. DOI: 10.1007/s11846-022-00588-8
- Lan, C. (1998a). Ping Moshengren de anwei. 蓝纯. 评《陌生人的安慰》 [On Comfort of Strangers]. *Foreign Literature*, 6, 43–46. (In Chinese.) DOI: 10.16430/j.cnki.fl.1998.06.010
- Lan, C. (1998b). Yien maikeyouen qiren qizuo. 蓝纯. 伊恩·麦克尤恩其人其作 [Ian McEwan and his works]. *Foreign Literature*, 6, 24–28. (In Chinese.) DOI: 10.16430/j.cnki.fl.1998.06.007
- Li, K.P. (2021). “Kongtong” xushu de beihou: aiwu keren zhong de ling yizhong pipan shengyin. 李昆鹏. “恐同”叙述的背后: 《爱无可忍》中的另一种批判声音 [Behind the Homophobic Narration: Another Critical Voice in Enduring Love]. *Contemporary Foreign Literature*, 42(2), 68–75. (In Chinese.) DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2021.02.013
- Li, X.H. (2016). Wenhua yujing yu wenxue fanyi huayu goujian. 李晓红. 文化语境与文学翻译话语建构 [Cultural Context and the Construction of Literary Translation Discourse].

- Jiangsu Social Sciences*, 4, 179–185. (In Chinese.) DOI: 10.13858/j.cnki.cn32-1312/c.2016.04.024
- Lin, L. (2013). Lun Xingqiliu de kongjian xushi celve. 林莉. 论《星期六》的空间叙事策略 [Interpreting the Spatial Narrative in Ian McEwan's *Saturday*]. *Contemporary Foreign Literature*, 34(1), 47–54. (In Chinese.) DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2013.01.009
- Liu, C.F. (2021). Dangdai yingguo xiaoshuo zhongde dushi wenhua kunjing. 刘春芳. 当代英国小说中的都市文化困境 [Urban Cultural Predicament in Contemporary British Novels]. Beijing Book Co. Inc. (In Chinese.)
- Long, J. (2005). Xinling de haizi, shenqi de shijian – Yien Maikeyouen Shijian zhong de haizi jiedu. 龙江. 心灵的孩子, 神奇的时间——伊恩·麦克尤恩《时间中的孩子》解读 [The Child inside, a magical time – an interpretation of Ian McEwan's *The Child in Time*]. *Contemporary Foreign Literature*, 4, 70–76, 173. (In Chinese.)
- Luo, Y. (2017). Yiqing shiyu xia de Yien Maikeyouen xiaoshuo yanjiu. 罗媛. 移情视阈下的伊恩·麦克尤恩小说研究 [A study of Ian McEwan's novels from the perspective of empathy]. Beijing Book Co. Inc. (In Chinese.)
- Malcolm, D. (2002). *Understanding Ian McEwan*. Univ of South Carolina Press.
- McEwan, I., Ge, F., & Li, E. (2018). Yinghan zhijian: chuanmei, xuhuan, yu kehuan – Yien Maikeyouen, Gefei, Lier duihua lu. 伊恩·麦克尤恩, 格非, & 李洱. 英汉之间: 传媒、虚构与科幻——伊恩·麦克尤恩、格非、李洱对话录 [Between English and Chinese: Media, Fiction and Science Fiction – a dialogue between Ian McEwan, Ge Fei and Li Er]. *Modern Chinese Literature Studies*, (12), 49–58. (In Chinese.)
- Merriam, S.B., & Tisdell, E.J. (2015). *Qualitative research: A guide to design and implementation*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons.
- Page, M.J., McKenzie, J.E., Bossuyt, P.M., Boutron, I., Hoffmann, T.C., Mulrow, C.D., Shamseer, L., Tetzlaff, J.M., Akl, E.A., & Brennan, S.E. (2021). The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews. *BMJ*, 372. <https://www.bmj.com/content/372/bmj.n71.short>
- Papadima, L. (2015). Literary Reception Theories: A Review. *Dacoromania litteraria*, 2(1), 134–162.
- Qiu, F. (2007). Nanxing qizhi yu xingbie zhengzhi – jiedu Yien Maikeyouen de Iiating Zhi-zao. 邱枫. 男性气质与性别政治——解读伊恩·麦克尤恩的《家庭制造》 [Hegemonic Masculinity and Gender Politics: Interpreting Ian McEwan's *Homemade*]. *Foreign Literature*, 1, 15–20, 126. (In Chinese.) DOI: 10.16430/j.cnki.fl.2007.01.003
- Qu, S.J., & Ren, Y.M. (2008). Dangdai Yingguo xiaoshuo shi. 瞿世镜, & 任一鸣. 当代英国小说史 [A History of Contemporary British Fiction]. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese.)
- Rees-Jones, D. (2005). Fact and artefact: Poetry, science, and a few thoughts on Ian McEwan's *Saturday*. *Interdisciplinary Science Reviews*, 30(4), 331–340. DOI: 10.1179/030801805X64915
- Seaboyer, J. (2005). Ian McEwan: Contemporary Realism and the Novel of Ideas. J. Acheson & S.C.E. Ross, *The Contemporary British Novel Since 1980* (23–34). London: Palgrave Macmillan US. DOI: 10.1007/978-1-349-73717-8_3
- Selçuk, A.A. (2019). A guide for systematic reviews: PRISMA. *Turkish archives of otorhinolaryngology*, 57(1), 57. DOI: 10.5152/tao.2019.4058
- Shang, B. (2018). Ethical literary criticism and Ian McEwan's *Nutshell*. *Critique: Studies in Contemporary Fiction*, 59(2), 142–153. DOI: 10.1080/00111619.2017.1378612
- Shang, B.W. (2018). Yien Maikeyouen de zhongguo lianpu: fanyi yu yanjiu lunshu. 尚必武. 伊恩·麦克尤恩的中国脸谱: 翻译与研究述论 [Critical Reception of Ian McEwan in China]. *English Studies*, 1, 110–121. (In Chinese.)

- Shang, B.W. (2019). “M” xiaoshi de mimi: Maikeyouen Liti Jihe de feiziran xushi. 尚必武. “M”消失的秘密: 麦克尤恩《立体几何》的非自然叙事[The Mystery of M’s Disappearance: Unnatural Narrative in Ian McEwan’s Solid Geometry]. *Contemporary Foreign Literature*, 40(3), 44–51. (In Chinese.) DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2019.03.009
- Shang, B.W. (2021). Maikeyouen Zhanglang de feiziran xushi jiqi zhengzhi fengyu. 尚必武. 麦克尤恩《蟑螂》的非自然叙事及其政治讽喻[Unnatural Narrative and Its Political Satire in McEwan’s The Cockroach]. *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences)*, 29(3), 89–108. (In Chinese.) DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2021.03.011
- Shanghai Translation Publishing House – Ian McEwan. (n.d.). Retrieved from <http://www.stph.com.cn>
- Snyder, H. (2019). Literature review as a research methodology: An overview and guidelines. *Journal of business research*, 104, 333–339. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.039
- Song, L.G., & Fang, X.M. (2018). Maikeyouen Xingqiliu de xushi lunli. 宋来根 & 方晓梅. 麦克尤恩《星期六》的叙事伦理[On the Narrative Ethics of McEwan’s Saturday]. *Journal of Hubei Polytechnic University (Humanities and Social Sciences)*, 35(6), 59–63. (In Chinese.) DOI: 10.3969/j. ISSN. 2095 - 4662. 2018. 06. 010
- Tan, J. (2012). Lundun de kunhuo yu chongtu – xiaoshuo Xingqiliu de zhuti tansuo. 谭佳. 伦敦的困惑与冲突——小说《星期六》的主题探索[The confusion and conflict of London – a theme explored in the novel Saturday]. *Journal of Chongqing University of Science and Technology (Social Sciences Edition)*, 23, 116–117. (In Chinese.) DOI: 10.19406/j.cnki.cqkxyxbskb.2012.23.041
- Wang, D., & Tian, J. (2024). Punish with Impunity: The Unreliable Narration in My Purple Scented Novel. *Anq-A Quarterly Journal of Short Articles Notes and Reviews*, 37(3), 465–469. DOI: 10.1080/0895769X.2023.2183812
- Wang, G.X. (2016). Lun Shuzui de wudu xushi. 王改霞. 论《赎罪》的误读叙事 [On the misreading narration of Atonement]. *View on Publishing*, 8, 89–91. (In Chinese.) DOI: 10.16491/j.cnki.cn45-1216/g2.2016.0302
- Wang, S.R., & Fang, J. (2006). Yingguo wenxue jianshi. 王守仁, & 方杰. 英国文学简史 [A concise history of English literature]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. (In Chinese.)
- Wang, S.R., & He, N. (2006). 20 shiji Yingguo wenxue shi. 王守仁, & 何宁. 20世纪英国文学史 [History of 20th Century British Literature]. Peking: Peking University Press. (In Chinese.)
- Wang, T.H., & Li, Y.Q. (2019). “Fanran xingwu” – Maikeyouen Xingqiliu chuangshang xushi tanxi. 王桃花 & 李雅晴. “幡然醒悟”——麦克尤恩《星期六》创伤叙事探析 [“Sudden Awakening”: Traumatic Narrative in Ian McEwan’s Saturday]. *Journal of Changchun University*, 29(3), 40–43. (In Chinese.)
- Wang, Y. (2011). Mosheng ren de weijie: bu kekao de renwu fangzhen jiqi xushu. 王悦. 《陌生人的慰藉》: 不可靠的人物方阵及其叙述[The Comfort of Strangers: Phalanx of Unreliable Characters and Narration]. *Foreign Literatures*, 31(2), 120–128. (In Chinese.) DOI: 10.16345/j.cnki.cn11-1562/i.2011.02.010
- Wang, Y.P. (2015). Huwenxing yu fanfeng: lun Maikeyouen xiaoshuo Amusitedan de xushi celve. 王育平. 互文性与反讽: 论麦克尤恩小说《阿姆斯特丹》的叙事策略[Intertextuality and Irony: Two Narrative Strategies in Ian McEwan’s Amsterdam]. *Contemporary Foreign Literature*, 36(2), 72–79. (In Chinese.) DOI: 10.16077/j.cnki.issn1001-1757.2015.02.014
- Wang, Y.W., & Yang, S. (2016). Nvexin zhi lv: Shuzui de chuangshang shuxi. 王艳文 & 杨思. 虐心之旅: 《赎罪》的创伤书写[A heart-wrenching journey: the trauma in Atonement]. *Movie Literature*, 1, 41–43. (In Chinese.)

- Wang, Z.L., & Zhou, Y.L. (2018). *Yingguo 20 shiji wenxue shi xinban*. 王佐良, & 周钰良. 英国20世纪文学史新版[A *History of English Literature in the Twentieth Century*]. Peking: Foreign Language Teaching and Research Press. (In Chinese.)
- Wu, C.P. (2014). “Heiquan”: xifang chuantong wenhua de yiyu zheng – Yien Maikeyouen Heiquan zhong “Heiquan” yixiang jiedu. 吴超平. “ ”:西方传统文化的抑郁症——伊恩·麦克尤恩《黑犬》中“黑犬”意象解读[Depression in Western traditional culture – an interpretation of the “black dog” image in Ian McEwan’s *Black Dog*]. *Journal of Huaibei Normal University (Philosophy and Social Sciences)*, 35(5), 130–133. (In Chinese.)
- Yang, J.C., & Zhang, Q. (2017). 21 shiji waiguo wenxue yanjiu xin shiye. 杨金才 & 张琦. 21世纪外国文学研究新视野 [New horizons in the study of foreign literature in the 21st century]. New Jersey: Beijing Book Co. Inc. (In Chinese.)
- Yang, L. (2017). Lunli shiyu xia de Yien Maikeyouen xiaoshuo yanjiu. 杨澜. 伦理视域下的伊恩·麦克尤恩小说研究[A Study of Ian McEwan’s Works from the Perspectives of Ethics]. *Henan Social Sciences*, 25(9), 95–98. (In Chinese.)
- Yue, D.Y. (2021). *Kua wenhua zhi qiao*. 乐黛云. 跨文化之桥[A *Bridge Across Cultures*]. Beijing Book Co. Inc. (In Chinese.)
- Zhang, J., Xin, S.G., & Li, X. (2014). Lunli daocuo de Shuini Huayuan. 张洁, 辛曙光, & 李旭. 伦理倒错的水泥花园[Ethical Flaw in *The Cement Garden*]. *Journal of Tianjin University (Social Sciences)*, 16(1), 89–92. (In Chinese.)
- Zhang, S.C. (2015). Cong Heiquan kan Maikeyouen de jiating lunli guan. 张松存. 从《黑犬》看麦克尤恩的家庭伦理观[On Ian McEwan’s Family Ethics Reflected in *Black Dog*]. *The World & Chong Qing*, 32(11), 38–42. (In Chinese.) DOI: 10.13769/j.cnki.cn50-1011/d.2015.11.008
- Zhao, Q., & Liu, G.Q. (2017). Yousi yu jiushu: shengtai piping shiyu xia de Riguang. 赵倩 & 刘国清. 忧思与救赎:生态批评视域下的《日光》[Sorrow and Salvation: Solar in the Context of Ecocriticism]. *Social Science Front*, 11, 264–268. (In Chinese.)
- Zheng, J. (2020). Maikeyouen xiaoshuo zhong de gongqing guan. 郑杰. 麦克尤恩小说中的共情观[The Concept of Empathy in McEwan’s Fiction]. *Foreign Literature Studies*, 42(5), 114. (In Chinese.)
- Zhou, M., & Wu, W. (2022). Negotiation between social structure and personal feelings – An inquiry into the covert progressions in Ian McEwan’s *Machines like me*. *Neohelicon*, 49(2), 533–549. DOI: 10.1007/s11059-022-00655-9
- Zhu, X.Q. (2012). Quanqiu hua Beijing xia hou 9.11 shiqi Yingguo Lundun levying – jiedu Maikeyouen xiaoshuo Xingqiliu. 朱晓琴. 全球化背景下后9.11时期英国伦敦掠影——解读麦克尤恩小说《星期六》[A Post-9. 11 Glimpse of London under a Globalised Context – from McEwan’s *Saturday*]. *Journal of Changchun University*, 22(11), 1368–1370. (In Chinese.)

Bio notes:

Wen Nie, PhD Student at the Faculty of Humanities, Management and Science, University Putra Malaysia, Bintulu, Sarawak, Malaysia. ORCID ID: 0009-0004-2743-9053. E-mail: gs63071@student.upm.edu.my

Leng Chan Siaw, Senior Lecturer of Psychology and counselling at the Department of Social Science and Management, Faculty of Humanities, Management and Science, University Putra Malaysia, Bintulu, Sarawak, Malaysia. ORCID ID: 0000-0001-5542-2540. E-mail: chansiawleng@upm.edu.my

Shobihah Binti Abang Abai Dayang, Senior Lecturer at the Faculty of Humanities, Management and Science, University Putra Malaysia, Bintulu, Sarawak, Malaysia. ORCID: 0000-0002-3636-4522. E-mail: shobihah.abai@upm.edu.my

Ayuni Binti Mohd Isa Nur, Senior Lecturer at the Department of Government and Civilization Study, Faculty of Human Ecology, University Putra Malaysia, Serdang, Selangor, Malaysia. ORCID: 0000-0001-7267-1290. E-mail: nurayuni@upm.edu.my

Сведения об авторах:

Нье Вэнь, аспирант факультета гуманитарных наук, управления и науки, Университет Путра Малайзия, Бинтулу, Саравак, Малайзия. ORCID: 0009-0004-2743-9053. E-mail: gs63071@student.upm.edu.my

Сяо Лен Чан, старший преподаватель психологии и консультирования в департаменте социальных наук и управления, факультет гуманитарных наук, управления и науки, Университет Путра Малайзия, Бинтулу, Саравак, Малайзия. ORCID: 0000-0001-5542-2540. E-mail: chansiawheng@upm.edu.my

Даян Шобиха бинти Абанг Абай, старший преподаватель факультета гуманитарных наук, управления и науки, Университет Путра Малайзия, Бинтулу, Саравак, Малайзия. ORCID: 0000-0002-3636-4522. E-mail: shobihah.abai@upm.edu.my

Нур Аюни бинти Мохд Иса, старший преподаватель департамента изучения права и цивилизации, факультет человеческой экологии, Университет Путра Малайзия, Серданг, Селангор, Малайзия. ORCID ID: 0000-0001-7267-1290. E-mail: nurayuni@upm.edu.my

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-858-862
EDN: RSUUCF
УДК 821.111

Рецензия / Review

**Постколониальная, постимперская,
полидомная, русскоязычная.
Рецензия на книгу: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т.,
Кешфидинов Ш.К. Транскультурная литература XXI века:
учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024.**

**А.Г. Коваленко , В.А. Чаурова **

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
[✉ak-taurus@mail.ru](mailto:ak-taurus@mail.ru)

Вклад авторов. А.Г. Коваленко – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. В.А. Чаурова – сбор исследовательских данных, анализ данных.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 августа 2024 г.; отрецензирована 11 сентября 2024 г.; принята к публикации 2 октября 2024 г.

Для цитирования: Коваленко А.Г., Чаурова В.А. Постколониальная, постимперская, полидомная, русскоязычная. Рецензия на книгу: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.К. Транскультурная литература XXI века: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. 235 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 858–862. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-858-862>

**Postcolonial, post-imperial,
polydomous, Russian-speaking.
Book review: Shafranskaya, E.F., Garipova, G.T.
& Keshfidinov, Sh.K. (2024). *Transcultural literature
of the XXI century.* Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)**

**Alexander G. Kovalenko , Valeria A. Chaurova **

RUDN University, Moscow, Russian Federation
[✉ak-taurus@mail.ru](mailto:ak-taurus@mail.ru)

© Коваленко А.Г., Чаурова В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interests.

Article history: submitted August 4, 2024; revised September 11, 2024; accepted October 2, 2024.

For citation: Kovalenko, A.G., & Chaurova, V.A. (2024). Postcolonial, post-imperial, polydome, Russian-speaking. Book review: Shafranskaya, E.F., Garipova, G.T., & Keshfidinov, Sh.K. (2024). Transcultural literature of the XXI century. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.) *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(4), 858–862. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-858-862>

Несмотря на то что в рецензируемую книгу включены вопросы и задания для самостоятельной работы студентов, она мало походит на учебное пособие. Книга скорее соответствует жанру коллективной научной монографии. Читатель обнаруживает множество ссылок на научные труды, емкие цитаты из художественных произведений, частое самоцитирование. Пособие написано научным языком, изобилующим сложными оборотами и абстрактной терминологией, многочисленными повторами, что затрудняет чтение. Впрочем, предлагаемый в конце учебника словарь терминов призван облегчить задачу. Из него мы узнаем о значении таких слов, как «иеротопика», «лиминальность», «парасемантика», «соматотип», «хиазм», «фронтир» и др. Правда, для их понимания используется интерпретация, которая, пожалуй, не упрощает, а только усложняет восприятие из-за наложения новых абстракций. Например: «Метатекстуальность – это форма интертекстуального дискурса, в котором один текст соотносится с другими текстами в контексте авторской трансперсональной системы (!) или с другими текстами в рецептивном поле мировой культуры» (Шафранская, Гарипова, Кешфидинов, с. 212). При упрощении: метатекстуальность – это та же интертекстуальность, *idem per idem*.

Авторы книги убеждают читателя в существовании особой транскультурной литературы, концепция которой опирается на современные представления о постколониализме, недавно появившемся на Западе и уже перекочевавшем в российское интеллектуальное пространство, в основном благодаря работам культуролога, литературоведа А. Эткинды о «внутреннем колониализме» в России. В основании концепции лежит убеждение в том, что Россия угнетала колонизированные народы, относя к их числу практически все народности республик бывшего Советского Союза. По мнению авторов, колониализм имел место не только в царской России, но и в советское время. Советская Россия продолжала подавлять народы Средней Азии, Кавказа, Прибалтики, не давала возможности учиться на родном языке, писать книги на нем. Отсюда следует нелепый и абсолютно не соответствующий действительности вывод, что свободная литература в национальных республиках возникла только на постсоветском пространстве, а поскольку влияние метрополии было колоссальным, и оно сохраняется, то и новая литература на пространстве бывшего

Советского Союза могла быть создана только на русском. Отсюда и появился термин «русскоязычный писатель».

Хорошо это или плохо? Ни то, ни другое, говорят авторы учебника. Просто следует признать это как неоспоримый факт. Национальный писатель пишет на русском, так как это его «второй родной язык», он не только говорит, но и мыслит на нем. Однако влияние «первого родного языка» остается достаточно сильным, как и этнического менталитета, поэтому в русскоязычной прозе узбеков, армян, белорусов присутствуют элементы национального сознания в виде образов, слов, оборотов речи, ментальных «паттернов» и т. д. Ресурсов родного «колонизированного» некогда языка не хватает на обличение имперского сознания, поэтому авторы ругают колониальное прошлое метрополии, обличают его, подвергают критике все же на русском языке. Такой вот парадокс.

Шестнадцать глав книги – это шестнадцать очерков о разных писателях из бывших советских республик, в которых студент найдет анализ одного-двух «знаковых» произведений «транскультурного писателя». Они очень разные, и все же прослеживается некая константная составляющая, которую можно назвать «антиимперскостью». В повести Субхата Афлатуни рассказывается о том, как старый учитель прививал любовь к Пушкину и Лермонтову с помощью палки (буквально!). В анализе романа Лианы Ахвердян акцент делается на мотиве коврового орнамента, символизирующего узор памяти армянского народа о кровавом тиране. В романе Саши Филиппенко значимым становится образ флага белорусской оппозиции, выступающей против колонизации (!) белорусского народа. В романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста» раскрывается сложная мусульманско-суфийская составляющая сюжетной интриги, которую было совершенно невозможно представить в «колониальную эпоху». «Мусульманский подтекст романа неслучаен, – сказано в учебном пособии. – Он был необходим автору, который волей исторических кульбитов (!) (процессов, называемых колониальными или постколониальными), вписан в парадигму бикультурной, биментальной и билингвальной картины мира. Русская культура вытекает не только из христианских стереотипов, но и мусульманских, особенно в той историко-культурной фазе, которая нашла свой отсчет с захвата Кавказа Российской империей вплоть до наших дней» (с. 74). В повести крымско-татарского писателя Эмиля Акита «Бархатный сезон» звучит мотив возвращения несправедливо высланного народа в родной, хотя и разрушенный дом.

Авторы настойчиво акцентируют роль колониального и постколониального, но не проводят строгой разграничительной черты между двумя понятиями и их смыслами. Может быть, делают это намеренно, отмечая **«перекрестья колониальной и постколониальной литератур»**. В книге Санджара Янышева «Умр» тема Великой Отечественной войны отмечена мотивами, которые «недвусмысленно отсылают к цивилизаторскому проекту (!) Российской империи (а потом и к СССР), воплотившемуся

в Туркестане» (с. 72). Удивление читателя могут вызвать некоторые оценки авторами постколониальной рецепции, не совсем точные и в целом несправедливые: «Россия приватизировала (!?) победу во Второй мировой. Победа стала русским брендом (!?). А как же узбеки (перечень остальных этнонимов оставим за рамками)? Черета нынешних поколений не знает, какую поддержку и помощь внесла в общую победу Средняя Азия» (с. 74). Думается, что современная Россия об этом не забыла. А вот усилиями современных национальных элит бывших республик такое забвение было обеспечено.

Как мы узнаем из данного учебника, колонизации подверглась и прибалтийская Эстония. В главе, где анализируется роман Саны Валиуллиной «Не боюсь Сине́й Бороды», показано, как созревала психологическая конфронтация свободолобивых эстонцев и «имперских колонизаторов» — русских. Однако парадоксален тот факт, что Сана Валиуллина, этническая татарка, после издания книги на английском и голландском языках, все же обратилась к «имперскому» языку, и книга появилась на русском, что и обеспечило ее существование в поле «транскультурной литературы».

Нельзя не обратить внимание на то, что границы транскультурной литературы у авторов учебника все же несколько размыты, а некоторые имена искусственно притянуты в эту область. Автор «Южной Мангазеи» Киор Янев — этнический русский, хотя и родился в Средней Азии, а позднее проживал в Европе. Его стилистически замысловатый и усложненный роман хоть и наполнен «антиимперским» пафосом, вряд ли несет в себе полилингвальные элементы. Он «антиимперский», но вовсе не причине места рождения автора и его биографии.

Другой пример нарушения логики — роман Андрея Волоса «Путешествие в Панджруд», посвященный великому персидскому поэту Джафару Рудаки, в котором нет ничего ни от колониального, ни от имперского. Авторы учебника убеждены, что транскультурализм не синонимичен ориентализму, то есть видения Востока иноязычным и инокультурным писателем (Л. Толстой «Хаджи-Мурат»). Несмотря на уверения авторов, что роман Андрея Волоса не является ориенталистским, в нем все же нет и ярко выраженных транскультурных особенностей, декларируемых авторами книги.

В заключении отметим, что выход в свет данного учебного пособия по транскультурной литературе — значимое событие. Он свидетельствует об интересе к проблеме, возникшей вследствие развала Советского Союза, разрушения некогда единого богатого поля многонациональной советской литературы. Он указывает на то, что несмотря на «кульбиты истории», литература живет в новой ипостаси и пространстве, развивается, обретает новые черты и особенности, синтезирует этнонациональные черты. Такой синтез становится возможным благодаря цементирующему фактору русского языка, языка межкультурного общения. Русский язык — создатель новой интернациональной транскультурной литературы, которую требуется изучать и как предмет науки, и как учебную дисциплину.

Сведения об авторах:

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: ak-taurus@mail.ru

Чаурова Валерия Александровна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: llera_chaurova@mail.ru

Bio notes:

Alexander G. Kovalenko, Grand PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: ak-taurus@mail.ru

Valeria A. Chaurova, PhD Student at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: llera_chaurova@mail.ru